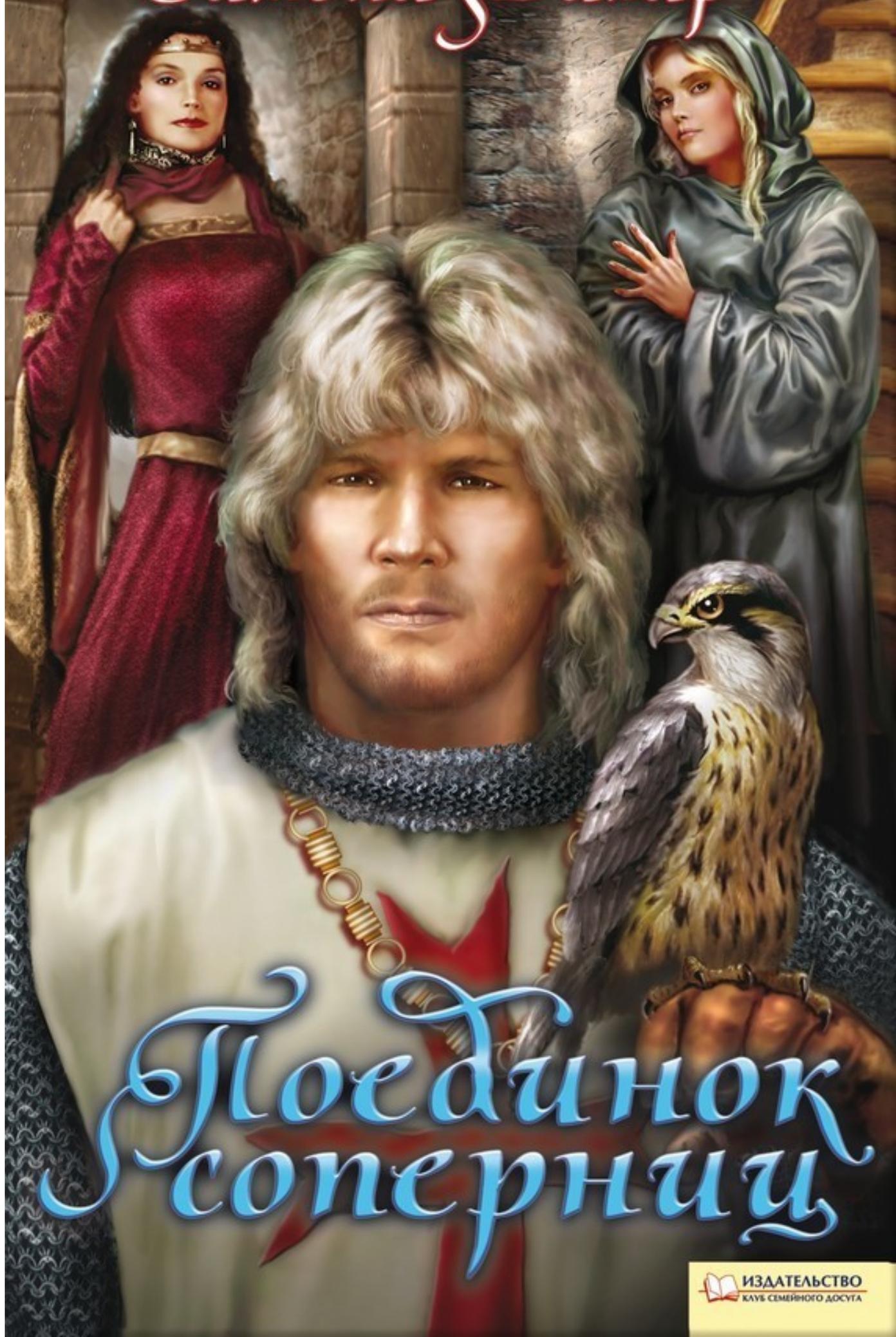

Симона Вилар

Поединок
соперниц

Далёкий свет

Симона Вилар

Поединок соперниц

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2010

Вилар С.

Поединок соперниц / С. Вилар — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2010 — (Далёкий свет)

ISBN 978-5-9910-1176-1

Англия, XII век. Внебрачная дочь короля и беглая монахиня незаурядны, красивы и решительны. Обе страстно влюблены в прекрасного крестоносца Эдгара и готовы бороться за свою любовь. Но в их поединок окажутся втянуты самые разные люди: разбойник и аббат, мятежник и святая, наемник и трубадур... Кому же из соперниц удастся обрести счастье?

ISBN 978-5-9910-1176-1

© Вилар С., 2010
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2010

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	34
Глава 3	58
Глава 4	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Вилар Симона

Поединок соперниц

Памяти моей матери...

© Гавриленко Н. Г., 2003, 2010

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2010, 2011

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2010

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Предисловие

Роман Симоны Вилар «Поединок соперниц» посвящен романтическому Средневековью. Начиная его читать, сразу вспоминаешь строки Пушкина: «...Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой...» Такие женщины стали героинями этого романа. Здесь их две, и обе они с равными правами претендуют на внимание читателя.

Равными ли? Одна из них, Бэртрада, никак с этим не согласилась бы. Ведь она дочь короля Англии и Нормандии, красавица, умница. Несмотря на молодость, она уже сильный боец и опасный противник в мире придворных интриг. А что вторая – саксонка Гита? Она, правда, тоже знатного рода, но давно осиротела и живет в монастыре, где занимается перепиской книг. Все, чем она владеет, – старая башня среди болот. Разве может она быть соперницей блестящей красавице, выросшей при дворе одного из самых могущественных земных властителей?

Судьба сделала этих двух девушек различными во всем, кроме одного. Обе они назвали своим избранником одного и того же человека – рыцаря из Святой земли по имени Эдгар Армстронг. И если Бэртрада сама выбрала Эдгара – красивого, сильного мужчину и доблестного воина, да и богатого человека к тому же, словом, подходящего жениха для такой, как она, – то Гиту привела к нему сама судьба, случайность, обстоятельства, которым она не смогла противиться. Как не смогла потом противиться влечению своего сердца, привязавшего ее к Эдгару навсегда вопреки всем враждебным обстоятельствам. И кто победит в борьбе: та, что привыкла только брать, или та, что готова всем пожертвовать ради тех, кого любит?

Роман Симоны Вилар написан в интересной форме: в каждой очередной главе повествование ведется от лица другого персонажа. Обязательно надо отметить, что Симона Вилар использовала этот прием с блестящим мастерством: в центре внимания каждый раз оказывается именно тот из многочисленных персонажей, кто находится в сердце развивающихся событий, от кого сейчас в наибольшей степени зависит ход всей истории. Рассказы о пережитом и пережитом не повторяются, но дополняют друг друга, позволяя читателю увидеть события с разных точек зрения.

Эта форма предъявляет к читателю определенные требования. Каждый из персонажей доносит до вас свою собственную правду как бы без посредства автора, и читателю предстоит самому анализировать характер и поступки каждого героя. В чем настоящая сила человека: в том, чтобы требовать от людей признания, а от судьбы различных благ, идти на поводу у своих желаний и заботиться только о себе? Или в том, чтобы суметь в решительный миг пожертвовать своим благополучием, честью и даже жизнью, спасти тех, кто доверился тебе? Одна из этих женщин всегда и во всем требует своего. Другая, при внешней мягкости и кажущейся слабости, тверда, как стальной клинок. Роман помогает нам понять, в чем истинная сила мужчины и женщины, учит распознавать внутреннюю суть человека, отличать то, что он говорит о себе, от того, что о нем говорят его поступки.

Этот роман чем-то похож на замок Гронвуд – они оба строятся у вас на глазах. Населяющие его люди – дети своего, давно ушедшего времени, и все же в самом главном они очень похожи на нас. Ведь каждый человек, в каком бы веке ему ни привелось жить, от рождения до смерти ведет свой поединок с судьбой. И каковы бы ни были обстоятельства, только от нас зависит, покажем ли мы себя достойными соперниками. Ведь наше оружие – сила духа, решимость, достоинство и любовь – не ржавеет с течением лет...

Глава 1

Бэртрада

Январь 1131 года

Я всегда знала, что могу добиться всего, чего захочу.

Конечно, я не была настолько наивной, чтобы не понимать – для получения желаемого следует приложить немало усилий, к тому же не все приходит сразу. Но в одном могу поклясться – ни разу я не познала поражения. Это давало мне повод гордиться собой, ходить с высоко поднятой головой, ничуть не стесняясь своего происхождения.

Да, пусть я была незаконнорожденной, но в то же время и принцессой Нормандской. Ибо мой отец – сам Генрих I Боклерк, герцог Нормандии и, свыше того, король Англии. Правда, в Англии я бывала редко, больше жила в континентальных землях отца. Я была «дитя двора», девица, выросшая в королевском окружении, незаконнорожденная принцесса, и пусть бы только кто попробовал мне сказать, что я не более чем одна из улюбленок моего любвеобильного батюшки.

Моя мать давно умерла. Я ее не помнила, знала только, что она была вдовой нормандского рыцаря, некогда обратившаяся с прошением к королю, а уж Генрих Боклерк редко упускал приглянувшуюся даму. Так я и появилась на свет, одна из множества его внебрачных детей. Но ко мне отец относился особо, так как я рано осиротела, и мне с няней Маго было позволено жить при дворе. Поэтому с раннего детства я дышала воздухом дворцовых тайн, училась понимать в них толк и использовать себе на пользу. Интриги! Ничто так не волновало меня. Я жила этой жизнью, и она мне нравилась. О, я быстро научилась распознавать свою выгоду и никому бы не позволила себя обидеть.

А ведь в последний раз меня посмел задеть сам примас¹ Англии архиепископ Кентерберийский. Этот святоша во всеуслышание осудил мою манеру туго затягивать шнуровку платья, подчеркивая фигуру – дескать, тем самым я намеренно выставляю напоказ каждый изгиб тела и смущаю мужчин, вызывая у них плотские помыслы. Как будто мужчины не думают об этом ежедневно! Вдобавок этот лицемер съязвил, что ничего иного и не следовало ожидать от девицы, чья мать была шлюхой короля и чье имя сам Генрих уже и не помнит.

Кто бы снес подобное оскорбление? И я показала, что смогу отомстить даже главному церковнику Англии.

Кем это сказано, что Церковь вне юрисдикции короля? Уж по крайней мере не такого, как мой отец, – Генрих I держал всех этих длиннополых в кулаке. К тому же любой церковник является подданным короля. Поэтому я навела справки об архиепископе и выяснила, что примас благоволит саксам, этому грубому, мятежному племени, которое некогда огнем и мечом покорил мой грозный дед Вильгельм Завоеватель². Стоило ли об этом узнать королю? Разумеется. И уж я постаралась представить все в таком свете, что примас выглядел едва ли не смутьяном.

Наградой мне стала восхитительная сцена: отец устроил святоше гневный разнос, а под конец велел покинуть двор, заняться делами духовными и не совать свой нос туда, куда не следует.

Пристыженный архиепископ Кентерберийский поспешил уехать, но прежде чем он укатил, я постаралась, чтобы его известили, кто донес на него. Его последний укоризненный взгляд

¹ Примас – первый по сану или по своим правам священнослужитель в стране.

² Вильгельм Завоеватель (1028–1087) – первоначально герцог Нормандии, в 1066 г. завоевал Англию, где короновался как Вильгельм I и получил прозвище Завоеватель.

был мне слаще меда. Как порадовало то боязливое почтение, с которым стали относиться ко мне, поняв, какое влияние я имею на родителя. Ибо я была Бэртрадой Нормандской! Или Английской, если угодно. Так меня полагалось называть до той поры, пока я не выйду замуж и не стану носить имя супруга.

Вопрос замужества для меня, как и для любой девицы благородной крови, представлял немалый интерес. Я была честолюбива и не вышла бы ни за кого, кто бы не поднял меня до уровня настоящей госпожи с достойным титулом. А почему бы и нет? Сам Вильгельм I, мой дед по отцу, был рожден от внебрачной связи герцога Роберта Дьявола и дочери кожевенника Арлетты. А стал королем! Мои незаконнорожденные братья Роберт, Реджинальд и Бодуэн – могущественные вельможи Англии. Первый носит титул графа³ Глочестера, второй Корнуолла, а третий – Девоншира. И, тресни моя шнуровка, я не желала для себя меньшего!

В мои двадцать два года я это уже ясно осознавала. Ведь кроме огромной суммы, выделенной мне в приданое – пять тысяч фунтов полновесным серебром! – не стоило сбрасывать со счетов и то, что я красавица.

Об этом мне говорило не только зеркало и моя льстивая Маго, но и взоры мужчин. Да, я знала, что красива. У меня блестящие темные глаза цвета спелой вишни и золотисто-смуглая кожа, как у восточных красавиц. Этот золотистый отлив придает мне, нормандской девице, особую экзотичность. Рост у меня высокий, царственный, а фигура... Мужчины глядят мне вслед, и я знаю – им есть на что посмотреть! Пояс, что обхватывает талию, я стягиваю на окружности не более семнадцати дюймов. Бедрa у меня широкие, а грудь... Как сказал этот противный архиепископ – вызывает плотские помыслы. Лицом я удалась в отца-короля, оно у меня несколько худощавое, с чуть впалыми щеками, а рот... Пожалуй, рот я сочла бы несколько тонкогубым. Жестким, как говорит мой кузен Стефан Блуа. Но это истинный рот потомков Завоевателя.

Главное мое украшение – волосы. Пышные, вьющиеся мелкими кольцами и такие густые, что няня Маго не один гребень сломала, расчесывая их. На первый взгляд они могут показаться черными, но это только в полумраке сводов. На свету же в них явно поблескивает медь – но это вовсе не рыжина, а благородный красноватый отлив. Придворные поэты, сочиняя в мою честь баллады, так и не смогли точно определить их цвет: кто сравнивал их с отблеском факелов в полумраке, кто с ценным красным деревом. Но что мои кудри необычайно красивы, все признают в один голос. Поэтому я не люблю покрывать их вуалью или накидкой. Ну разве что, когда этого требуют приличия. В церкви, например.

Конечно, такая красавица, к тому же дочь короля и богатая невеста, вполне может рассчитывать на блестящую партию. При этом я до сих пор не помолвлена, а в таком возрасте уже просто неприлично оставаться в девицах. Моя сестра Матильда, рожденная в законном браке, уже дважды представала перед алтарем. Первый раз в двенадцать лет, и мужем ее был император Германский Генрих V. В двадцать три она овдовела, а в двадцать шесть вторично обвенчалась с юным графом Анжуйским Жоффруа. Матильда стала графиней Анжу, хотя ее еще все величают императрицей. Меня это выводит из себя, но я утешаюсь тем, что живут они с мальчишкой Анжу как кошка с собакой. И неудивительно – с ее-то гордыней, да еще она на десять лет старше супруга. И все же я завидую Матильде: дважды замужем, два раза госпожа целого края! При этом именно она – любимица Генриха I. Но на то есть причины: у моего отца-кобеля более двадцати бастардов, имеющих полосу на левой стороне герба⁴, и всего один законнорожденный ребенок – Матильда. Был у него и сын, наследник – принц Вильгельм.

³ В те времена граф был не столько титулованный дворянин, сколько правитель края (графства), имеющий вполне существенные полномочия в подвластных ему землях.

⁴ Изображение линии на гербе с левой стороны – признак незаконного происхождения, так называемая бастардная полоса.

Но одиннадцать лет назад он погиб. Корабль, на котором Вильгельм с друзьями плыл по Ла-Маншу, затонул, и никто с тех пор не видел моего отца веселым.

Правда, одно время и я надеялась стать английской королевой.

Еще когда отец не оправился от потери принца Вильгельма и велись разговоры, кто же наследует корону, многие склонялись к тому, что Генрих сделает своим преемником племянника Теобальда Блуа. Теобальд был старшим сыном сестры отца, графини Адели, дочери Завоевателя, вышедшей замуж за графа Блуа. Меня это не волновало до тех пор, пока Теобальд не прибыл ко двору и не начал проявлять ко мне повышенное внимание. Тогда мне было пятнадцать лет, грудь и бедра у меня оформились, так что Теобальду было на что поглядеть. Я поняла, что подобное внимание предполагаемого наследника может сыграть мне на руку и возвести на английский трон. Я всячески поощряла ухаживания высокородного кузена и почти добилась своего. Почти. Ибо оказалось, что он уже помолвлен с дочерью герцога Каринтского. А помолвка в наше время приравнивалась к венчанию. Но я не отчаивалась, ибо, живя при дворе, не раз слышала, как расторгались подобные соглашения ради политических интересов. И я бы добилась своего, если бы в дело не вмешался мой второй кузен, брат Теобальда – Стефан.

Мы со Стефаном не терпели друг друга. Этого тихоню прислала ко двору Генриха I честолюбивая мамаша Адель, и король отдал ему во владения графство Мортэн. Меня злила подобная щедрость отца, и, будь у меня хоть шанс, постаралась бы выставить Стефана в невыгодном свете. Но, несмотря ни на что, паинька оставался у короля в любимчиках. Именно он, проведая о чувствах ко мне Теобальда, поспешил донести обо всем этой гримзе Адели. Закончилось все скандалом. Властная Адель увезла сына и вынудила жениться, а меня почти на целый год уpekли в монастырь.

Монастырь!.. Вот уж местечко! Бесчисленные запреты, нескончаемые посты и службы. Смирение, смирение и еще раз смирение!.. Со мной, дочерью короля, обращались немногим лучше, чем с обычной постоялицей. О, это был ужасный год, и, возвратившись в мир, я точно знала, что сделаю все, что угодно, лишь бы никогда больше не оказаться в стенах обители. Жалея бедных затворниц, я никак не могла понять, как туда можно прийти по доброй воле. Из монастыря я вынесла тайное презрение к женщинам, отгородившимся от мира, и явную симпатию к священнослужителям. О да, аббаты, прелаты, епископы – особенно молодые, ученые, не обезображенные лицемерием и ханжеством, с изяществом носившие дорогие сутаны, – мне очень даже нравились.

Вскоре по возвращении из монастыря я допустила непростительную оплошность. Я влюбилась. И в кого!.. Поистине, род Блуа был для меня роковым. Стремление женить на себе Теобальда, неприязнь к его брату Стефану... и страстная любовь к их младшему брату, аббату Генри. Я увидела его, когда приехала в Руан. Генри было около тридцати, он был обаятелен, образован, учтив. А с каким изяществом он носил свою расшитую сутану, какими душистыми притираниями от него пахло, какие перстни сверкали на его холеных пальцах! Я была сражена. Я была дурой. Потому что сама пришла к нему, стала его любовницей.

Правда, после первой же нашей плотской близости я прозрела. Ночь с мужчиной не доставила мне удовольствия, мне было больно и плохо. То, что мужчина делает с женщиной в постели, – отвратительно! Он просто причиняет ей боль, унижает ее, использует. И о чем только поют трубадуры в своих томных балладах, а глупые дамы слушают их, закатив глаза! Другое дело флирт, свидания, ухаживания, когда мужчина хочет вас и признается в любви! А как приятно быть избранницей рыцаря, когда он посвящает вам свою победу на турнире, сражается ради вас. Но постель! Лежать придавленной, обслонявленной, слышать сопение и хрипы... Брр!..

На другой день я видеть не могла предмет своего обожания. Генри Блуа был напуган моей холодностью. Это хоть немного утешило меня. Я ведь понимала, что Генри со дня на день

ждет рукоположения в сан аббата одной из крупнейших обителей Англии, аббатства Гластон-бери. И если король проведает, что племянник-священник обесчестил его дочь... Словом, я неожиданно поняла, что имею власть над Генри. И забавно же мне было видеть, как он и его заносчивый братец Стефан заискивали передо мной, как умоляли держать все в тайне. Они полностью находились в моих руках.

Поначалу я, правда, опасалась, что окажусь в тягости. Наивный испуг девушки, впервые попавшей в подобную ситуацию. С моими месячными кровотечениями не все было гладко: у меня постоянно случались задержки. Так что несколько недель я жила в страхе и даже обратилась к Стефану с просьбой подыскать мне умелую повитуху. Тот пришел в ужас – как раз в это время король начал вести переговоры о моем браке с наследником Фландрии Вильямом Ипрским.

Вильям, как и я, был незаконнорожденным, однако, как мужчина, имел шанс получить наследство. Пожалуй, он мне даже нравился, да и возможность стать графиней Фландрской меня прельщала. Но я была тогда в таком страхе из-за возможной беременности, что почти избегала жениха.

Вскоре, однако, все наладилось, я успокоилась и стала куда любезнее, хотя меня по-прежнему брала оторопь при мысли, что, став супругой, я буду обязана позволять мужу проделывать со мной это... Но ведь супружеской обязанности порой можно избежать. Моя сестра Матильда даже запирается на щеколду, когда не желает допускать к себе Жоффруа. Сама же разъезжает в компании с красивым рыцарем-охранником, к тому же крестоносцем.

Я ее понимала. Отдавать предпочтение не мужу, а рыцарю – это по-настоящему куртуазно⁵. Ведь иметь поклонника отнюдь не означало плотской близости с ним, зато какие волнительные ощущения! Я и сама всегда стремилась, чтобы меня окружали мужчины. И, замечая ревность жениха, приходила в настоящий восторг.

Однако вскоре помолвка с Вильямом была расторгнута. Фламандцы избрали своим правителем другого, и все преимущества, какие бы дал Генриху этот союз, сошли на нет. Вильям стал просто одним из лишенных наследства рыцарей, которых и без него полно при дворах Европы. И я сразу потеряла к нему интерес.

Кто следующий?

Претендентов находилось немало. Суровый Валеран де Мелен, скучный, как хорое пение, Уильям Суррей, иные. Время шло, женихи менялись. Я же прекрасно проводила время, переезжая с двором из замка в замок, участвуя в больших охотах, посещая турниры, интригуя, кокетничая, заводя знакомства. Я чувствовала себя самой прославленной дамой при дворе. Потягаться со мной могла бы только королева Аделиза, и то благодаря короне. Отец женился на ней уже после смерти принца Вильгельма, надеясь, что молодая жена родит ему наследника – но просчитался. Аделиза оказалась бесплодна, как пустырь. У короля порой появлялись дети от случайных связей, но они оставались ублюдками, а законного наследника все не было. И при дворе ломали голову, к кому же перейдет корона Англии.

Одним из претендентов считался любимый незаконнорожденный сын Генриха – Роберт Глочестер. Меня бы это устроило, так как с Робертом мы были в приятельских отношениях и в запутанных интригах двора я всегда поддерживала его сторону.

Вторым почитали Теобальда, так как он был старшим из внуков Завоевателя по женской линии. Поговаривали и о втором из племянников Генриха, его любимце Стефана. Отец к нему благоволил, даже сосватал за него одну из первых невест Европы Мод Булонскую, родословная которой восходила к Карлу Великому. Однако Стефан скорее поддерживал партию старшего

⁵ Куртуазность – модные церемонные ухаживания, своеобразный кодекс поведения высшей знати, изысканно вежливые отношения.

брата – Теобальда. Как и Генри, моя бывшая любовь, а ныне уже епископ Винчестерский, ловко вербующий среди церковников сторонников рода Блуа.

Но что же решит король? Меня кружило в водовороте слухов и пересудов, когда я неожиданно узнала... О, мой отец был самонадеянным человеком, поэтому и пошел на столь неслыханный шаг, назначив своей наследницей Матильду. Женщину поставил выше мужчин!

Увы, Матильда и в самом деле была законной наследницей и до сих пор носила титул императрицы. А теперь она станет королевой Англии и герцогиней Нормандии, уже будучи графиней Анжуйской. Все ей, ей, ей... Единственную усладу мне доставляли нелады в ее семье. Отца же они тревожили. Анжуйский дом всегда был врагом Нормандии, и Генрих знал, что его нормандские подданные не смирятся с тем, что, став их госпожой, Матильда навяжет им своего мужа Жоффруа. Да и Англия, которую я знала понаслышке, не очень-то походила на вотчину, которой способна править женщина.

Во время одной из наших бесед с отцом я завела об этом речь. Отец похвалил мой государственный ум, чем несказанно польстил мне. Потом, помрачнев, сказал, что оставить все Матильде для него единственный шанс сохранить трон Завоевателя за своей плотью и кровью.

– Что касается смут, то я оставляю Матильде покорное королевство, усмирное моим мечом и волей. И я заставлю каждого из подданных принести присягу императрице Матильде, поклясться на кресте. А когда она родит сыновей, те поделят меж собой и Нормандию, и Англию, и Анжу.

Я все же осмелилась заметить: отчего это он так уверен, что Матильда наплодит столько сыновей? Ей уже двадцать семь, она второй раз замужем, но до сих пор ни разу не понесла.

Король странно взглянул на меня, но промолчал. И этого хватило, чтобы я почувствовала запах интриги. Стала разведывать.

Среди постоянно окружавших меня поклонников был один, которому я позволяла поднимать на турнирах оружие в мою честь. Звали его Гуго Бигод. Он был отличный воин и дерзкий насмешник, а в его характере было нечто злое и дикое, и мне нравилось его укрощать. Гуго был привлекателен. Стройный, подвижный, с короткими светлыми волосами и колючими синими глазами. Порой он осмеливался обнимать и целовать меня, но большего я не позволяла. Ведь Гуго был простым рыцарем, земли его рода располагались в Англии, в графстве Саффолкшир, зато его отец состоял одним из приближенных короля в чине стюарда⁶ двора. Именно через него Гуго и выведал новость. Да такую, что...

Оказалось, что тот прекрасный охранник-крестоносец Матильды попросту обрюхатил ее и дал деру. Матильда в положенное время родила внебрачного ребенка, который вскоре умер, и это едва не послужило для Жоффруа поводом, чтобы изгнать ее с позором. И король Генрих, отдавая право наследования дочери, не только оставлял на троне свою плоть и кровь, но и спасал Матильду от бесчестья, какое она накликала бы на всю семью, если бы этот брак завершился позорным разводом. Теперь же Жоффруа простит ей все, учитывая, что с женой он приобретет права сразу на две короны – королевскую и герцогскую.

Все это меня позабавило. И как же я торжествовала, наблюдая за бледной и понурой Матильдой во время церемонии присяги, когда первые вельможи Нормандии и Англии клялись поддерживать ее права, хранить ей верность как наследнице Генриха I. Стефан и Роберт Глочестер даже поссорились, не желая уступить один другому право присягнуть первым. Но эти двое всегда недолюбливали друг друга. А Матильда-то... Ах, тресни моя шнуровка! – сестрица-то оказалась не лучше портовой шлюхи, и только потому, что она родилась в королевских покоях, может столь высокомерно вскидывать голову и величаво протягивать руку для поцелуя.

⁶ Стюард – в средневековой Англии управляющий хозяйством.

И еще меня порадовало, что сестра так подурнела. Вообще-то ее признавали красавицей. Роста она, правда, незначительного, но хорошо сложена, с ярким ртом, голубыми глазами и длинными рыжими косами, ниспадавшими до пояса из-под блестящего обода короны. Эта рыжина присуща всем нам, потомкам Завоевателя. У меня она была более интересной, в моих темных волосах. У Матильды же были каштаново-рыжие косы. Их яркость только подчеркивала ее бледность и круги у глаз. Она и в самом деле походила на женщину если не перенесшую тяжелую болезнь, то едва оправившуюся после родов. И я не отказала себе в удовольствии посыпать соль на ее рану, когда мы оказались одни. Поначалу, конечно, я обнимала и целовала ее, а потом с самым невинным видом полюбопытствовала, кто в ее свите тот красавец крестоносец, о котором идут слухи как о самом ее верном рыцаре?

Матильда вздрогнула и нервно стянула у горла мех накидки.

– Его зовут Ги де Шампер, сеньор Круэльский, – сказала она хрипло. – Он оказался предателем, его ищут, и за его голову назначена награда.

– Ах, ах! – посокрушалась я. – Неужели его так сложно изловить?

Внезапно Матильда улыбнулась.

– О, он неуловим. Его земли находятся в Англии, в графстве Шропшир, но вряд ли его там обнаружат. Он словно ветер. Можно ли поймать ветер?

О чем только она думала в величайший день своей жизни? Нет, я перестала понимать свою заносчивую сестру.

Впрочем, как бы ни складывались дела в политике, меня куда более волновала собственная судьба. Я то и дело оказывалась с кем-нибудь помолвленной, но, как правило, из этого ничего не выходило. То отец решал, что жених недостойн породниться с ним, то я сама находила его неподходящей партией.

Я испытывала странное чувство. С одной стороны, я стремилась вступить в брак, с другой – жаждала наслаждаться свободой. Но второе повлекло бы за собой недоумение, а там и презрение. Брак – обязателен, если не хочешь вызвать насмешки, а после и унижительную жалость, как к старой деве. И тогда я решила сама выбрать себе мужа.

* * *

В рождественские дни двор находился в Руане, и, когда празднества остались позади, король решил посвятить один из дней аудиенции. И вот он наступил: мой отец и его супруга Аделиза восседают на высоком помосте в главном зале Руанского дворца, вокруг толпится множество народу, а лорд-церемониймейстер по списку вызывает на возвышение того или иного просителя. В толстых стенах дворца особенно ощущались сырость и холод. Пришлось разжечь огонь в больших очагах в центре зала, и многие из пришедших грели подле них руки, ожидая своей очереди предстать перед монархом.

По обыкновению я со своими фрейлинами расположилась в нише окна. Мы принялись прясть. В зале, несмотря на разведенный огонь, гуляли сквозняки, и я прятала замерзшие ноги в соломе, наваленной на полу. Однако накидку из лисьего меха я откинула, чтобы не скрывать свое узкое красное платье.

Ко мне нередко подходили, дабы выразить почтение. И конечно, рядом вертелось несколько верных воздыхателей. Во-первых, мой дерзкий Гуго Бигод, острый на словцо и часто смешивший меня колкостями по поводу того или иного из присутствующих. Был и застенчивый, как девушка, красавчик трубадур Ральф де Брияр. Он сидел у моих ног, наигрывая на лютне. За моими плечами стоял сильный, как вепрь, Теофиль д'Амбрей – вот уж охранник, с которым ничего не страшно.

Мы выглядели внушительной группой, и даже Стефан подошел под руку со своей неуклюжей супругой Мод Булонской. Мод уже вторично находилась в тягости, беременность пере-

носила тяжело, да еще и пятнами пошла. Я не любила ее – она, как и Стефан, была моим недругом, поэтому если я и предложила ей сесть, то не отказала себе в удовольствии потеребить родственнице душу, справляясь о ее первенце Юстасе. Ему должно было вот-вот исполниться пять лет, но все знали, что с мальчиком не все ладно: он до сих пор не говорил, кусал няnek и хворал какой-то кожной болезнью, болтали – чуть ли не проказой. Родители избегали показывать ребенка, а это рождало еще больше толков. Однако родственные узы давали мне право задавать вопросы с таким видом, будто мне невдомек, что я причиняю Мод боль.

Впрочем, эта упрямица прикинулась, будто не понимает, о чем я толкую. Но тут подошел мой брат Роберт Глочестер и тоже заговорил с ней о Юстасе. У Мод даже слезы навернулись на глаза, а мы с Робертом переглянулись и едва не расхохотались. Оказывается, задеть эту волчицу Мод не так и трудно.

Но в этот миг я забыла и о Мод, и о Юстасе, и о брате. Придворные расступились, и в дымном полумраке зала я увидела стоявшего перед королем незнакомца, который сразу привлек мое внимание.

На меня это не похоже – любоваться мужчиной, не видя его лица. Незнакомец был высок ростом, с могучими, чуть покатыми плечами и волнистыми светлыми волосами. Белая туника, стянутая на талии поясом, облегла его спину поверх кольчуги, ниспадая красивыми складками до икр в кольчужных чулках. Это был настоящий воин, но воин, понимающий толк в элегантности. К тому же он стоял перед троном так независимо и гордо, словно бросал вызов, хотя пришел сюда просто как один из просителей. Его люди как раз подносили королю и королеве дары – я заметила свертки дорогих тканей, а королеве Аделизе незнакомец преподнес золоченую клетку с попугаем.

– Кто этот рыцарь, Роберт? – спросила я брата.

– Не ведаю. Но на его тунике – алый крест. А это знак, что он принадлежит к ордену тамплиеров, которым ныне так модно покровительствовать.

Тамплиер – значит наполовину воин, наполовину монах. То, что недосыгаемо, то и влечет. Я знала – этот орден был основан несколько лет назад в Труа. Его рыцарей называли еще и храмовниками, ибо их резиденция в Иерусалиме располагалась на том месте, где некогда высился храм царя Соломона. Целью тамплиеров была охрана паломников-христиан от неверных в Святой земле, но многие монархи покровительствовали ордену, и храмовники начали возводить свои резиденции-прецептории по всей Европе.

Видимо, и этот тамплиер явился к королю Генриху, чтобы уладить орденские дела. Ведь совсем недавно отец позволил учредить несколько прецепторий в Англии, главной из которых был лондонский Темпл.

Тут неожиданно подала голос Мод:

– Этот человек уже не может называться рыцарем Храма. Он пока еще состоит в ордене, но намерен сложить обеты и вернуться в Англию, чтобы вступить во владение землями как последний из рода. Эдгар Армстронг – так зовут этого саксонского рыцаря. Когда-то он состоял в свите моего мужа, хорошо себя зарекомендовал, и Стефан покровительствует ему.

Так Мод давала понять, что это их со Стефаном человек.

– Так он сакс? – спросила я, не сумев скрыть невольного разочарования.

Мод насмешливо покосилась на меня.

– И притом древней крови. Он потомок саксонских королей и датских правителей из Дэнло⁷.

Я была заинтригована. Оставив свое окружение, поднялась на возвышение, где стоял трон, и остановилась позади отца. Я могла это себе позволить.

⁷ Дэнло – область датского права, т. е. земли на востоке Англии, некогда подвластные завоевателям-викингам в IX–XI вв.

Теперь я видела лицо крестоносца. А главное – он заметил меня и даже на какой-то миг запнулся. Я ободряюще улыбнулась прекрасному рыцарю.

Они с королем обсуждали дела тамплиеров, а вскоре перешли к тому, о чем говорила Мод: рыцарь сообщил о своем намерении после завершения миссии в Темпле выйти из ордена и поселиться в Англии. А затем попросил у короля разрешения принести вассальную присягу и вступить в наследственные права.

Я слушала внимательно. Конечно, этот крестоносец – сакс, но отчего-то даже это не поколебало моей симпатии. Ведь он был так хорош! Мне нравилось его смуглое, как у всех, кто долго пробыл в Святой земле, лицо с правильными, хотя немного резкими чертами. Небольшой нос с благородной горбинкой, а рот нежный, как у девушки, что особенно очаровывает в сочетании с мужественным подбородком и крепкой шеей. Волосы длинные, как у большинства вернувшихся из Крестового похода; они красиво вились, цвет их высветлило солнце, ибо, как я заметила, у корней пряди заметно темнели. Но больше всего мне понравились его глаза: миндалевидные, с легким прищуром, они были выразительными и полными глубокой синевы. Настоящие сапфиры, прозрачные и сияющие под темными дугами бровей.

Я смотрела на него как замороженная. Эдгар Армстронг. Сакс. И судя по всему – очень богатый сакс. Я слышала, как они с королем толковали о доходах с его земель. Когда же рыцарь сказал, что намерен, если король позволит, возвести в своих владениях замок вроде тех крепостей, какие строят в Святой земле, я даже дышать позабыла. Выстроить укрепленный замок мог позволить себе только очень состоятельный вельможа. Передо мной стоял крестоносец, причем всем известно, что многие воины-крестоносцы возвращаются из Святой земли сказочно богатыми. А этот рыцарь вдобавок был тамплиером, которые повсюду славятся своим умением заключать выгодные сделки.

Я почувствовала смутное волнение, сердце забилося. И я даже вздрогнула, когда король вдруг резко сказал:

– Я знаю, что род Армстронгов берет начало от саксонских королей.

– И от датских правителей Дэнло, – добавил рыцарь Эдгар. Это было существенно, ибо даны и норманны имели общие скандинавские корни.

У него был удивительно мягкий для воина голос. А то, что в нем текла королевская кровь, очаровывало меня еще больше. Но король, с его неусыпной подозрительностью, видел в стоявшем перед ним человеке только угрозу.

– Ваша семья всегда сеяла смуту в Восточной Англии. Королевская кровь, очень заносчивы и непокорны.

– Это давние дела, ваше величество. Мой отец восстал, когда я был сущим ребенком. Но с тех пор, как вы взяли ко двору двух моих братьев, отец смирился. И даже после их гибели...

– Я помню твоих братьев, – перебил король. – Экберт и Этельвульф, если не ошибаюсь. Уж это ваше саксонское «э» в начале имен.

– Моего старшего брата звали Канут, – заметил Эдгар.

– Знаю и его. Он был казнен за участие в мятеже.

Отец произнес это грубо и гневно. Но Эдгар только кивнул.

– Я уже говорил, что был в ту пору ребенком. А мои братья Экберт и Этельвульф до самого конца были верными спутниками принцу Вильгельму – да пребудет его душа в мире.

Напоминать королю о гибели его наследника опасались. Но тамплиер хотел подчеркнуть, что его братья, оказавшиеся на том злосчастном корабле во время бури, были друзьями принца. И отец оценил слова крестоносца.

– Все вы храмовники – хитрые бестии, – проворчал он беззлобно. – Но кто заставит меня поверить, что я поступлю разумно, позволив одному из вас построить крепость в Норфолкском графстве – очаге смут в Англии?

– Вы ведь позволили нам построить крепости в Лондоне и Йорке, – улыбнулся проситель. – К тому же, вернувшись домой, я сниму орденский плащ и стану простым сельским таном⁸, который хочет иметь достойный дом, в который приведет жену. А то, что я хочу построить свой дом из камня, как в Святой земле, – разве одно это уже не говорит, что я не столько сакс, сколько англичанин, стремящийся брать пример с того, что считаю достойным?

Улыбка у него была просто чарующая, и, видимо, действовала она не только на меня. Ибо королева Аделиза перестала возиться с попугаем и неожиданно подала голос:

– Государь, супруг мой. Я припоминаю, что три года назад вы уже дали разрешение на постройку замка в Норфолке одному из Армстронгов. У него еще было старое саксонское имя – Этельстан.

Воистину Аделиза была добра. Но и глупа. Она вмиг выболтала то, о чем король предпочел бы умолчать. А удивленный рыцарь заметил, что речь, по-видимому, идет о его младшем брате. По затянувшемуся молчанию короля я поняла, что отец сердится. Но если Генрих Боклерк рассержен, то Эдгар уйдет ни с чем. И тут я решилась.

– Я тоже припоминаю, государь! Вы дали Этельстану Армстронгу из Норфолкшира разрешение на постройку замка, ибо императрица Матильда просила вас об этом. Кажется, он был женат на ее фрейлине Ригине де Шампер. Но, насколько мне ведомо, леди Ригина уже овдовела, а разрешение на замок все еще принадлежит роду Армстронгов.

Я не побоялась вызвать гнев отца, открыв рыцарю, что Армстронги уже имеют право на возведение замка и остается только его продлить. И была вознаграждена благодарным взглядом синих глаз тамплиера.

Король резко поднялся, запахиваясь в меховую накидку.

– Довольно! Если у вас, сэр Эдгар, есть еще что сообщить нам, придется это отложить до следующей аудиенции.

Эдгар склонился в поклоне.

– Мой король, позвольте мне преподнести вам и королеве на память об этой встрече небольшой подарок. Это арабские лошади. Они во дворе замка, и если вы сообразоволяете подойти к окну, то увидите их.

Уж не знаю, кто надоумил его сделать это, но более угодить моему отцу было невозможно. Король безумно любил лошадей, а арабские скакуны, которых не так давно стали привозить с Востока, ценились необычайно.

Внизу, у стен дворца, нашим взглядам открылось дивное зрелище. Грумы едва удерживали под уздцы двух сказочно прекрасных белых коней. Говорят, арабы не продают таких иноверцам ни за какие деньги. Их можно либо добыть в бою, либо получить в дар от правителей. Поистине царский подарок!

Мой отец был доволен. И тут же сказал саксу:

– Сегодня во дворце ужин в честь нашего гостя графа Рауля Вермандуа. Буду рад, если и вы будете присутствовать.

С этим он удалился под руку с Аделизой. Я видела, как стюард двора спешно вносит имя Эдгара в списки приглашенных.

Ко мне приблизился Гуго Бигод.

– Ну и выскочка этот сакс! Такие везде пролезут. Да еще и Стефан за него хлопочет.

Стефан – мой недруг, а Армстронг – его человек.

Я оглянулась и увидела их рядом – Стефана Блуаского и моего крестоносца. Но тут Эдгар поглядел на меня. Взгляд долгий, внимательный. Я едва улавливала слова Гуго, сообщавшего, что эти Армстронги всегда были самыми что ни на есть саксонскими свиньями в Норфолке.

⁸ Тан – так саксы называли своих землевладельцев.

Гм. Саксонская свинья. Как-то не вязалось это в моем сознании с элегантным крестоносцем. И когда он направился в мою сторону – ах, тресни моя шнуровка! – как же застучало мое сердце!

Я отвернулась, делая вид, что любуюсь снежно-белыми скакунами. Позади Эдгар раскла- нялся с Гуго, и я едва не рассмеялась, поскольку Гуго был вынужден ответить на поклон сакса.

– Ваше высочество!

От этого голоса по моей спине побежали мурашки. Но я не отводила взгляда от лошадей.

– Прекрасные кони, сэр Эдгар. Королю вы несказанно угодили. Что до ее величества... Королева робкая женщина и редко выезжает верхом. Боюсь, что подаренный вами попугай больше потешит ее сердце.

Я наконец-то оглянулась. Рыцарь улыбался, не сводя с меня глаз.

– Зато ваша милость, как мне сказали, слывет одной из лучших наездниц Нормандии. Оттого-то я и рискнул приготовить еще один подарок и прошу вас принять его. Это тоже лошадь, но золотистая, как солнце, и легкая, как птица. Вам доставят ее сегодня же вечером.

Золотисто-рыжие арабские скакуны не так ценны, как белые. Но у меня никогда не было лошадей этой породы, и я едва не захлопала в ладоши от удовольствия. А вдобавок успела сообразить, что тамплиер расспрашивал Стефана обо мне.

Вся сияя, я протянула руку для поцелуя.

* * *

Королевский ужин подавался в зале, отведенном для малых приемов. Однако все было как на официальном торжестве: скатерти из белейшего льна, богатое разнообразие блюд, с верхней галереи звучала музыка. Гости расположились по обе стороны длинного стола, а король и королева заняли места во главе. Позади гостей на треногах пылали чаши с жиром, не дающим ни копоти, ни запаха, а камин отличался отменной тягой, так что под сводом зала почти не скапливался дым.

Мое обычное место было по левую руку от короля, но на этот раз я отказалась от него под предлогом, что оно более пристало гостю, этому мальчишке Вермандуа. Я знала, что король не прочь породниться с ним через меня, и в другое время стала бы приглядываться к очередному жениху. Но сейчас я выхлопотала себе место ближе к центру стола – так, чтобы Эдгар Армстронг оказался неподалеку и я могла бы обмениваться с ним словом-другим через столешницу.

Вскоре я отметила, что не только мое внимание привлекал прекрасный храмовник. Эли- онора, сестра Стефана, то и дело заговаривала с ним, отпускала замечания в его адрес и молодая жена барона де Торси, известная кокетка. Даже королева Аделиза нет-нет да и обращалась к рыцарю с вопросом.

В этом, впрочем, не было ничего удивительного – люди, прибывшие из Святой земли, всегда находятся в центре внимания. После Крестового похода наш мир заметно изменился – с Востока мы переняли обычай следить за чистотой рук и тела, носить под верхней одеждой белье, приправлять пищу специями. Но понимала, что, если бы Эдгар не был так хорош собой, эти дамы не проявляли бы к нему такого интереса.

Я также всячески старалась привлечь его внимание, задавала ему продуманные вопросы, хотела произвести на него впечатление. При дворе популярными считались женщины образо- ванные, интересующиеся делами мужчин, а главное, разбирающиеся в них. Конечно, вскоре я поняла, что Эдгар гораздо образованнее и культурнее мужчин, с которыми я привыкла общаться. По крайней мере, когда я попыталась процитировать Боеция, он мягко указал мне на ошибку в произнесенной цитате. Поправка была сделана к месту и тактично, но как он смел указывать мне! Именно в этот миг я почувствовала, что хочу покорить его, завладеть им, под- чинить... Я побоялась додумать мысль до конца. Но уже понимала, что хочу женить его на себе.

Вы сочтете меня излишне самонадеянной? Возможно. Где это слыхано, чтобы женщина сама выбирала себе супруга? И тем не менее я уже не была юной девицей, которая покорно склоняется перед волей родителей. Я достигла двадцати двух лет, а это возраст, когда женщина начинает размышлять и делать выводы.

Оттолкнув от колен крутившихся здесь же псов, я внимательно огляделась. Сейчас в зале находилось по крайней мере четверо мужчин, кому отец мог предложить мою руку. Во-первых, мальчишка Вермандуа. Он дерзок, необуздан, а главное, на шесть лет моложе меня. Да, он владелец земель Вермандуа, и с ним я приобрела бы титул графини. Но этот союз был бы до смешного похож на брак Матильды и Анжу, над которым постоянно злословили.

Прямо передо мной сидели братья Мелены. Но от союза со старшим, Валераном, я отказалась, и он уже обручился с другой, а его брат-горбун Лестер отнюдь не прельщал меня. Находился тут и Уильям де Варрен, граф Суррей – большего зануды и сыскать было трудно. И хоть он был покорен, как церковный служка, я бы заскучала с ним уже в первый год брака.

И среди них – Эдгар. Рыцарь, повидавший мир, а теперь желавший осесть в своих землях и возвести замок. Отчего бы мне не устроить так, чтобы он дерзнул просить моей руки? Разумеется, я дочь короля, но моих незаконнорожденных сестер отец выдал за простых баронов. Разница в том, что они жили вдали от двора и их не величали принцессами. Я же была Бэртрадой Нормандской. И выдать меня за простого рыцаря, да еще сакса? Это казалось невероятным только на первый взгляд. Если Эдгар богат, если король заинтересуется им... Что ж, моему венценосному родителю не раз приходилось возвеличивать простых людей, делая из них преданных слуг.

Я разглядывала своего избранника, и он нравился мне все больше. Светлые одежды, сдержанность в манерах, умение пользоваться при еде салфеткой. Свои длинные волосы Эдгар собрал для удобства сзади в косицу: в этом тоже был свой шик, выгодно выделявший его среди стриженных «в скобу» нормандцев. Сейчас он выглядел равным среди знати. Но чтобы стать поистине вровень с ними, ему нужна самая малость – моя рука.

Меня несколько задевало, что он не оказывает мне такого внимания, как хотелось. Я постаралась это исправить. Когда мужчины подвыпили и стали шуметь, а дамы начали расходиться, я, воспользовавшись моментом, увлекла моего храмовника в нишу окна. Тема для беседы была наготове – я принялась его расспрашивать о загадочном опиуме, восточном зелье, о котором ходило столько самых невероятных слухов.

Эдгар любезно давал пояснения, но поскольку шум в зале усиливался, а говорил он негромко, мне поневоле приходилось склоняться к нему. Это было так волнующе... и интимно. Я на мгновение даже забыла, что мне не полагалось оставаться в зале, когда прочие дамы уже удалились. Но так как уже стемнело, я попросила крестоносца проводить меня по темным переходам дворца, на что он заметил – не поймут ли наш совместный уход превратно? Излишняя щепетильность, тем более что у меня уже имелся веский довод: разве его плащ тамплиера не лучшая защита от пересудов? Или это вымысел, что храмовники приносят обет целомудрия?

Мои женщины ожидали в прихожей и какое-то время шли за нами, пока я незаметно не сделала им знак отстать. Мы с Эдгаром оказались одни в полутемном переходе, где только в дальнем конце маячил свет факела. Я замедлила шаг, чтобы поблагодарить храмовника за подарок – рыжую арабскую кобылицу, которую мне привели его люди. Разговор мог затянуться, ибо лошадь заслуживала пространных похвал. Но все же я заметила, что мой прекрасный рыцарь начинает обеспокоенно поглядывать по сторонам. Что ни говори, а далеко не все сочтут невинным наше уединение в переходах дворца.

Я же наоборот желала, чтобы кто-нибудь нас застал. И мне повезло. В переходе послышались голоса и появился не кто иной, как Генри Блуа, епископ Винчестерский – мой бывший возлюбленный.

Видели бы вы выражение лица Генри! Бьюсь об заклад, уж он со всех ног бросился распространять слух, прибавив от себя добрую половину.

Вот и славно. Я была довольна. Кивком поприветствовав епископа, я предложила Эдгару завтра с утра сопровождать меня во время верховой прогулки. Мне не терпится испробовать чудесную арабскую лошадь, которую я уже нарекла Молнией. Не правда ли, замечательное имя?

* * *

Увы, на следующий день Эдгар не явился, прислав пажа с извинениями и подарком – кустом алых роз в изящном алебастровом сосуде. Это был редкостный цветок, который привозили с Востока и которым восхищалась вся Европа.

Однако мне было не до восторгов. Розы я видела и прежде, но то, что тамплиер пренебрег знаками моего внимания, уязвляло. И вряд ли у меня было ласковое лицо, когда я выслушивала от его пажа всю эту чушь, что-де сэра Эдгара удержал глава комтурии⁹ храмовников в Руане. А когда паж ушел, я несколько минут металась по покою, даже прикрикнула на своих фрейлин, квохтавших, как наседки, над пышным цветком.

Особый восторг розы вызвали у молоденькой Клары Данвиль. Я дала ей пощечину – и поделом. Одно из главных достоинств фрейлины – умение чувствовать состояние госпожи.

Клара приняла наказание безропотно, не посмея заплакать. Дочь нищего нормандского рыцаря, она была бесприданницей, обузой в многодетной семье, которая рада была сбить ее с рук в надежде, что при дворе Клара сможет найти мужа. Но эта добрая и глупая девка никому не могла отказать, и мужчинам не составляло труда обвести ее вокруг пальца. С кем она только не спала, начиная от моего брата Роберта Глочестера и заканчивая последними конюхами. Видимо, Клара оказалась бесплодна, так как ни разу не обращалась за помощью к повитухам. Меня раздражало ее распутство, но я научилась использовать его в своих интересах: у Клары имелся дар выспрашивать у любовников их секреты, и все новости она доносила мне. Поэтому я и держала эту распутницу при себе, даже несмотря на то, что Клара хорошенькая – этакая кудрявая брюнеточка с родинкой на щеке. А ведь обычно я не держала в своем окружении красоток, дабы только дурнушки оттеняли мою красоту.

И вот именно Кларе я приказала отправиться к комтурии тамплиеров и каким угодно способом раздобыть для меня сведения об Эдгаре Армстронге. Сама же я не собиралась сидеть и тосковать и отправилась опробовать свою Молнию.

В Руане много говорили о предстоящем турнире. Повсюду разъезжали герольды, и ко двору в Руан съехалось немало рыцарей и баронов. Их палатки и шатры образовали целый городок вокруг ристалища, оборудованного за городскими стенами. Когда я подъехала туда, меня сразу окружили молодые воины, выражая свое восхищение и стремление сразиться во славу моей красоты. Но все испортил этот щенок Вермандуа. Увязался за мной, принялся болтать о своих отменных пластинчатых доспехах, о своем могучем коне, а под конец заявил, что если я не стану поласковее с ним, то он будет сражаться за Элионору Блуа. Ибо хоть сиськи у меня что надо, но я уже старая дева.

Ух, как же я разозлилась! Повернувшись в седле, я наискосок огрела этого горе-вояку хлыстом. Раз, другой. И, пока он не опомнился, пришпорила Молнию по направлению к лесу. Я смеялась, зная, что хоть Вермандуа и погонял своего толстоногого жеребчика, ему ни за что не угнаться за моей рыжей арабкой. Но что жениха я потеряла в его лице – бесспорно.

В тот день я заехала достаточно далеко. И неожиданно заметила в низине двоих всадников. Это оказались мой брат Роберт Глочестер и кузен Стефан. Надо же, лютые враги, а вот

⁹ Комтурия – замки ордена рыцарей Храма в городах Европы.

беседовали как самые закадычные приятели. Их кони брели бок о бок, так что колени всадников почти соприкасались.

У меня кровь забурилась – тут пахло серьезной интригой. Я спрыгнула на землю и, ведя Молнию в поводу, подкралась за кустами, в надежде хоть что-нибудь услышать. Я уже различала голоса, но тут моя красавица кобыла тихонько заржала и оба их жеребца ответили призывным ржанием. Мне ничего не оставалось, как выйти из кустов. Но у меня хватило хитрости сделать вид, будто я рядом уже давно и в курсе их дел.

– Так, так, – улыбнулась я. – Кто бы мог подумать!..

Роберт и Стефан были смущены. Потом Глочестер подъехал ко мне.

– Садись в седло, Бэрт!

Всю обратную дорогу я ломала голову, как бы выведать у Роберта суть их разговора. Но он отмалчивался и был мрачен.

– Ты понимаешь, Бэрт, Стефан глуп и всегда прежде действует, чем думает, но он нам нужен. Всем – и тебе, и мне, и Матильде.

Я ничегошеньки не поняла. Сказала лишь, что, как Понтий Пилат, умываю руки. Роберт глянул на меня сердито.

– Нельзя сказать, что это очень активная позиция, а, Бэрт? А я-то рассчитывал, что ты меня поддержишь.

Когда Роберт гневался, он был страшен. И хотя я часто слышала, что мы с Глочестером похожи, упаси меня Пречистая Дева от подобного сходства. Похожими у нас были только глаза – глубокие, темные, с вишневым отливом. В остальном же... Слава Богу, что у меня не такой ноздреватый нос, а главное, не такая выступающая челюсть. Роберт всегда очень коротко стригся, и от этого его огромный выдающийся подбородок казался еще более массивным. Я вдруг подумала, что если бы он на манер крестоносцев отпустил длинные волосы, это хоть немного скрыло бы его недостаток. И сразу вспомнила об Эдгаре.

– А этот тамплиер... сакс. Что ты думаешь о нем?

Я не ожидала, что мои слова приведут Роберта в неистовство.

– Чтоб больше я не слышал от тебя о нем! Клянусь брюхом Папы, что это значит, Бэрт?! Ты готова предать меня только потому, что тебе приглянулся этот полувоин-полумонах?

– Но ведь он собирается снять плащ с крестом, – неуверенно начала я.

– И в этом нет ничего хорошего. Известно ли тебе, куда его прочит Стефан? Наш милый кузен намекает королю, что в Восточной Англии слишком беспокойно из-за усилившейся власти церковников, да и тамошние саксы никак не позабудут старые вольности. Вот Стефан и прожужжал нашему отцу все уши, что в Норфолке должен править человек, который зависел бы от короны и в то же время имел бы влияние на саксов и церковников. И прочит на должность шерифа¹⁰ этого самого Эдгара Армстронга, будь он неладен. Согласен, при других обстоятельствах лучшей кандидатуры не найти. Но Эдгар – человек Стефана, и разрази меня гром, если я это допущу!

Но я-то этого уже хотела! И начала издали:

– Однако если вы со Стефаном договорились...

– Если мы договоримся, это будет стоять огромной власти. Но я говорю – Стефан дурак. И он сначала делает, а уж потом соображает.

Ах, как мне хотелось узнать, в чем тут дело! Но я понимала – если брат узнает, что я ничего не слышала, то никогда не посвятит меня в суть дела. И все потому, что я женщина. И какого черта я родилась для юбки!

– Но ведь наш отец даже не спешит дать Эдгару соизволение на постройку замка, – вновь начала я, но этим только обозлила Роберта.

¹⁰ Шериф – должностное лицо графства в средневековой Англии, исполняющее административное и судебное правление.

– А ты уже готова ему помочь, не так ли, Бэрт? Уж эти мне женщины! Стоило взглянуть на плащ крестоносца и смазливое лицо – и она уже забыла, что перед ней всего-навсего саксонская свинья.

– Э, потише, братец. Не забывай, что первой женой Генриха I была чистокровная саксонка!

– Тогда, может, и ты попросишься замуж за сакса? – прищурился Роберт.

Стоп! Здесь мне лучше пока промолчать. И, не ответив брату, я пришпорила лошадь.

* * *

До турнира оставалось четыре дня, и все это время я не имела никаких вестей об Эдгаре. Клара тоже где-то пропадала, и я злилась на эту дуру из-за ее нерасторопности. Наконец, за день до турнира, она появилась. Немытая, пропахшая хлебом, в измятом платье. И где ее только валяли?

– Что ты узнала? – допытывалась я.

Клара улыбнулась.

– Для начала я отыскала человека Эдгара по имени Симон. Он мастер-каменщик и нанят в Париже, но кое-что ему известно. В частности, что у Эдгара есть сын.

– Сын?

– Да, мадам. Я даже видела его. Коричневый, словно финик, малыш. Он прижит от сарацинки, с которой тамплиер сошелся в Иерусалиме. И хотя ребенок рожден вне брака, сэр Эдгар окрестил его и нарек Адамом.

«Хорошо, что ребенок внебрачный, – подумала я. – Ибо если я стану женой Эдгара, то желательно, чтобы мои дети все унаследовали».

Я впервые подумала о детях. Своих детях! Однако признаюсь, сама мысль, что однажды и мне придется произвести на свет нечто подобное, раздражала меня невероятно.

– Что еще?

Клара хитро улыбнулась.

– Еще я узнала, что этот красавчик тамплиер очень богат. Он привез из Святой земли целый обоз, в котором несколько возов с пряностями.

Ого! Навьюченный пряностями мул делает человека богачом, а воз пряностей – это поистине княжеский размах!

– Но ведь тамплиеры так просто не упустят богатство из своих лап, – засомневалась я.

Клара пожала плечами.

– Я не могла толком понять, что к чему, но этот милый Симон пояснил, что тут все дело в неких векселях.

Куда этой дуре понять. Векселя – это слово всегда связывали с тамплиерами. Особые бумаги, по которым через ростовщические конторы можно получить деньги. О, я уже начала догадываться – все, что связано с Эдгаром Армстронгом, пахнет золотом. И если в эти дни он занимался векселями, которые сулят ему обогащение... Что ж, я готова многое простить ради этого.

– Что еще?

Клара замялась.

– Это все. Симон прятал меня на сеновале, и мне пришлось не только беседовать с ним о сэре Эдгаре. Но этот француз так хорош, так ласков, мы с ним...

– Ты, наглая девка, избавь меня от твоих омерзительных подробностей!

Клара вздрогнула и уже скороговоркой поведала, как ее с любовником выследил некий Пенда, личный оруженосец Эдгара, и тут же вышвырнул Клару вон, при этом его грубость не знала границ...

– Короче!

– Ну, еще когда этот Пенда вывел меня за ворота комтурии, он заявил, что пока его рыцарь не получил благословения гроссмейстера в Темпле, чтобы снять плащ храмовника, он должен оставаться непогрешимым и блюсти три обета рыцарей Храма – бедности, целомудрия и послушания.

Я не могла больше слушать. Хохотала так, что у меня закололо в боку. Уж эти мне рыцари Храма – нет хуже лицемеров. Этот сакс должен быть непогрешим, в то время как уже давно нарушил все обеты: бедности – так как везет домой целое состояние, целомудрия – так как прижил ребенка от сарацинки, и послушания – так как нарушил два первых пункта. Но все же мне нравилось, что он не святой.

В тот вечер я выяснила, что в списках рыцарей участников турнира значится и несколько тамплиеров. А среди них и мой сакс.

* * *

Просто возмутительно, что женщинам запрещают присутствовать на рыцарских играх! Слава Создателю, что мой отец не был столь косным и позволял нам наблюдать за поединками со стены замка – так женщина вроде бы и в отдалении, но так как ристалище расположено сразу за стенами – все видно, как на ладони. И это правильно, ведь по сути дела рыцари хотят покрасоваться именно перед нами – знатными дамами, недаром они просят у нас то шарф, то перчатку на счастье, а герольды, в случае победы, возвещают, какой леди тот или иной рыцарь посвящает свою удачу.

В день открытия турнира, несмотря на то что ночью подморозило, многие дамы собрались на зубчатой стене полюбоваться красочным ристалищем. Солнце высушило иней, небо было голубое, ясное. За оградой ристалища собралась целая толпа зевак. Среди них было и немало женщин простого сословия. Надо же, простолюдинкам позволяют быть зрительницами, в то время как нас вынуждают оставаться в отдалении. Якобы из заботы, как бы нас не взволновало зрелище полученных на турнире увечий. Ха! Если бы кто из нас опасался – не пришел бы. А так даже трусишка Элионора Блуа явилась, вырядившись в новую кунью шубку.

Ко мне подошел мой верный Гуго Бигод, чтобы попросить талисман на счастье. Я не ответила ни да, ни нет. Пожелала ему удачи, но ни перчатки, ни шарфа он не получил, как не получил и мечтатель-трубадур Ральф де Брияр. Он не самый лучший воин среди моей свиты, хотя и чудесно поет. Ну и пусть лучше поет, чем рискует опорочить на турнире мой дар. Не достался приготовленный шарф и этому медведю Теофилю д'Амбрей. Он, бесспорно, первоклассный воин, но все одно – свой шарф я приберегла для кое-кого иного. Интересно, можно ли давать деталь женского туалета на турнире храмовнику?

Я сразу высмотрела среди рыцарей Эдгара – в белом плаще тамплиера с красным восьмиконечным крестом. На полусогнутой руке он держал свой полированный шлем в форме желудка, а его волосы покрывал капюшон из сплетенных металлических колец. Со своего места я даже разглядела светлую прядь, ниспадающую на его лоб из-под капюшона, и неожиданно испытала волнение. Интересно, подъедет ли он настолько близко к нам, чтобы я могла вручить ему свой подарок?

Не вытерпев, я спросила у сидевшей подле меня Мод:

– А ваш протеже, дорогая, намерен ли принять участие в рыцарских игрищах или явился, чтобы только продемонстрировать свою выправку и коня?

Мод лукаво поглядела на меня, отводя в сторону развевающуюся длинную вуаль.

– Уж не надеетесь ли вы, милая, подарить ему ваш шарф? Что ж, после ваших уединенных прогулок по переходам дворца это вполне объяснимо.

Ага, слухи обо мне и Эдгаре уже идут. Браво, Генри Винчестер! Хоть какая-то польза от тебя.

Но вскоре я перестала думать и о бывшем любовнике, и о будущем муже. Я увлеклась.

Турнир – вот поистине захватывающее зрелище! Гром труб, бешеная скачка, удар!.. Как ловко сражался мой брат Глочестер! Как великолепен был Валеран де Мелен. А Теофиль д'Амбрей!.. Я уже пожалела, что не дала ему хоть что-нибудь, когда даже мой отец не удержался и заплотировал ему.

– Твой рыцарь, Бэртрада, стоящий парень. Бьет, что камень, пущенный из баллисты.

Но первый кровавый поединок на турнире выиграл Гуго Бигод. Когда их с противником копыя сломались и они взялись за мечи, Гуго был неотразим! Его соперник рухнул, обливаясь кровью... А уже в следующем бою Теофиль пробил копьём навывлет одного из рыцарей свиты Вермандуа и сорвал бездыханное тело с лошади, удерживая на древке копыя, как жука, наколотого на булавку!.. Элионоре Блуа даже стало дурно, и она облевала свою великолепную кунью шубку.

А вот Ральфу де Бриару не повезло, его ловко вышиб из седла один из рыцарей-храмовников.

Но тут я заметила, что Эдгар стоит совсем рядом, за креслом Мод, и что-то говорит им со Стефаном. Я так занервничала, что даже скомкала малиновый шарф, приготовленный для него. Ах, подойдет ли ко мне Эдгар?

Он подошел.

– Мое почтение прекрасной принцессе.

Я улыбнулась так нежно, как могла.

– Отчего бы и вам, сэра, не попытать удачу на ристалище?

– Разумеется, миледи. Я только ожидаю, когда останутся наиболее достойные из противников.

– Вы столь уверены в себе? Что ж, в таком случае я ничем не рискую, отдавая вам свой шарф.

В какой-то миг я опасалась, что прекрасный тамплиер откажется. Но он лишь преклонил колено и коснулся губами моей руки в знак признательности. И что мне было за дело до того, какими взглядами обменивались окружающие? Я выбрала его своим рыцарем – и точка!

Но как же возмутились Гуго и Теофиль!

Гуго тут же вызвал Эдгара на бой. И какой бой! Дважды они ломали копыя, и судьи, признав их равными, велели взяться за мечи. Но в конце концов Бигод был побежден. Мне даже стало его жаль, таким обескураженным он покидал арену. Но все же мне показалось, что Эдгар его пощадил. Он ведь мог сбросить его через барьер, но лишь прижал его лошадью к ограде, ограничившись тем, что лишил меча.

А Теофиль! Он так и вылетел из седла при ударе. Кто бы мог подумать, что такой боец, как Тео... Но Эдгар, видя мощь Теофиля, бил его прямо в голову. Очень сложный удар, особенно когда лошадь несется на полном скаку. Выдержать его просто невозможно.

Когда же точно таким ударом Эдгар выбил Роберта Глочестера, я даже испугалась. Видела, как нахмурился отец. Сакс Эдгар осмелился победить на турнире его признанного любимца!

Вечером на пиру мой храмовник говорил:

– Я не мог поступить иначе, миледи. У меня ведь был ваш шарф, и я должен был сражаться в вашу честь.

Ах, тресни моя шнуровка, если это не был день моего триумфа. Эдгар вошел в пятерку лучших рыцарей, и когда герольды возвестили имя его дамы, я простила ему даже победу над Глочестером. И конечно же, постаралась примирить его с отцом. Я была дамой этого крестоносца, имела полное право не отпускать его от себя весь вечер. Мы даже танцевали в паре.

И когда я спрашивала, откуда он знает модные па, Эдгар куртуазно ответил, что должен был выучить их, раз его дамой оказалась сама Бэртрада Нормандская. Лстец! Но мне было приятно. А вечером я жадно расспрашивала фрейлин, какие слухи ходят о нас с Эдгаром при дворе. Самый смелый – что мы уже стали любовниками. Я даже онемела в первый миг. И вдруг с удивлением поняла, что не испытываю отвращения. Силы небесные! Мне не было противно! А значит, я и в самом деле готова стать его любовницей. Нет, нет. Это не то, что мне нужно. Я решительно хотела стать его женой.

* * *

Впервые в жизни мы с Робертом только сухо раскланивались. Но мне было все равно. Помыслами моими владел только Эдгар. И я лезла из кожи, добиваясь расположения к нему отца. По крайней мере, я не упустила случая заметить, что в Норфолкском графстве был бы желателен шериф-сакс.

С Эдгаром мы виделись, хотя не настолько часто, как мне хотелось. Я с досадой вновь и вновь замечала, что тамплиер пользуется успехом у женщин. А так как среди них было немало таких, кто по положению был ближе к нему, то я опасалась, что он более серьезно отнесется к вниманию какой-либо из этих верхивосток. Разумеется, я его дама, но на дамах сердца не часто женятся. И как же я злилась, когда видела его в окружении других леди. Чертов полу-монах! Я стала ревновать. Но с ревностью только сильнее окрепло мое желание получить его для себя.

Чтобы быть ближе к Эдгару, я проводила много времени со Стефаном и Мод. Эта пара наверняка догадывалась о причине моей неожиданной дружбы, но мне было плевать. Зато мой брат Роберт превратно истолковал мое неожиданное сближение с четой Блуа. И немудрено, что он стал так сух со мною. Его же отношения со Стефаном сделались едва ли не враждебными. Я подозревала, что это как-то связано с тем их разговором в лесу, но сколько ни пыталась, так и не смогла проникнуть в их тайну.

Генрих Боклерк не вмешивался в размолвки при дворе. Он был уже не в том возрасте, чтобы утруждать себя мелкими интригами, даже если они касались его ближайших родственников. К тому же с приближением Великого поста гостившие при дворе вельможи начали постепенно разъезжаться. Что за радость оставаться при короле в нестерпимо скучные дни Поста, когда одно богослужение сменяется другим, и им конца не видно!

Покинул двор в Руане и Вермандуа, предварительно обручившись с Элионорой Блуа, о чем я нисколько не жалела. Единственное, чего я опасалась, – что Эдгар уедет до того, как я все устрою. Понимал ли он, что на самом деле означает мое внимание к нему? Ведь порой, когда я была особенно мила и приветлива с ним, он глядел на меня с неким недоумением. Но держался неизменно почтительно. Черт бы побрал эту его почтительность! И если порой он окидывал меня с ног до головы вызывающим мужским взглядом, то дальше этого не шел.

Я возлагала надежду на большую охоту, назначенную на начало февраля. На охоте нет той строгой церемонности, там я смогу быть свободнее и, пожалуй, выложу своему избраннику все начистоту.

Охота – последнее перед Великим постом увеселение двора – должна была пройти в лесах близ замка Фалез. Накануне весь двор в суматохе перебрался в этот замок, знаменитый тем, что в нем увидел свет мой великий дед Вильгельм Завоеватель.

Гон начался, как и положено, на рассвете. Егеря подняли для короля большого оленя-одиноца, а прочим участникам гона оставалось либо следовать за королем, либо довольствоваться той добычей, какую спугнут ловчие во время облавы.

В тот день я особо принарядилась. На мне было удобное для верховой езды широкое одеяние бордового цвета и в тон ему плащ. Волосы я подобрала с боков золотыми заколками,

а всю ниспадающую сзади основную массу спрятала в расшитую бисером сетку. И Эдгар не преминул заметить, как великолепно я выгляжу. Но тут к нам вдруг подскочил мой брат Роберт и довольно бесцеремонно велел мне держаться ближе к основной кавалькаде охотников.

С чего бы это он стал вдруг мне приказывать?

Я не успела спросить, когда он уже насмешливо заговорил с Эдгаром, любопытствуя, зачем тамплиеру понадобилось три ножа у пояса – ведь обычно охотники довольствуются луком и рогатиной. И тут же вмешался Стефан, заявив, что Роберту не должно быть дела до того, с чем охотник отправляется на гон. Дело опять шло к ссоре, но Роберт сдержал себя и отъехал, при этом выразительно взглянув на меня и еще раз напомнив, чтобы я не отдалялась.

Вот уж, стану я ему повиноваться! А тут еще Стефан стал так любезен со мной, успокоил, говоря, что и братья порой бывают редкими грубиянами. Даже начал расхваливать мое умение держаться в седле, хвалить Молнию, расспрашивая о ее достоинствах. И так уж вышло, что когда раздались звуки гона, мы поехали по тропе втроем – я, Стефан и Эдгар.

Я обожала бешеную скачку по лесу, когда под ногами проносится земля и у меня столько возможностей покрасоваться моим умением наездницы. Вдобавок я ловила на себе восхищенные взгляды тамплиера и испытывала необыкновенный душевный подъем.

День выдался относительно теплый и безветренный. Дичь была в изобилии – ловчие гнали ее со всех сторон, а впереди уже раздавался рев трубы короля, трубившего «по-зрячему». Мы же втроем не спешили прорываться вперед, и я не раз и не два пускала стрелы то в тетерева, то в барсука или зайца, то просто в ворону.

А потом появился вепрь. Ума не приложу, как этот огромный секач умудрился так долго скрываться, когда вокруг стоял такой гвалт. Но это огромное черное чудовище пересекло нашу дорогу, и Стефан, крикнув Эдгару следовать за ним, понесся за зверем в сторону от основной массы охотников.

Я запросто могла отстать от них, и тогда у меня не осталось бы и последнего шанса побыть с тамплиером наедине. Но подо мной была Молния, которая повиновалась малейшему движению шенкелей, и я, не раздумывая, пустила ее следом.

Это была бешеная скачка. Собак у нас не было, и наша удача в гоне зависела только от того, сумеем ли мы не потерять зверя из виду. Но странное дело – два или три раза мне показалось, что за кустами мелькали силуэты невесть как попавших в эту часть леса ловчих, и они словно загоняли зверя все дальше в глухомань и низины. Заметили ли это мои спутники? Похоже, Эдгар что-то понял. Он даже стал окликать Стефана. Куда там! Стефан был весь в пылу гона. Он был заядлым охотником и, видимо, решил, что раз для короля уготовлен олень-одиноц, то уж он-то уложит в ряд охотничьих трофеев тушу могучего вепря.

И тут случилось непредвиденное. Я замешкалась среди зарослей, приотсталала, и внезапно откуда-то выскочили двое, пытаясь схватить Молнию под уздцы. В испуге я закричала – от крика незнакомцы бросились прочь. Но Эдгар стремительно развернул лошадь и поспешил ко мне.

Все остальное происходило удивительно быстро. Не успела я рассказать о незнакомцах, как Эдгар, словно потеряв ко мне всякий интерес, понесся прочь. Если я и опешила, то всего лишь на мгновение – ибо уже поняла, что происходит. Со стороны, куда ускакал Стефан, доносились крики и лязг оружия.

Когда, следуя за Эдгаром, я оказалась в болотной низине, то поначалу просто растерялась и рванула поводья, сдерживая Молнию.

Лошадь Стефана барахталась в болотной жиже, пытаясь встать, а сам граф Мортэн, обнажив меч, отбивался от шестерых вооруженных бандитов.

Не надо иметь семи пятей во лбу, чтобы понять – долго он не продержится. Даже отсюда я видела кровь у него на плече. И хоть Стефан считался отменным воином, но против шестерых...

Тут подоспел на помощь Эдгар, с ходу сразив наповал одного из нападавших. Не успел он развернуть коня, как один из бандитов, изловчившись, длинным тесаком подсек сухожилия на задних ногах его лошади. Мой тамплиер оказался на земле, придавленный рухнувшим животным.

Кажется, я стала кричать.

А потом увидела, как подскочивший к нему разбойник занес меч, однако, не нанеся удара, вдруг стал заваливаться навзничь. В горле его торчал брошенный крестоносцем кинжал. В следующий миг Эдгар освободил придавленную лошадью ногу, вскочил, но прежде чем выхватить меч, метнул другой нож, и тот едва ли не по рукоять застрял в спине одного из наступавших на Стефана.

Метал он их просто мастерски. И, глядя на него, я уже не кричала. Я была восхищена. Особенно когда он так же сразил броском ножа третьего из разбойников. Теперь их осталось двое против двоих. Двое бандитов против двоих воинов-профессионалов – уже можно было догадаться, чем окончится схватка.

Один из нападавших понял это и, бросив товарища, кинулся прочь. И тут же Стефан ловким ударом меча сразил оставшегося противника – только хрястнуло, брызнула кровь. Эдгар же, подхватив какую-то корягу, метнул ее под ноги убежавшему. Тот споткнулся, упал в грязь.

В два счета я оказалась рядом и, спрыгнув с седла, обвила шею Эдгара.

– Господь всемогущий, я так испугалась!..

Всего мгновение я пребывала в тепле его объятий. Он тут же отстранился и бросился к Стефану.

– Не убивайте его, граф!

Стефан уже стоял над поверженным противником, занося меч, но Эдгар удержал его руку.

– Разве вы не поняли, сэра, что это не простые бандиты? Вас заманили сюда. Это ловушка.

Стефан молчал, тяжело дыша, и Эдгару пришлось пояснить, что старый секач появился на их пути неспроста: его специально гнали в эту глушь, чтобы заманить графа Мортэна.

Тогда Стефан приставил острие меча к горлу лежавшего бандита.

– Говори, кто тебя нанял, или умрешь!

Тот глядел на графа расширенными глазами, но не издал ни звука.

Я тоже молчала. Я узнала этого человека. Видела его как-то в покоях Роберта. И понимала, что грозит брату, если откроется его роль в попытке убить племянника короля.

Пленник молчал, догадываясь, что смерти ему так или иначе не избежать, но оставаясь верным своему господину.

– Что ж, – глухо произнес Стефан, – помоги мне связать его, Эдгар. А в Фалезе палачи быстро развяжут ему язык.

С этим они справились быстро, благо веревки у охотников всегда при себе. Но обе их лошади были покалечены, и пришлось их добить, а пленника взвалили на мою Молнию, перекинув через круп и связав его руки и ноги под брюхом лошади. Молнию пугал запах крови, она дергалась и плясала на месте. Я, как могла, пыталась помочь Эдгару со Стефаном, когда же они на миг отвлеклись – воспользовалась случаем и сунула в руки пленнику свой маленький нож. И тут же пошла к мужчинам, чтобы быть вне подозрений.

Я даже услышала две последние фразы их разговора.

– ...Я догадываюсь, – говорил Стефан.

А Эдгар сказал:

– Это еще надо доказать королю.

Они разом умолкли, заметив меня.

Я тут же поинтересовалась – не хотят ли они заставить меня проделать весь обратный путь пешком, поскольку решили воспользоваться моей лошадью?

– О нет, – улыбнулся Эдгар. – Вы сядете в седло, я поведу Молнию под уздцы, а граф пойдет следом и будет присматривать за пленником.

Слава Богу, Стефан оказался негодным надзирателем. Путь лежал по пересеченной местности, он все время отставал, да и ослаб от потери крови. Порой, когда он заметнее отдался, я начинала слегка пинать пленника, не понимая, отчего тот мешкает. Я ведь сидела перед ним и чувствовала, как он тихонько возится, то замирает, то снова начинает ерзать. Если бы в седле сидела не я, его действия весьма скоро можно было бы заметить. Пока же я отвлекала Эдгара, разъясняла ему обратную дорогу.

Мы уже приближались к месту сбора охотников и уже явственно различали голоса рогов, трубивших «отбой», когда я почувствовала толчок и поняла, что осталась на лошади одна. Позади послышался треск, топот ног и проклятия Стефана. И тотчас Эдгар кинулся следом. Я видела, как он вновь метнул нож, но тот вонзился в ствол дерева, за который успел прыгнуть беглец. Эдгар по-прежнему преследовал его. Мы со Стефаном остались одни. Какое-то время мы прислушивались к шуму погони, потом переглянулись. Стефан нахмурился.

– Как это ему удалось освободиться, Бэртрада?

Я пожала плечами.

– Возможно, вы его плохо обыскали и у этого разбойника остался припрятанный нож. – И добавила: – Но Эдгар-то его догонит.

Эдгар вернулся ни с чем. Глядя на Стефана, он сокрушенно развел руками.

– Его спасение было в проворстве. И он не упустил свой шанс.

* * *

Только через пару дней, когда толки о происшедшем поутихли, я сочла уместным переговорить с Робертом. И как же я кричала на него, даже топала ногами.

– Понимаешь ли ты, что чуть не лишился своего доброго имени, дурак! Ах, светлейший граф Глочестер – и надо же, всего лишь подлый убийца. Я спасла твою шкуру, но теперь и Стефан и Мод что-то заподозрили и косятся на меня, как на предательницу.

Для меня это было тем более прискорбно, что, потеряв связь с ними, я отдалилась и от Эдгара. Разумеется, он нанес мне визит после случившегося на охоте, мы даже сыграли с ним партию в шахматы, но, когда он сообщил, что через неделю покидает двор, я не сумела найти подходящего предлога, чтобы удержать его. Наверняка Стефан и Мод поделились с ним подозрениями в отношении меня, и теперь в поведении Эдгара, несмотря на его неизменную любезность, чувствовалась некая отчужденность. Где уж тут намекать, что хочу за него замуж.

Зато Глочестер выглядел виноватым.

– Ты ведь сама понимаешь, Бэрт, у меня не было выхода. Стефан очень много знает и...

– Да ни черта я не понимаю!

Больше не было нужды притворяться. Слишком многим был обязан мне брат, и теперь пришла пора выложить все, как на исповеди.

Я сидела в кресле, положив ноги на скамеечку у жаровни. В маленькой комнате было полутемно, света от угольев в жаровне маловато, а тусклый свет февральского дня еле сочился сквозь толстую слюду в оконце. И все же я видела, как Роберт смущен, то и дело нервно трет свой огромный подбородок. Но по мере того, как он говорил, голос его набирал силу, а голова запрокидывалась все горделивее.

Оказывается, дело в нескончаемых ссорах дома Анжу с королем Генрихом Боклерком. Из-за этого его наследница Матильда оказалась как бы принадлежащей к стану его врагов. И хотя она – его единственный законный ребенок, но трон-то он ей оставит только в том случае, если она родит сына, что, исходя из ее отношений с мужем, представлялось маловероятным. Поэтому многие в окружении короля подговаривают его изменить завещание в пользу Тео-

бальда. Генрих прислушивается к этим речам, хотя что на уме у короля, никогда не ясно. Два года назад он заставил своих вассалов присягнуть Матильде, а теперь почти не упоминает об этом и ведет активную переписку с Теобальдом. Но Глочестер заинтересован, чтоб наследство перешло именно к Матильде. Если же король переделает завещание в пользу племянника – можно только догадываться, какое возвышение ждет это ничтожество Стефана. У его брата Теобальда уже есть и графство Блуа, и графство Шампань, и Шартрские владения. Если он получит и Нормандию с Англией... Ведь Стефан – английский граф и большую часть времени проводит именно в Англии. При воцарении же Теобальда он вполне может рассчитывать, что старший брат сделает его наместником и полновластным господином в Англии, в то время как Теобальд будет править на континенте. Но этого не мог допустить Глочестер. Он кровный брат Матильды и может возвыситься только при ней. Однако если наберет силу клан Блуа – Теобальд, Стефан и епископ Генри Винчестер – Роберт будет просто вассалом при них. А он хотел быть властителем. И пока сестра будет в Анжу, сам рассчитывал править Англией от ее имени.

И Роберт решил подкупить Стефана. Еще неизвестно, что предложит брату Теобальд, ведь поговаривают, что меж ними не самые добрые отношения. Глочестер готов предложить графу Мортэну поделить власть в Англии, пока Матильда будет на континенте ссориться с мужем. И для этого Стефану надо было только опорочить Теобальда, наговорить королю на старшего братца... Но все свелось к тому, что Стефан решительно отверг предложение Глочестера и даже пригрозил сообщить Матильде, каковы планы на ее королевство коварного Роберта. Был ли после этого у Роберта выход? Ведь если Матильда перестанет доверять брату... И он решил устранить графа Мортэна.

– Теперь-то я сознаю, что сделал глупость, – удрученно говорил Роберт. – Это могло обернуться для меня позором и изгнанием. Черт побери, все твердят, что я любимец короля, но мало кто знает, как сильно Генрих привязан к Стефану. Да, я мог бы погубить себя, а ты спасла меня, Бэрт. Мой человек обо всем поведал мне. Теперь он далеко. А ты... Я в неоплатном долгу перед тобой, сестричка.

Этих слов я и добивалась от него.

– Что ж, услуга за услугу. Я помогла тебе спасти честь, а ты за это устроишь мою судьбу. И потребовала, чтобы он помог мне выйти замуж за Эдгара Армстронга.

Поначалу я выслушивала его гневные речи – о том, что этот сакс мне не пара, что он недостойн и коснуться женщины, в которой течет кровь Завоевателя. Но когда он выговорился, я спокойно напомнила, что он мой должник.

Роберт устало махнул рукой.

– Что ты от меня хочешь?

Во-первых, чтобы он сблизился с Эдгаром, и это даст ему повод начать восхвалять сакса перед королем. Далее я сказала о своем плане насчет Восточной Англии и вакантного места тамошнего шерифа. Стефан добивается шерифского жезла для Эдгара, так пусть он получит его не от графа Мортэна, а от Глочестера. Почву для возвышения Эдгара я и Стефан уже подготовили, и, если отец колеблется, то это до тех пор, пока Эдгар не снимет плащ храмовника. Но если Эдгар выйдет из ордена... а это произойдет несомненно, если он обручится, то отец не будет раздумывать. Далее от места шерифа к титулу графа – один шаг. И я, как его законная супруга, стану графиней.

Я давно все это продумала. Конечно, мне нравился Эдгар, но только в том случае, если при нем я стану не женой саксонского тана, а могущественной графиней. Я возвышу своего мужа, сделаю своим должником и этим смогу подчинить себе, стану его госпожой.

Кажется, Роберт понимал меня. Его тоже привлекла мысль иметь в Восточной Англии своего человека. Но вот как сделать, чтобы Эдгар просил моей руки? И тут я поведала Роберту свой план. В первый миг он возмущился, потом стал хохотать, но неожиданно сделался серьезен.

– Сказать по чести, Бэрт, я бы не хотел, чтобы моя помолвка состоялась подобным образом. Для мужчины не очень радостно, когда его ловят для брака, словно зверя в силоч.

Я прищурилась.

– Брак – это сделка. А кто, как не рыцари Храма, разбираются в выгоде сделок? И этот сакс поймет – я его удача.

– Но уверена ли ты, что он тебя любит?

– При чем тут любовь? Люди женятся ради положения, ради богатого приданого, ради земель и чтобы укрепиться за счет родственных связей. А любовь... Право, ты сейчас мыслишь, Роберт, как эти мечтатели-трубадуры с юга. К тому же разве я недостаточно хороша, чтобы мужчина полюбил меня?

И я встала, подбоченясь и перебрасывая на грудь гриву своих роскошных волос.

Роберт улыбнулся.

– Да, ты красавица, Бэрт, клянусь честью. И надеюсь, сакс поймет это. Ибо учти, что бы ни говорили о выгоде брачных сделок, но именно любовь скрепляет семью, делает супругов духом и плотью единой. И то, что леди Мабель Глочестер не видит моего безобразного лица и счастливо улыбается, когда я возвращаюсь домой, наполняет мою душу теплом и благодатью.

Ха! Кто бы говорил. И это Глочестер, который не один подол задрал, как у благородных дам, так и у простолюдинок. А его жена безвылазно сидит у себя в замке и ждет его. Нет, упаси меня Бог от такой участи! Но, разумеется, вслух я ничего не сказала. Мы еще обсудили кое-какие детали, и Роберт взялся исполнить задуманное.

* * *

Всю следующую неделю я избегала своего тамплиера. Это не составляло труда, так как большинство гостивших при дворе вельмож уже разъехались и старый замок Фалез погрузился в тишину великопостных дней.

Из своего окна я видела берег реки, куда причаливали баржи и где вечно стоял гвалт прачек. Наверное, когда-то так же глядел в окно грозный герцог Роберт Дьявол, когда увидел на берегу прекрасную прачку Арлетту, и это изменило их жизнь. От их страсти на свет появился мой дед Вильгельм, принесший Нормандскому роду корону Англии.

Все эти романтические размышления были не по мне. Но я считала себя влюбленной и прощала своей душе минутные слабости.

Чувствовала ли я напряжение? Пожалуй, да. Я волновалась – как все произойдет? В том, что Роберт мне поможет, а Эдгар не сумеет уклониться, я не сомневалась. И все же сердце мое замирало. Если задуманное не выйдет, я надолго останусь опороченной. Но почему, собственно? Ведь сумел же отец замять дело с падением Матильды, хотя и по сей день ходят слухи о том, что король клятвенно обещал зятю Анжу положить к его ногам голову некоего крестоносца по имени Ги де Шампер. А насчет меня... Тут все можно обернуть куда тише. Но именно этого я и не желала. Мне нужен был скандал, огласка, сплетня. На это я и делала ставку.

Роберт сдержал свое обещание и сблизился с Эдгаром. Из своего окна я часто видела их вдвоем то на старой галерее замка, то гарцующими у реки на великолепных лошадях. Однажды Эдгар, словно почувствовав мой взгляд, поднял голову и взглянул на окно в моей башне. Я отшатнулась. Заметил ли он меня? Но когда именно в тот день он хотел нанести мне визит, я отказалась от встречи.

Мой отец перестроил и расширил Фалез. Одной из недавних построек была часовенка в новом стиле – со стрельчатыми окнами и веерным сводом. Я знала, что вскоре отец с несколькими приближенными отстоит в ней полуночную мессу в память о погибшем наследнике. Принц Вильгельм утонул одиннадцать лет назад, сейчас ему исполнилось бы двадцать девять. Из года в год отец в это время возносил молитвы за душу сына.

В тот день с утра я была до приторности нежна с отцом. Он даже растрогался. Что ж, мне сегодня как никогда понадобится его доброта. Этот Лев Справедливости, как его называли, мой грозный родитель, сегодня решит мою судьбу, и мне было необходимо, чтобы он помнил, какая у него ласковая и любящая дочь, как она сочувствует ему в горе.

Выходя от короля, я едва не столкнулась с Робертом и Эдгаром. Я скромно потупилась, принимая приветствия, но мы с Робертом успели обменяться быстрыми взглядами, и он едва заметно кивнул. А Эдгар... Я видела его синие выразительные глаза, выгоревшие почти до белизны волосы, его почти по-женски мягкую улыбку. У меня зануло сердце – до того он показался мне привлекательным. Но, идя к себе, я только и размышляла, какой же повод придумал Роберт, чтобы назначить встречу Эдгару в часовне Фалеза за полчаса до полуночи. Хотя это не существенно, ибо моего брата не окажется на месте встречи. Там буду я. И у меня будет полчаса, чтобы решить свою судьбу.

Все же я волновалась, и вскоре даже мои фрейлины поняли это – настолько я была капризна и раздражительна. Велела им выкупать меня в воде с розовой эссенцией, а потом просто замучила Маго, укладывавшую мне волосы. Та никак не могла взять в толк, чего же я хочу, а я, в свою очередь, не могла ей втолковать, что должна сегодня выглядеть невинной девой, явившейся в Фалезскую часовню помолиться за погибшего брата – и только.

В конце концов я велела Маго разделить мои волосы на прямой пробор и стянуть сзади в низкий узел. К этой прическе отменно шел простой серебряный обруч вокруг чела. Одежду я выбрала темного сукна, соответствующую моменту, но не удержалась, велев надеть на грудь цепочки в несколько рядов. Я знала: когда я бурно дышу, по ним скользят красивые блики. А уж поводов, чтобы бурно дышать, у меня найдется немало.

Перед выходом я велела набросить себе на плечи широкий плащ на волчьем меху: в часовне пронизывающий холод. Однако когда я в одиночестве направлялась в Фалезскую часовню, я дрожала скорее от напряжения, чем от холода.

И вот я, коленопреклоненная, одна в пустой гулкой часовне. Передо мной алтарь, на нем горят две свечи, освещая украшенное камнями распятие. Наверное, мне все же следует помолиться, но мои мысли так и разбегаются, а заученные слова литании не касаются души. Я вообще не очень-то религиозна, к тому же нахожусь сейчас в слишком большом смятении. Я не могу думать о Небе, когда здесь, на земле, решается мое будущее. Мои мысли скачут, как ягнята на лугу. Нравлюсь ли я Эдгару? Намекнул ли уже королю Роберт, что я больна от любви к тамплиеру? И как отнесся к этому Генрих? Если он до сих пор ни словом не обмолвился, значит, считает это просто капризом.

О, я вздрагиваю от каждого звука!.. И очень хочется, чтобы мой тамплиер не заставил себя долго ждать, ибо от каменных плит пола поднимается пронизывающий холод, да и не любительница я стоять на коленях. За окном слышен крик вылетевшей на охоту совы. Сквозь ромбы стекол в узком окне я замечаю отсветы огней в том крыле замка, где находятся покои короля. Сейчас Генрих тоже готовится прийти сюда, и с ним его свита. Стефан уж наверняка будет с ним, как и Роберт.

Когда в пустом переходе позади меня послышались шаги, я едва не вскочила. Не приведи Господь, чтобы это оказался один из священников, решивший осмотреть часовню перед приходом короля. Но нет, шаги уверенные, сильные, слышно легкое позвякивание шпор.

Слабо скрипнула дверь. Я крепко прижалась лбом к сцепленным пальцам. Со стороны похоже, что вся ушла в молитву. И тот, кто стоял сзади, словно не решался потревожить меня.

Господи, отчего он так медлит?

И вдруг я слышу, как дверь вновь чуть скрипнула. Неужели же Эдгар, не найдя здесь Глочестера, решил уйти?

Я не выдержала, резко оглянулась.

– Сэр Эдгар?

Он застыл на пороге. Светлый плащ с крестом в полумраке сводчатого перехода, длинные волнистые волосы. Одна рука на кольце двери, другая сжимает у пояса перчатки.

Я медленно поднялась с колен. Видела, как он вновь прикрыл дверь и склонился в изысканном поклоне.

– Простите, миледи. Я не ожидал встретить вас здесь, и у меня не было намерения помешать вашей беседе с Богом.

– Что же вас привело сюда?

Он замялся, явно не желая говорить о Глочестере. Я улыбнулась и протянула ему руку.

– Я рада, что мы увиделись, сэр.

– В самом деле? А мне-то казалось, что я имел несчастье вызвать неудовольствие вашего высочества. Вы ведь не жаловали меня своими милостями последнее время.

И тут я всхлипнула. Да как натурально!

– Бог мой! Да знали бы вы, чего мне стоило избегать вас! Я так измучилась за это время.

Он молчал, и тогда я шагнула к нему, коснулась кончиками пальцев его щеки.

– К чему было надрывать душу, видеть вас, смотреть на вас и знать, что вы вот-вот уедете. Да простит мне Небо, но я так старалась забыть вас!

Он сжал мою руку и молчал. А я вдруг и в самом деле поверила в то, что говорю, меня начала бить дрожь, слезы так и потекли из глаз.

– Вы уедете, сэр, и я не знаю, увидимся ли мы еще. Но мое сердце разбито и истекает кровью. Я всего лишь женщина и не вольна в своих желаниях. Но где бы вы ни были, я буду думать о вас, буду помнить и молиться. Вы – моя прекрасная мечта, сэр Эдгар...

Его губы дрогнули, но не издали ни звука.

Господи, все это было так трогательно, что я расплакалась навзрыд. Сказала сквозь всхлипывания:

– Я рада, что мы все же встретились перед разлукой. Рада, что вы услышали мое признание.

Он медленно поднес мою руку к губам.

– Я рыцарь Христа, миледи.

– Но вы ведь и мужчина. Прекраснейший мужчина на свете. И вы скоро скинете плащ храмовника, женитесь. Я же буду с тоской думать, кто же она – ваша избранница. И почему она, а не я ждет вас там, в вашем замке в Англии.

Он по-прежнему молчал. Меня это стало раздражать. Я тут изливаю ему свою душу, а он – совершенный холод. Наконец он все же сказал:

– Я не стою вас, принцесса.

– Позвольте мне это решать! Да, я принцесса, но и у дочерей короля есть сердце. О, скажите мне хоть что-нибудь, мой Эдгар! Нравлюсь ли я вам хоть немного?

И тут я заметила, как вспыхнул огонь в его глазах.

– Вы прекрасны, леди Бэртрада. Я часто любовался вами. Но всегда помнил, кто вы – и кто я. Я уважал высокое положение своей дамы и...

Я прижала ладонь к его губам, заставив умолкнуть. И почувствовала, как он поцеловал мою руку. Нежно, так нежно... Мне это было приятно, но я хотела большего. Он держал мою руку в своих ладонях и мягко касался губами кончика каждого пальца. А я растерялась. Я ждала, что он набросится на меня, а я буду вырываться. Но он медлил... Черт бы побрал эту его церемонность!

И тогда я почти приказала:

– Поцелуйте меня!

Рыцарь вздрогнул. Но вот его руки обвилились вокруг моей талии, и я подчинилась им, приникла к нему, обняла.

Нет, он не впился в меня, как Гуго Бигод, не рвал мой рот, как Вильям Ипрский, не мял мои губы губами, как Генри Винчестер. Он коснулся их слегка, как дуновение ветра. Но я так и не поняла, как вышло, что мои уста оказались словно в плену, став одним целым с его устами. И недоумевала, что же мне теперь делать, пока не почувствовала требовательный нажим его языка, размыкающий мои губы. Я подчинилась, по-прежнему не зная, как быть дальше. Вырваться? Обнять его? Мой язык, столкнувшись с его, стал мешать, но я не знала, куда его деть. Я не дышала, мне не хватало воздуха.

Я отстранила лицо. Но он обнимал меня, и я почувствовала, как он тяжело и напряженно дышит. А его рука вдруг огладила мое бедро, скользнула по ягодицам и сильнее прижала меня к себе. И я ощутила его возбужденную плоть внизу своего живота. Мне стало стыдно. И это была не борьба, как я ожидала, он брал меня словно с лентой. Он целовал мою шею, горло у ключицы, а я покорная, замершая стояла в его объятиях, не зная, что делать.

Он словно бы понял это. Отпустил меня, все еще тяжело дыша.

– Простите, миледи. Но у меня так давно не было женщины. Я напугал вас?

Я боялась лишь одного, что он сейчас уйдет. И сама порывисто обняла его.

– Нет, нет, не отпускайте меня! Я хочу это знать, хочу запомнить вас.

Он снова целовал меня, но на этот раз более страстно. А я вцепилась в него и, наверное, мешала ему. Он чуть отстранился, и его рука коснулась моей груди. Почему мужчин так волнует женская грудь? И что я должна делать в этот момент? Его пальцы запутались в моих цепочках, и мне стало даже смешно. Но мой приглушенный смешок, похоже, ему понравился. Я заметила его улыбку. Он одной рукой обхватил мой затылок и, приблизив к себе мое лицо, вновь стал целовать. И я опять не знала, куда девать свой язык. Но тут я услышала шаги за дверью, пение литаний и, испугавшись, что это оттолкнет его от меня, еще сильнее прижалась к нему. Эдгар негромко застонал...

Дверь открылась, и на пороге появился король Генрих со свечой в руках.

Мы не разжали объятий, только глядели на него. На него и тех, кто стоял за ним. Королева Аделиза, Стефан, Мод, мой брат Глочестер, граф-горбун Лестер, канцлер Обри де Вер... Я видела, как менялись их лица. Я этого и ждала, но почему-то ужасно испугалась. И то, как поспешно я вырвалась из объятий Эдгара, выглядело вполне натурально.

Что теперь делать? Либо Эдгар заплатится за содеянное головой, либо будет изгнан, либо я получу его в мужья.

Я, вскинув голову, глядела на короля. Он переводил взгляд с меня на Эдгара и вновь на меня. Его худое лицо было непроницаемым, и лишь по тому, как заметался огонек свечи в его дрожащей руке, я поняла, в каком гневе отец.

– Сэр Обри, – обратился он к канцлеру. – Отведите тамплиера Эдгара в Фалезскую башню. А ты, Бэртрада...

Я давно продумала, как себя вести. Я упала на колени перед отцом, заломив руки.

– О, государь! Будьте великодушны! Мы с сэром Эдгаром любим друг друга и просим обвенчать нас.

Это было сказано, и это слышали все. Теперь скандал не удастся так просто замаять. И я сама подсказала отцу, как его избежать.

Эдгар глядел на меня с изумлением. Я же повторила:

– Сделайте меня женой этого рыцаря, отец, и ваша счастливая дочь будет до конца дней благодарить вас.

– Идите к себе, Бэртрада, – сухо сказал Генрих. – А вы, сэр Обри, выполняйте приказание!

* * *

Если король и был потрясен случившимся, это еще не было причиной, чтобы отказаться от полуночной службы в память о первенце.

А с наступлением дня старый Фалез шумел, как улей.

Меня навестила Мод.

– Поздравляю, Бэртрада. Лучшего способа положить голову Эдгара под топор вы не могли придумать.

Я еще не совсем проснулась и поэтому довольно резко ответила, что пока Эдгар Армстронг носит звание рыцаря Храма, его участь имеет право решать только Папа Римский. И забавно же мне было видеть, как вытянулось лицо этой дурехи.

Позже моя верная Клара доложила, что утром король имел беседу со Стефаном Мортэном и Робертом Глочестером. Я была довольна. Пока все шло, как я и рассчитывала. Ибо если у отца и было намерение разделаться с Эдгаром, он бы уже отправил его в цепях в Руан. Но недавно он взял заем у тамплиеров, и ему сейчас было невыгодно ссориться с ними. Поэтому вряд ли он пожертвует Эдгаром. Но тут меня стали обуревать другие мысли. Что, если отец разгневется на меня? Что, если заточит в монастырь? Силы небесные – все, что угодно, только не это!

Но я ни за что не желала показать свой страх. Я велела нарядно одеть себя и пошла навестить свою мачеху Аделизу. Я была весела, шутила. Играла с собачками Аделизы, смеялась над ее попугаем. Аделиза так тарасилась на меня, что уже одно это могло развеселить меня больше, чем все ее болонки и попугай.

– Разве вы не опасаетесь за жизнь своего избранника, Бэртрада? – наконец решилась спросить королева.

Куда больше меня интересовала собственная судьба. Я ведь все подготовила к возвышению Эдгара, я подвела к этому короля, сделала все, чтобы он решил, что я могу быть супругой Армстронга. Если же мой непредсказуемый отец решит иначе – мне не избежать пострижения в монахини.

После полудня я занервничала, а к вечеру стала паниковать. Я послала Клару к Глочестеру. Неужели Роберту трудно хоть весточку мне прислать?

Роберт пришел сам.

– Тебя хочет видеть король, Бэрт.

Лицо у брата было каменное. Но... но... Ах, тресни моя шнуровка! – какие веселые чертики плясали в его глазах!

И я смогла взять себя в руки. Оправила длинные серьги, велела наложить немного румян на щеки. В отражении зеркала я видела за собой Роберта, видела, как он следит за мной с нескрываемым восхищением.

– Тебя ничем не взять, Бэрт. Ну ты и чертовка!

Я рассмеялась.

– Но какая из этой чертовки получится графиня! Ведь не отправит же отец меня в монастырь.

Его огромный подбородок задрожал от сдерживаемого смеха.

– Да уж, монахиня из тебя вышла бы никудышная.

Итак, он меня обнадежил. И это дало мне сил выдержать разговор с королем. Конечно, поначалу отец метал громы и молнии. Я же лишь твердила о своей неземной любви, а когда он успокоился, так и сказала, что хочу стать графиней Норфолка. Похоже, Роберт и впрямь уже говорил с ним на эту тему, и отец понял, к чему я клоню.

– Тебе ведомо, Бэртрада, что Господь не посылает счастья непокорным детям?

– Но мои действия не задевают ваших интересов. И я люблю этого человека.

– О молчи, молчи! – махнул рукой отец. И стал вдруг задумчивым. – Твое-то чувство к саксу не только от сердца. Мне ли не знать тебя, дитя мое. Пусть меня завтра же лишат трона, если ты не рассчитала все изначально.

Я опустила на колени.

– Государь, я ваша дочь, и вы все видите в душе моей.

Горестная складка залегла у его губ.

– Да, Бэртрада. Я вижу твою душу. Мне горько, что ты подвергла мои чувства к тебе подобному испытанию. И еще мне горько оттого, что ты, добиваясь своего, шла напролом, даже не понимая, что выбор твой – ошибка. Я не жду, что ты будешь счастлива в браке.

Вот оно! Он произнес слово «брак»!

Я едва не задохнулась.

– Так вы решили, государь? Я получу этого человека?

– Да. Как охотничий трофей. Когда вас обручат, у тебя уже не будет пути назад. Об одном лишь молю Господа, – чтобы тебе не пришлось раскаиваться в своем решении.

– Но вы ведь сделаете Эдгара графом Норфолка?

– Не сейчас, но все может быть.

– Тогда мне не о чем будет сожалеть.

На другой день нас с Эдгаром обручили в той самой часовне, где я добилась от него проявления чувств. Мы стали женихом и невестой. Но отец не желал нашего поспешного венчания. Меня даже удивило, что он отсрочил нашу свадьбу на целых полтора года. Но, как мне объяснил Роберт, королю просто необходимо удостовериться, что Эдгар справится с обязанностями, которые на него наложит ожидающий его титул. Пока же он будет в должности шерифа графства Норфолкского. И если король останется им доволен... Конечно же, останется. Эдгар не похож на человека, который не справится с властью. Но все же я дала своему суженому ряд советов. И он как-то странно глядел на меня во время этой беседы.

Вскоре он уехал. На прощанье мы поцеловались. Не так пылко, как в часовне, скорее церемонно. Но меня это устраивало: пусть не забывается и помнит, кто я и чем он мне обязан!

Я не сожалела, что нам предстоит разлука. Все это время я буду вести привычную жизнь, но уже никто не скажет за моей спиной, что я старая дева. Отныне я становилась обрученной невестой, мой жених был чертовски хорош собой, и меня ждет титул графини Норфолкской.

Ах, тресни моя шнуровка! – но я всегда знала, что могу добиться чего захочу!

Глава 2

Эдгар

Февраль 1131 года

Если бы мне, двадцатишестилетнему ловцу удачи, покинувшему двенадцать лет назад Англию, сказали, что, завидев белые дуврские скалы, я пролью слезу – голову бы ставил против дырявого пенса, что это чистейшее вранье!

И оказался бы в проигрыше. Потому что, стоя на носу корабля ввиду английских берегов, я боялся обернуться к гребцам – чтобы они потом не могли хвастать, что видели плачущего тамплиера.

Но это была всего лишь минутная слабость. Спускаясь по сходням на причал дуврского порта, я был уже совершенно спокоен.

В Дувре меня встречали собратья по ордену. Тамплиеры не так давно обосновались в Англии, и я вез им письма от Великого магистра Гуго де Пайена, а заодно немало золота, векселей с поручительствами и драгоценного товара – шелков, пряностей, благовоний и прочего, что должно было помочь ордену рыцарей Храма укрепиться на далеком от Святой земли острове. Ибо, как я уже знал, нас, рыцарей-тамплиеров, в Англии не очень-то жаловали.

Я говорю «нас», хотя уже не имею права именовать себя тамплиером. Пребывание в лоне ордена Храма весьма почетно, однако я принял твердое решение покинуть братство.

Это случилось, когда паломник в запыленной одежде привез мне в Иерусалим письмо с далекой родины, в котором незнакомая мне женщина, леди Риган из Незерби, вдова моего младшего брата Этельстана, сообщала, что после смерти ее супруга я остался последним в роду и отец умоляет меня вернуться домой и вступить в наследство, чтобы не прервался древний род Армстронгов.

В тот день я подумал, чего стоило отцу решиться на подобное и позвать меня – нелюбимого отпрыска и к тому же беглеца. Увы, из семи сыновей у него остался только я. И хотя у меня были совсем иные планы, иная жизнь, я не посмел не откликнуться на этот зов. Ведь разве есть у человека в этом мире долг более важный, нежели перед родной кровью, перед семьей?

Когда я сообщил магистру Гуго де Пайену, что намереваюсь снять белый плащ тамплиера, он не стал меня удерживать. И добавил, что несмотря на то, что в ордене я на хорошем счету, мне никогда не подняться выше ступени посвящения – слишком я люблю все мирское, чтобы всецело посвятить себя служению братству. Его слова задели меня, но, поразмыслив, я понял, что он прав. Одно то, что я завел себе женщину, не позволяло мне рассчитывать на возвышение в братстве. Конечно, тамплиеры, хотя и принимали обет безбрачия, имели право на так называемое «попущение Божье», то есть на редкие свидания с женщинами для успокоения плоти. Мы были рыцарями более, чем монахами. Однако во мне всегда была тяга иметь семью, и уже одно то, что я предпочитал не ночевать в спальнях ордена, а шел в собственный дом, где меня ждали моя Фатима и сын Адам, ставило меня несколько осторонь от остальных членов братства.

Поэтому я смирился с тем, что никто не будет удерживать меня в Иерусалиме. К тому времени Фатима умерла, Адама я мог забрать с собой, и мне оставалось лишь выполнить некое поручение Гуго де Пайена. Я говорю «некое», но на деле это было весьма ответственное и почетное задание: отвезти письма нашего магистра для сильных мира сего – королей, епископов, аббатов, а также переправить целый обоз, который глава тамплиеров направлял своим прецепториям.

К этому обозу примкнул и мой собственный, так как я возвращался из Святой земли отнюдь не бедным человеком.

Весь мой путь проходил под охраной и защитой ордена, и в мыслях я уже видел, как встречу с отцом и преподнесу ему удивительные дары Востока, в том числе и прекрасных арабских лошадей, от которых в Англии можно завести новую породу. А еще я лелеял мечту возвести неприступный каменный замок, ибо после того, что я повидал, вряд ли саксонский бург¹¹ моего отца покажется мне пригодным для жилья. Таким образом я исполню мечту моей матери, саксонской принцессы Милдрэд, последней дочери короля Гарольда¹². Ту мечту, которую так и не воплотил в жизнь мой отец.

Окрыленный надеждой, я не замечал тягот пути. Да и забот у меня было по горло – обязанности, которые возложил на меня магистр, требовали собранности и постоянного внимания. Впрочем, и о себе я не забывал. Многие из того, что вез с собой, я превращал в золото еще по пути, ибо нет лучшего способа обогатиться, чем, двигаясь на север, сбывать с рук товары, приобретенные на юге. Цены на них росли, как опара в квашне. Я даже увлекся заключением торговых сделок, неизменно блюдя свою выгоду.

Не приведи Господь, чтобы об этом узнал мой отец, благородный тан Свейн Армстронг из Незерби! Он глубоко презирал всех, кто подсчитывает доходы с продаж, и был ярым сторонником старого помещичьего хозяйства. Настоящий сакс – упрямый, твердолобый, цепляющийся за старину. И еще неизвестно, как отец примет моего Адама, незаконнорожденное, но крещеное дитя сакса и сарацинки. Этот мальчик много значил для меня. В нем одном заключалась память о Фатиме, которая была больше чем доброй супругой и дала мне все, что я так высоко ценил, – тепло дома, любовь, привязанность.

На Востоке женщины любят иначе, чем в наших краях, им в радость служить утехой своему господину. Но отныне я помолвлен с христианкой, дамой королевской крови по имени Бэртрада. И видит Бог, я не в силах предугадать, что сулит мне этот скоропалительный союз.

После окончания моей миссии в лондонском Темпле был совершен обряд выхода из ордена. Однако и после этого гроссмейстер Темпла окружил меня почетом, а во время беседы дал понять: что бы ни случилось, если на то будет моя воля – я останусь в рядах братства. Ордену необходим человек, связанный родственными узами с Генрихом Боклерком, самым непредсказуемым из королей. Ибо хотя со дня основания братства тамплиеры почитают главой Папу Римского, но и земных властителей нельзя не принимать в расчет. Поэтому гроссмейстер обрадовался моему согласию по мере возможности следить за движением в Святую землю неофитов ордена. За это мне была обещана всяческая поддержка, ибо, породнившись с королем, я невольно оказывался втянутым в политику, а раз так – помощь тамплиеров может оказаться необходимой.

Для начала орден выделил конвой для охраны моего обоза, и уже на третий день после приезда в Англию я двинулся на восток, в графство Норфолк. Передвигался я как знатный вельможа: две мои баржи медленно плыли по Темзе, затем вверх по реке Ридинг, а по берегу скакали охранники из Темпла, закованные в железо.

Сидя на носовой палубе первой баржи, я с наслаждением вглядывался в расстилающийся передо мной пейзаж. Конечно, февраль не лучший месяц для путешествий, однако зима в этом году выдалась мягкая, погода стояла хоть пасмурная, но сухая и безветренная. Черные ветви деревьев отчетливо вырисовывались на фоне серого неба. Деревянные домики на берегах не казались унылыми: оттуда слышался лай собак и мычание скотины. Увядшие камыши и речные травы были расцвечены мягкими красками – от бледно-золотистой до буровато-коричневой, а на горизонте время от времени появлялись колоколенки церквей. На склонах темнели полоски пашен, а порой отара овец переваливала через гребень холма, словно облако, легшее на землю.

¹¹ Бург – деревянный дом, усадьба.

¹² Гарольд – последний англо-саксонский король, правивший в 1066 г.; пал в битве при Гастингсе.

Все это было невыразимо близким и памятным. Даже пятнистая кошка, сидевшая подле огромного колеса водяной мельницы, умилила меня – ведь в Святой земле почти нет кошек, а те, которых удается увидеть – худых, большеухих, с длинными мордами – бог весть что, а не кошки.

Вряд ли что-то подобное ощущал мой сын Адам. В ответ на мой вопрос он с детской прямоотой заявил, что считает Англию отвратительной. Унылые черные деревья без листьев, грязь и глина разбитых дорог, постоянный туман, проникающий сквозь одежду, – и это в феврале, когда в Святой земле уже цветут, распространяя дивный аромат, миндальные сады! Здесь же скверно пахнет, люди мрачные и никогда не моются. Вдобавок они не носят тюрбаны.

В отличие от Адама мой оруженосец Пенда, как и я, был просто в восторге от всего, что видел. Пенда был сакс, рожденный в рабстве еще в бурге моего отца. Когда я мальчишкой бежал из Англии, он был со мной, был мне и слугой, и другом, и нянькой, и охранником.

Сейчас Пенда, стоя на носу баржи, что-то весело насвистывал. Обычно он угрюм и несловоохотлив, и свист для него – выражение необычайной радости. Я видел его крепкую фигуру с широко расставленными ногами и заложенными за спину могучими руками.

– Кровь Христова, сэр! До чего же хорошо дома!

Его коричневое от загара лицо с маленькими глазками под тяжелыми веками и квадратной челюстью расплылось в улыбке. Подрезать бороду по восточному обычаю он начал давным-давно, так что сакса в нем теперь и не распознаешь.

Недалеко от Пенды, на краю баржи сидит мой каменщик, француз Симон – Саймон, как тотчас переименовали его имя в Англии. Кудрявый, быстрый, всегда готовый расхохотаться или пошутить. Мне порекомендовали его во Франции как прекрасного мастера-каменотеса и как отличного организатора работ. Не знаю, не знаю. Пока я лишь понял, что Саймон – большой мастер соблазнять девиц. Да еще у него великолепные способности к языкам. С французского он вмиг перешел на нормандский диалект; а за считанные дни, что провел в Англии, уже нахватался местных словечек и сейчас выкрикивает что-то забавное, обращаясь к девушкам на берегу.

* * *

К вечеру мы достигли устья реки Ридинг и остановились на ночлег на постоялом дворе.

Что и говорить – английские постоялые дворы заслужили право называться худшими в мире. Адам был в ужасе – блохи, грязь, копоть, везде куры и запах навоза. От сырых дров валил едкий дым, от которого щиплет глаза. И тем не менее накормили нас сытно, а эль, что вынесла хозяйка, был совсем неплох.

Мой Адам с удивлением глядел на огромные ломти мяса и хлеба, подаваемые к столу. На Востоке нет таких обильных пастбищ, как в Англии, нет столь плодородной земли, чтобы выращивать пшеницу. Там мы ели мясо маленькими порциями, приправляя его специями, а обязательную еду англичан – хлеб, заменяли разными овощами и фруктами. К тому же моего маленького крещеного сарацина удивило, отчего это в Великий пост люди спокойно едят скоромное. Я объяснил, что Англия далеко от Рима, да и английская церковь столь самостоятельна, что здесь на многое смотрят сквозь пальцы. В частности, если в монастырях и поместьях еще соблюдают пост, то простолюдины зачастую нарушают строгости установленного порядка. Но пока я говорил, моего сына стало клонить в сон, и я отнес его на кучу соломы в углу. Проверив посты, устроился немного в стороне от очага, чтобы не так мешал дым, сидел расслабленный и умиротворенный. Думал о Бэртраде...

Три тысячи щепок Святого Креста, – но меня не покидало ощущение, что я попал к ней в силос, точно птица. От этого я испытывал некое потаенное неудовольствие и сам сердился на себя. Ведь те преимущества, какие нес с собой брак с Бэртрадой, были просто неопишутемы. Я

и в мечтах бы не смел предположить, что стану зятем самого Генриха I. И все же мне было как-то не по себе. В глубине души я гордился тем, что всегда и всюду сам направлял свою судьбу. Теперь же вместо меня принимали решения другие.

Как сказал восточный мудрец, «единение душ в сотни раз прекраснее, чем единение тел». И я хотел любви в браке как основы благополучия и нежной дружбы двоих. Мечты? Возможно. Вернувшись в Англию, я скорее всего женился бы на дочери какого-нибудь из соседних танов. По самым обычным соображениям – земля и приданое. Но нет, я знал себя и знал, что помимо общего ведения хозяйства мне нужна будет подруга и пылкая возлюбленная, которую я научу всему, что сам познал на Востоке. Упоительные ночи, высшее единение плоти и духа... Но теперь, когда дело решено, найду ли я все это в столь капризной и надменной женщине, как дочь короля?

Нет спору – Бэртрада и обворожительно красива, и знатна. Глазам моим всегда было приятно смотреть на нее. Но в ее красоте таился вызов, и при каждой встрече я чувствовал, как она стремится повелевать мной. Я повиновался – иначе и быть не могло, слишком большим было различие в нашем положении. Но и тогда, когда мы оставались с глазу на глаз, она пыталась брать верх и во всем задавать тон. Мне же отводилось место покорного дыхателя.

Одно бесспорно – ее чувства были искренними.

Хотел ли я ее как женщину? О да! Ее тело, формы которого не скрывали, а подчеркивали вызывающие яркие наряды, влекло меня... до тех пор, пока я не встречался с холодным колючим взглядом ее глаз. В Бэртраде чувствовалась почти мужская властность, и до поры до времени я уступал ей. Но как сложатся наши отношения, когда мы станем мужем и женой?

Неожиданно я поймал себя на том, что рассуждаю о своей невесте холодно и деловито. Как знать – когда за нами задернут полог брачного ложа, не загорюсь ли я, как в тот миг, когда она сама обняла меня? Но даже тогда в ее речах было больше страсти, нежели в ее поведении.

Хотя, когда нас обнаружили, Бэртрада не побоялась на весь свет прокричать о своей любви. И в моем сердце что-то дрогнуло. И я не солгал королю, когда сказал, что восхищаюсь его дочерью и готов служить ей до конца дней.

Грозный Генрих Боклерк тогда был на удивление мягок со мной. Мягок, но после того, как меня привели к нему из Фалезской башни в цепях.

– Я сам знаю, на что способна страсть, – глухо сказал он.

Но потом говорил со мной только о делах. И я понял, чего он ждет от меня, понял, что у него все продумано. Львом Справедливости называли его, этого тирана, сжавшего свои владения в железном кулаке. Однако я, знавший многих повелителей, все же восхитился, как он тонко и продуманно вел дела. Ему требовался свой человек в Норфолке, но этот человек должен был происходить из старого саксонского рода. Король намеревался наделить его большой властью в противовес надменной англо-нормандской знати. В то же время этот человек должен быть близок к Церкви. И это был шанс возвеличить незаконнорожденную дочь короля. Вот тогда-то я и почувствовал, что меня поставили на место, которое долго пустовало и на которое я подходил.

Генриху Боклерку нередко случалось одним словом поднимать людей на много ступеней вверх по лестнице власти, но при этом король желал быть уверенным в том, что они достойны его доверия. И хотя я был обручен с его дочерью, он не спешил наделить меня титулом. Я был назначен шерифом – то есть полномочным представителем верховной власти в графстве Норфолкшир. И в запасе у меня имелось полтора года, чтобы доказать свое право занимать высокую должность. Как и многие норманны, король считал, что от саксов не приходится ждать ничего хорошего из-за их косности и нежелания считаться ни с чем, что исходило из-за моря. Но я и сам уже был чужаком среди саксов – я многое повидал, и мое честолюбие за эти годы только возросло. Похоже, я достиг того возраста, когда власть и могущество становятся желанными.

Самое время испытать, чего я стою, и мое обручение с Бэртрадой было первым шагом на пути к этому. Сомнения короля рассеются, когда я сделаю то, что задумал: возведу в Дэнло цитадель, наподобие тех, какие так восхитили меня в Святой земле. Я так и сказал королю, и он согласился со мной. Как-никак его дочери, графине Норфолкской, подобает жить в достойном замке. Но существовало еще одно условие: я не обязан скрывать обручение с его дочерью, однако король полагается на мою сдержанность и надеется, что я не стану трубить об этом везде и всюду. Что ж, его можно было понять. Если я не проявлю себя и помолвка будет расторгнута, он предпочтет скрыть, что собирался отдать принцессу Нормандского дома выскочке-саксу.

Итак, я возвращался домой богатым, прославленным и чуть ли не зятем короля. Моя невеста была красавицей. Неплохой итог двенадцатилетних скитаний.

Но все же из головы у меня не шло, как надменна и заносчива стала моя невеста, когда обручение уже состоялось. Да и последнее напутствие Стефана Блуа не утешало:

– Храни тебя Бог, Эдгар. Ты даже не представляешь себе, с кем связал свою судьбу.

Тогда я даже разгневался на него. Как он смеет? И это мой давнишний покровитель, почти друг.

С другой стороны – кому не ведомо, что граф Мортэн сначала говорит, а уж потом думает.

* * *

Весь следующий день мы двигались без остановки.

За это время я смог оценить, какой порядок навел в Англии король-тиран Генрих I. Этот младший из сыновей Вильгельма Завоевателя, которого так много осуждали и так сильно боялись, сумел превратить островное королевство в спокойный и благодатный край. Конечно, люди продолжали роптать и жаловаться – на бремя налогов, на суровость законов, на знать, купающуюся в роскоши, на плохую погоду, наконец. Люди склонны всегда и во всем обвинять власть. Однако я, видевший иные края – беспокойное Иерусалимское королевство, всегда находящееся на грани войны, истерзанную набегам мавров Кастилию, Францию с ее опасными для путников дорогами, – я мог оценить стабильность и порядок, увиденные дома. Многие меня приятно удивляло: упорядоченность взимания пошлин на дорогах, постоянное их патрулирование и почти полное отсутствие разбойников. Простой люд безбоязненно ездил по своим делам, даже женщины могли передвигаться без охраны. Да, король-нормандец Генрих Боклерк, силой захвативший корону в отсутствие старшего брата Роберта¹³, стал истинным благословением для Англии. Смутные времена правления Вильгельма I Завоевателя и его сына Вильгельма II ушли в прошлое. Генрих I поощрял науки и строил монастыри, следил за состоянием торговли, его казна была полна. Он издал законы, объединившие нормандские статусы с древними англо-саксонскими установлениями. И хотя он мало считался со своими советниками, решения короля были мудрыми и осмотрительными.

Однако Генрих старел, а наследницей престола стала женщина, и многих такое положение вещей не устраивало. Я думал, что Генрих – отчаянный оптимист, если надеется все передать дочери и ее мужу Анжу.

К вечеру длинного спокойного дня мой обоз достиг границ Бери-Сент-Эдмундса – самого известного аббатства в Восточной Англии, уже переросшего в город. Мы издали увидели громаду собора – длинного каменного здания с высокими квадратными башнями, в толще стен которых темнели крохотные романские оконца. А вокруг растекались строения под тростниковыми кровлями, улочки, частоколы. И все это – дома, таверны, лавки – богатело за счет аббатства и его великой святыни – мощей святого короля Эдмунда.

¹³ Роберт – старший из сыновей короля Вильгельма Завоевателя. В удел получил герцогство Нормандское. Но пока он был в Крестовом походе, его земли подчинил пришедший к власти младший брат Генрих Боклерк.

В аббатстве меня приняли с почетом, но встреча с главой Бери-Сент, аббатом Ансельмом, радости мне не доставила. Хотя мне и было любопытно наблюдать за его полным красным лицом, когда он узнал меня и вынужден был благословлять, поздравляя с возвращением.

Последний раз мы с ним виделись, когда мне было четырнадцать лет. И слово «виделись» подходит к обстоятельствам нашей встречи не больше, чем верблюжье седло скакуну. И теперь у меня снова встала перед глазами туша святого отца, прикрученная ремнями к дубовой кровати. Рот его забит кляпом, и оттуда доносится только глухое мычание, пока я, строптивый послушник, полосую розгами жирные монашеские ляжки. Мой верный Пенда караулит за дверью, чтобы никто не помешал мне насладиться местью. Когда все закончилось, я, прихватив своего раба, бежал из аббатства и мы растворились в огромном неизвестном мире.

Надо полагать, меня влекла рука провидения: я хорошо прожил следующие двенадцать лет. Шесть из них я колесил по Европе и еще шесть сражался в Святой земле. В этих скитаниях я повзрослел и изменился, и теперь, право, мне было стыдно за ту свою выходку. Однако каковы бы ни были те наши отношения, спустя годы мы встретились с Ансельмом весьма любезно. Мне все же пришлось сообщить ему о своем будущем браке с Бэртрадой Нормандской, но я предупредил его, что не следует распространяться на эту тему.

По пухлым губам аббата скользнула усмешка.

– Я не курица, чтобы кудахтать об этом на всю округу, – заявил он, нарочито гнусавя и коверкая саксонские слова.

Эту манеру я знал. Многие норманны, когда им приходилось общаться с саксами, своей речью старались подчеркнуть, что они из породы господ, а саксы – всего лишь покоренное полудикое племя.

В крохотных глазах Ансельма мелькнул злорадный блеск, и я понял, что этот человек ничего не забыл и не простил. Отныне и навсегда – он мой недруг. А спустя миг я получил еще одно подтверждение этому – когда аббат с явным удовольствием сообщил, что мой отец Свейн Армстронг скончался в канун Рождества.

У меня пресеклось дыхание. Значит, отец не дождался своего блудного сына...

Я выехал из Бери-Сент-Эдмундса на рассвете следующего дня, оставив аббатству щедрое пожертвования, дабы монахи отслужили достойный молебен о душе тана Свейна. Отправив обоз под присмотром Пенды в усадьбу Незерби, я поспешил в Тэтфорд, где находилась родовая усыпальница Армстронгов, чтобы помолиться над могилой отца.

Тан Свейн был из тех саксов, которые так и не смирились с владычеством норманнов в Англии. Он был еще подростком, когда Восточную Англию всколыхнуло последнее крупное восстание под предводительством храброго Хэрварда Вейка. Отец любил рассказывать, что не раз бывал проводником у повстанцев и даже сам великий Хэрвард как-то похвалил его. О том, что Хэрвард Вейк в конце концов примирился с Завоевателем и даже получил от него земли в Норфолке, Свейн не любил упоминать. Зато в нашем доме всегда звучали песни о славных деяниях этого вождя и отец не уставал повторять, что норманнам никогда не удалось бы подчинить Англию, если бы саксы не смирились и продолжали сражаться, как отважный Хэрвард.

Вся юность отца прошла в стычках с людьми короля Вильгельма. Скрываясь от властей, он уехал на север, где сохранилось много старой саксонской знати и где он рассчитывал поднять новый мятеж. Но не вышло. Саксы устали от крови, захотели жить в мире. Даже под королем-нормандцем.

С севера Свейн Армстронг привез в свой бург Незерби мою мать Милдрэд, дочь короля Гарольда. Отец свято верил, что брак с этой женщиной даст ему право самому возродить новую династию саксов. Он был честолюбив, и то, что его не захотели слушать в Норфолкшире, поселяло в нем семена раздражительности и злобы. К тому же жена рожала ему одного за другим сыновей, и тану пришлось заняться хозяйством, чтобы прокормить семью.

Таким я его и помнил: вечно чем-то недовольным, угрюмым и пользующимся любым способом, чтобы начать сеять смуту и побуждать саксов к резне. Это ему дорого обошлось. После последней вспышки бунта, уже при Генрихе Боклерке, он лишился многих своих владений, к тому же был казнен его старший сын и соратник Канут. Более того, чтобы тан из Незерби успокоился, король забрал ко двору заложниками двоих других его сыновей. Тогда отец замкнулся в себе, в своей злобе и ненависти.

Обо всех этих событиях я знал лишь по рассказам, так как был еще слишком мал и даже лиц старших братьев не помнил. Мы с моим младшим братом Этельстаном были поздними детьми, свидетельством если не страстной привязанности Свейна к супруге, то его нескончаемой мужской силы. Милдрэд, дочь Гарольда, родила ему одиннадцать детей, из которых семеро сыновей выжили. К тому же говорили, что отец обрюхатил немало крестьянок в окрестностях и даже имел связи с женами йоменов¹⁴, совращал их дочерей. Так что в округе нередко встречались дети, похожие на тана из рода, носящего прозвище Армстронгов¹⁵.

Мать безропотно сносила все. Все свои силы и нежность она отдала этому смутьяну, что как вихрь ворвался в ее жизнь и увез из каменной башни ее родни на Севере, где она тихо жила со своей матерью, возлюбленной Гарольда, Эдит Лебединой Шеей. Она тосковала о прежней жизни, но никогда не жаловалась. Зато мы с Этельстаном с младенчества наслушались рассказов об огромной каменной башне ее родни, поэтому неудивительно, что оба мечтали построить для матери такую же. И теперь я знал, что в мое отсутствие брат сделал все, чтобы воплотить в жизнь ее старую мечту.

С отцом у меня всегда были сложные отношения. Младшие – я и Этельстан – были любимцами матери, но отец проводил все время со старшими. Двое братьев, что остались при нем, выросли такими же, как и отец, дебоширами и смутьянами, но все одно он их любил, а нас, малышей, не замечал. Когда я подрос, все во мне словно взбунтовалось: я стал дерзок с отцом, неуживчив, груб. Возможно, я таким образом хотел привлечь его внимание, а может, не мог простить его пренебрежения к матери, его измен ей. Так или иначе, но Свейн решил, что я паршивая овца в стаде, и меня изъяли из семьи, отправив в монастырь Святого Эдмунда в Бери.

В обители я научился бегло говорить по-нормандски, научился письму, арифметике, латыни и истории. Я стал одним из лучших учеников и мог бы возвыситься, если бы наставником послушников не оказался столь непримиримый противник саксов, как брат Ансельм. Он ненавидел саксов, и каждая моя удача приводила его в ярость. Словно саксу непозволительно хоть чем-то превосходить норманнов. Да и послушником я был не из примерных, что и говорить. Меня томила рутина монастырских будней, мне будто не хватало воздуха за стенами монастыря. Я мечтал о других странах, о путешествиях. И вот однажды, не вынеся очередного издевательства брата Ансельма, я решил наказать его. Уже рассказывал как. И сами поймите, что после подобного я не мог оставаться в Бери-Сент.

Так я стал беглецом. Однако мне вскоре повезло. Молодой граф Мортэн нуждался в писце, я устроился к нему на службу, со временем стал его секретарем, а позднее – оруженосцем. Вместе со Стефаном я переехал в Нормандию, где мог чувствовать себя в полной безопасности, не боясь, что меня узнают и вернут в монастырь.

Уже в Нормандии я стал постигать все науки, полагающиеся юноше из хорошего рода: верховую езду, владение оружием, стрельбу из лука, плавание, сложение стихов и игру в шахматы. И еще я учился манерам, нормандским куртуазным манерам, которые так презирались и высмеивались в доме моего отца, но которые я считал вполне достойными подражания и отве-

¹⁴ Йомены – свободные крестьяне-общинники.

¹⁵ Армстронг – по-старосаксонски – Сильная Рука.

чавшими высокому духу рыцарства. Рыцарем же я страстно хотел стать. А так как Стефан не спешил с моим посвящением, я решил, что пора оставить службу у него.

Я уехал. Это случилось через год после того, как утонули на «Белом Корабле» мои братья-близнецы. Тогда же я в последний раз имел известия из дома. Там все было по-старому: один из оставшихся братьев угодил за дебош в Нориджскую крепость, а отец со следующим из братьев собирает едва ли не ополчение, дабы вызволить его оттуда. Уже тогда я подумал, что добром это не кончится. Но помочь им было нечем, оставалось надеяться на благополучный исход. Я отправил послание матери, сообщив о себе и дав обещание писать всякий раз, когда представится возможность.

И сдержал слово: писал ей из Парижа и Клермона, из Тулузы и Наварры, даже из Кастилии, где впервые скрестил меч с неверными и сама правительница Уррака¹⁶ заявила, что я достоин носить цепь и шпоры рыцаря. Затем я отбыл в Святую землю, где надел белый плащ с крестом.

В Иерусалиме я получил последнее письмо от брата Этельстана. Скорбное письмо, в котором он извещал меня о смерти матери и о том, что один из братьев зачах в застенке, а другой бесславно пал в пьяной потасовке. Отец же притих после навалившихся на него бедствий, словно потеряв силы в борьбе. А на Этельстане лежит теперь все хозяйство, но мой братишка справляется и даже надеется поднакопить денег и исполнить мечту нашей матери – построить каменный замок. Тогда сердце мое невольно затрепетало. Замок! Замок Армстронгов в Норфолкшире!

Я заставил себя не думать об этом. У меня была своя жизнь, свои заботы и волнения. Я и не подозревал, что мне предстоит вернуться. Пока не получил письмо от некой леди Риган из Незерби.

* * *

Риган – старое британское имя, еще с тех времен, когда нога завоевателей не ступала на землю Англии. Но при дворе в Руане Бэртрада называла вдову моего младшего брата Ригиной де Шампер, что звучит уже по-нормандски. Я даже подивился, что мой непримиримый отец взял в дом невестку-нормандку.

Я навел справки, и вот что выяснилось. Когда из семерых сыновей Свейна Армстронга остались в живых только я и младший, тихоня Этельстан, он уже на многое смотрел иначе. И признал выбор сына. Леди Ригина была англо-нормандкой из родовитой семьи с запада Англии, откуда-то из Шропшира. Она и ее младший брат Ги де Шампер, будучи сиротами, воспитывались при дворе Генриха Боклерка. О Ги при дворе мало говорили, так как он уехал, едва повзрослев. А Ригина стала фрейлиной при Матильде. Она входила в ее свиту и когда Матильда была императрицей германцев, и когда вернулась и вышла замуж за Жоффруа Анжуйского. А потом Ригина де Шампер встретила с Этельстаном Армстронгом, вышла за него и стала называться Риган из Незерби – по-видимому, чтобы не злить свекра своим нормандским именем.

Обо всем этом мне поведал в Тэтфорде хорошо знавший мою семью старый епископ Радульф в тот день, когда я посетил усыпальницу Армстронгов. Я помолился над прахом отца и братьев – умерших, казненных, сгинувших в заточении от истощения и болезни. Мать же моя покоилась в ином месте – в небольшом монастыре Святой Хильды, которому покровительствовала при жизни. Следовало бы съездить и туда, но поначалу мне необходимо посетить вотчину родителей. Епископ Радульф с похвалой отзывался о том, как ведет дела усадьбы вдовствующая леди Риган, но мой долг – как можно быстрее вступить во владение наследственными

¹⁶ Уррака – королева Кастилии (1095–1126).

землями. Сейчас они ничьи, так как бездетная вдова Этельстана по закону не имеет на них прав, и если в течение короткого времени не объявятся наследники, то, согласно завещанию отца, земли Армстронгов должны отойти аббатству Бери-Сент-Эдмундс. Неудивительно, что аббат Ансельм был так недоволен моим возвращением.

Земли, власть, богатство – дают огромную силу. И я, новый шериф Норфолка и зять короля, как никто понимал это. Поэтому и был возмущен последней волей Свейна. У меня было ощущение, что отец хотел этим меня обделить, и прежняя обида на него всколыхнулась с новой силой. Но это был грех, ибо известно, что *de mortuis aut bene aut nihil*¹⁷. И я трижды прочел над могильной плитой «*De profundis*»¹⁸ и дал слово, что когда у меня родится сын, я назову его Свейн – в честь деда.

Однако мне пришлось задержаться в Тэтфорде еще на два дня, чтобы по долгу моей новой службы ознакомиться с положением дел в графстве.

Как меня и предупреждали, в Норфолкшире сильна была власть церковников. Аббат Бери-Сент Ансельм, Радульф Тэтфордский, епископ Нориджский и молодой епископ Найджел Илийский являлись самыми богатыми представителями знати в Восточной Англии. Имелось и несколько родовитых нормандских семейств – д'Обиньи, де Клары, де Варрены, но их уголья были разбросаны по всему графству. Основную же массу населения, если не брать в расчет владельцев небольших усадеб, составляли фермеры и крепостные. Имелись и рабы, но число их было невелико, и жили они большей частью в усадьбах и бургах, выполняя обязанности домашней прислуги. Единственное, что показалось мне странным, – малочисленность саксонской знати.

Епископ Радульф ответил на мой недоуменный вопрос:

– Этот край в свое время сильно был наказан за мятежи. Большинство саксонской знати уничтожили, но те, что остались... Видит Бог, я не знаю, чего от них ожидать. Саксы – это всегда готовый взяться за оружие люд. А вы, Армстронг, вы их племени, вы – потомок их королей. Едва вы появитесь, они сочтут вас новым вождем. И тогда опять прольется кровь.

Я постарался успокоить старичка епископа, но он явно побаивался меня и моего нового могущества. А когда услышал, что я получил разрешение на постройку замка, и вовсе приуныл. Похоже, он решил, что я собираюсь возвести цитадель, откуда саксы начнут совершать набеги, и довольно нелюбезно заметил:

– Я был против и тогда, когда Этельстан Армстронг начал возводить Гронвуд.

– Гронвуд?

Я знал, что некогда это было наше имение, конфискованное после мятежа отца. Выходило, что его вернули?

Епископ Радульф взялся пояснить.

– Леди Риган не была бедной невестой, когда Этельстан женился на ней. И она выкупила эту землю для мужа, внося в род в качестве приданого. Так что Гронвуд теперь у Армстронгов. Если она, конечно, не пожелает его вернуть.

Вернуть? По закону она имела право забрать назад свою брачную долю, но такой оборот меня никак не устраивал. Лучшего места, чем Гронвуд, для постройки крепости нельзя было и пожелать. Имение находилось на возвышенности, расположенной в стороне от заболоченных низин фэнов¹⁹, на берегу живописной реки Уисси. К тому же недалеко от Гронвуда начинались леса – прекрасный стройматериал. И если вдова брата не уступит мне Гронвуд по сходной цене...

¹⁷ О мертвых следует говорить или хорошо, или ничего (*лат.*).

¹⁸ «Из глубины» – название и начало католической покаянной молитвы.

¹⁹ Фэны – низинные заливные пространства на востоке Англии.

Про себя я решил, что женщина, сумевшая ужиться с моим отцом и женить на себе юношу, моложе себя на семь лет, – не иначе как хитрая бестия. И мне нелегко будет ее уломать.

Мы встретились, когда я на другой день прибыл в бург Незерби. Конечно, саксонский бург не мог произвести впечатление на человека, который видел каменные громады Моавского Крака, Сафарда и Крак де Монреаль²⁰. И все же Незерби выглядел внушительно. Усадьбу окружал частокол из заостренных бревен, а ворота охраняла бревенчатая дозорная вышка. Далее виднелись крытые тростником кровли с вырезанными еще по датскому обычаю головами драконов на стыках. Усадьба Незерби была замечательна не своей архитектурой, а размерами. Частоколы охватывали значительное пространство с несколькими дворами и хозяйственными постройками.

Первыми нас заметили женщины, возвращавшиеся от реки с корзинами белья. Побросав свои корзины, они бегом кинулись к воротам, громко крича. И тут же прозвучал звук рога, крики, целая толпа слуг выбежала навстречу.

Мы миновали перекинутый через ров мост, проскакали под аркой деревянной башни и остановились во дворе, где раздался хор приветствий. Я узнавал кое-кого из челяди, но большинство были незнакомые мне лица. Что не мешало им орать и радостно приветствовать меня по старой саксонской традиции, уходящей еще в древние патриархальные времена, когда господин и его люди жили одной семьей.

Я заметил Пенду, пробиравшегося ко мне сквозь толпу. Как ни в чем не бывало, он с ходу заговорил о делах: товары распакованы и прибраны, лошадям отведены лучшие стойла, а всем остальным распорядилась леди Риган.

– Она толковая девка, – лаконично закончил свою речь мой верный спутник, а высшей похвалы женщине он не мог и подыскать.

«Толковая девка», как и положено хозяйке, стояла на крыльце дома. Вид у нее был такой, словно она вот-вот лишится чувств. Но пока я спешивался и шел через двор, женщина уже взяла себя в руки, даже выдавила некое подобие улыбки.

«Как она некрасива», – было первой моей мыслью. А второй: «Как элегантна».

Вдова моего младшего брата оказалась низенькой коренастой толстушкой. Лицо круглое, с грубыми, почти мужскими чертами, кожа пористая, с нездоровым жирным блеском. Хороши были только глаза – выразительные, темно-карие, почти черные. И одевалась она с изяществом дамы, привыкшей жить при дворе. Траурные тона ее вдовьего одеяния оттеняла шапочка из белого полотна, плотно облегавшая щеки и подбородок, поверх которой было накинуто покрывало из мягкой черной шерсти, крупными складками ложившееся на плечи и спускавшееся почти до земли. Леди Риган выглядела скорее как саксонка, но при этом и как дама самых благородных кровей.

Приняв у служанки окованный серебром рог, она с поклоном протянула его мне.

– За ваше возвращение домой, сэра Эдгар.

Чтобы показать, что вино не отравлено, она первой сделала глоток. Я же с удовольствием допил родной пенный эль и проследовал в дом. Всю его центральную часть занимал обширный зал. Пол был глинобитный, посередине располагались два больших открытых очага на каменных подиумах. В них горел огонь, дым поднимался к открытым наверху отдушинам. Сам зал был такой ширины, что поперечные балки подпирались резными столбами – это создавало впечатление, словно мы в храме. На стенах под скатами кровли располагался ряд окон, закрытых сейчас ставнями, как и полагалось в холодное время. Вдоль них шли галереи на подпорах, на которые выводили двери из боковых покоев и спален.

Здесь уже все приготовили к моему приезду. Столешницы сняли со стен и установили на козлах. Главный – «верхний» стол помещался на небольшом возвышении в центре и был

²⁰ Большие рыцарские крепости в Палестине.

накрыт скатертью, за ним виднелось кресло хозяина поместья – я тотчас узнал любимое отцовское, с высокой округлой спинкой. На стене за ним распластался красно-черный ковер из тех, что я привез с Востока.

Леди Риган проследила за моим взглядом и, похоже, смутилась.

– Я не имела права вешать его здесь без вашего позволения. Но когда я распаковывала товары, то решила, что там ему будет самое место – и от копоти очагов далеко, и как раз на виду. Но если вы прикажете убрать, я выполню вашу волю.

Я поблагодарил ее, заметив, что и сам распорядился бы так же. Эта вдова, не родившая ребенка, чувствовала себя лишней в доме, куда вернулся его настоящий хозяин. По саксонскому обычаю я должен был выделить ей ее вдовью часть наследства, по нормандскому – только вернуть приданое. Но свое приданое она превратила в Гронвуд, и я не знал, как мне заговорить об этом.

Риган вела себя несколько нервно – то начинала привычно распоряжаться, то вдруг принималась спрашивать моего разрешения на все подряд. Узнав, что я хочу обмыться с дороги, она тут же отвела меня в боковой придел дома, где уже была приготовлена лохань, а на огне грелись котлы с водой. По традиции хозяйка дома мыла гостя. Но я был и гость, и хозяин, а она госпожа, оказавшаяся в роли приживалки. Поэтому мы не знали, как себя вести, пока я в конце концов не разделся и не сел в лохань. И тут заметил, что Риган стоит в углу, прижав к себе кувшин. Она так глядела на меня, что я смутился. И скрыл смущение за скабрёзной усмешкой.

– Что, вам есть на что поглядеть, миледи?

Это было грубо и зло. Риган залилась краской.

– Я просто... – она набрала в грудь побольше воздуха. – Я никогда не видела такого сильного мужчину.

Она добавила в лохань ароматной воды и, не глядя на меня, стала намыливать ветошь.

– Вы очень похожи лицом с Этельстаном, сэр, – негромко заговорила она через минуту. – Когда вы только въехали во двор и сняли шлем, мне даже плохо стало, так вы похожи. Но он всегда был таким мальчиком, мой милый муж... – совсем тихо закончила она.

Я молчал. Сам помнил, что Этельстан был слабым и болезненным. Риган же была крепкой, здоровой женщиной. Почему же она не понесла от него?

– Сколько лет вы прожили с моим братом?

– Три года. И это были лучшие годы в моей жизни.

И это говорила женщина, проведшая жизнь при дворе знатных особ и, по слухам, наперсница и подруга императрицы Матильды. Выходит, все это ничего не значит по сравнению с жизнью в старом бургге вместе с больным мужем и ворчливым свекром.

Но все же я был циником, и в голову полезли всякие подозрения: я походил на Этельстана, но я здоров, крепок, я стал хозяином в усадьбе, которую она три года считала своей. А у норманнов есть обычай, по которому один из братьев умершего должен жениться на его вдове, если не хочет, чтобы ее приданое или вдовья часть ушли из семьи. Не рассчитывает ли на это Риган? И чтобы расставить все по местам, я сказал, что помолвлен с единокровной сестрой ее бывлой госпожи, Бэртрадой.

Леди Риган особо не удивилась, но в ее голосе прозвучала некая насмешка:

– О, эта принцесса... Все говорили, что она отменная мастерица вышивать гобелены.

– И это все, что вы можете сказать?

– А зачем? Не я же женюсь на ней.

– Но, похоже, вы не одобряете мой выбор?

– При чем тут мое мнение? Но что для Армстронгов великая честь породниться со своим королем – это бесспорно.

Она насухо вытерла мне голову, дала простыню для растирания и вышла. И все же у меня сложилось мнение, что она что-то недоговаривает.

Вечером я восседал во главе стола и поедал приготовленные в честь моего возвращения яства. Чего тут только не было: норфолкская копченая сельдь, форель, тушенная в белом вине с укропом и тмином, жареные карпы, нежно-розовая лососина, пироги с устрицами из залива Уош. Были и густые каши с сушеными фруктами, гороховое пюре, маринованные грибы. Прекрасен был и десерт – коврижки с орехами, большое блюдо печеных яблок, залитых горячим медом, всевозможные коржи, печенье с цукатами. А напитки – сидр, вино, пенный темный эль, домашние настойки из фруктов на травах.

Я был доволен и не скрывал этого. Я беседовал со старыми слугами, помнившими меня еще ребенком, шутил с молоденькими служанками, хлопал по плечам крепких парней-челядинцев. Возможно, кто-то осудил бы меня за то, что я так запросто держался с челядью. Но я сакс, а у нас принято, чтобы слуги не только почитали, но и любили своего господина, и я не желал ничего менять в старом порядке.

* * *

Прежде чем принять обязанности шерифа графства, я хотел немного передохнуть, осмотреться и уделить время хозяйству. Моего отца всегда утомляло это занятие, и дела он вел из рук вон плохо. Однако мой брат был куда более рачительным хозяином, и имение оказалось в лучшем состоянии, чем я рассчитывал. К тому же у брата имелась прекрасная помощница в лице супруги. Я понял это, когда она принесла свитки записей по хозяйству. Дела содержались в полном порядке. Здесь приводились цифры доходов и расходов, сведения, сколько бушелей²¹ проса, пшеницы и ржи собрано, сколько семян отложено и где продавались излишки. Были и записи о доходах от продажи льна и шерсти, отмечалось, что закуплено на рынках и что хранится в кладовых.

Поначалу Риган отнеслась к моему желанию вникнуть во все с некоторым предубеждением, словно я вмешивался в то, что она считала своей прерогативой. Но постепенно мы договорились, наше общение стало более непринужденным.

Я поделился с леди Риган своими планами начать сеять с осени бобы и горох и ввести четырехпольную систему; затем следовало бы вместо старых водяных мельниц возвести ветряные, по образцу виденных мною на Востоке – на равнинных землях Норфолкшира они будут прекрасно работать. Да и с пахотой на быках пора покончить – с тех пор как в Нормандии появились хомуты, лошади уже не так надрываются на грудном ремне. Риган внимательно выслушивала меня, давала дельные советы. Однако меня по-прежнему волновал вопрос о гронвудских землях и о том, как она намерена ими распорядиться. Я узнал, что Этельстан уже приступил к возведению замка, причем сделал немало, и мне не терпелось отправиться туда, чтобы увидеть все воочию.

Риган сама заговорила со мной о поездке в Гронвуд. Это было несколько неожиданно, и я даже на мгновение растерялся.

Мы отправились туда светлым, по-весеннему мягким днем. Леди Риган ехала чуть впереди, указывая дорогу. Мы не взяли даже слуг, с нами был только Саймон-каменщик.

То, что мы увидели на Гронвудской возвышенности, меня поразило. Я и не ожидал, что Этельстан окажется столь деятельным и так много успеет. Прежде всего я увидел земляной вал, выглядевший так, словно был насыпан совсем недавно. Мы двигались вдоль него, пока среди длинной рукотворной насыпи не обнаружили проход. За возвышенностью оказался ров, наполненный водой от протекавшей рядом реки Уисси. Вал и ров замыкали в себе весьма внушительное пространство, а на внутреннем берегу рва уже на два-три фута поднялась кладка крепостной стены. Судя по толщине ее основания, стену рассчитывали возвести очень высо-

²¹ Бушель – мера сыпучих тел. Старый бушель равен 35,5 литра.

кой. Когда я проехал за нее, то увидел огромную яму – котлован под донжон²², шестиугольной формы, как и принято в Норфолке. У меня захватило дух от размаха, с которым действовал мой хилый младший братишка.

Однако вся эта поражающая воображение работа с кончиной Этельстана остановилась. Неподалеку виднелось несколько сараев, где, очевидно, мастеровые хранили инструменты, штабеля строительного леса и камня – светлого известняка, который не темнеет даже от времени.

Я не мог сдержать восхищения. Я обещал королю, что смогу возвести замок для его дочери за три года. Этельстан подарил мне целый год.

Место стройки неплохо охранялось. Стражники, торчавшие на холме, при нашем появлении схватились было за копья, но, заметив леди Риган, успокоились и принялись наблюдать за нами издали. Не было видно только строителей.

Саймон все это время следовал за мной, и его глаза под темными кольцами волос горели, как уголья. Перехватив мой взгляд, он восхищенно присвистнул.

– Клянусь венцом терновым, сэръ! Это великолепно! Когда мы приступим?

– А с чего бы ты начал?

Он стал серьезен.

– Яма для фундамента начала осыпаться. Нужно подправить.

– Что ж, я пришлю тебе в помощь всех своих крепостных. А ты уж проследи, чтобы работа была спешной и все выровняли до начала посевных работ. Не хочу отрывать людей от земли, если, конечно, среди них не найдутся такие, которые захотят подработать на строительстве. А в городе надо будет нанять самых опытных рабочих.

Мы спешили и отпустили лошадей. Саймон перечислял: потребуется столько-то камня, столько-то леса, столько-то строителей. Он считал, что заготовленного сейчас строительного материала вполне хватит на первых порах. Но мне придется проследить, чтобы поставка материалов осуществлялась постоянно. Где мы будем добывать камень? В самом Норфолке не было каменоломен, так что придется его покупать по рыночной цене в Нортгемптоне. А это дорого, очень дорого, но я буду из кожи лезть, чтобы справиться. Орденская наука заключать сделки не прошла даром.

В какой-то миг я увидел Риган. Она стояла недалеко от нас, слушала, и по ее лицу текли слезы. Я осекся. Как же мы смело взялись распоряжаться тем, что мне еще не принадлежало.

Почувствовав мой взгляд, женщина двинулась прочь. Один из охранников подвел к ней лошадь и придерживал стремя, пока она садилась. Я бросился было следом, окликнул, но она сделала жест, требуя, чтобы ее оставили в одиночестве.

Стражник, похоже, решил, что это я ее обидел, и довольно грубо спросил, какое у меня дело к леди Риган? Саксы – никакого раболепия. Но свою госпожу-нормандку явно любили.

– Как тебя зовут, солдат? – спросил я.

Хмурый небритый воин смотрел исподлобья.

– Утрэд сын Цедрика, сэръ.

– Ты славный парень, Утрэд. И можешь узнать, что я не причинил твоей хозяйке никакой обиды. Разве тебе неизвестно, кто я такой?.. Тогда покажи все тут.

В Незерби я вернулся поздно. Риган была в ткацкой. Когда я вошел, она работала за станком, но тут же велела одной из прислужниц принести мне поесть. Я сел у стены с миской на коленях, отослав прислугу.

– Нам надо поговорить, Риган, – сказал я через время. Я нарочито обратился к ней только по имени, как к родственнице. Видел, как челнок на миг замер у нее в руках, но потом она продолжила работу.

²² Донжон – главная башня замка, служившая жилищем для владельцев, а также последним рубежом обороны.

– Вам нечего опасаться меня, сэра Эдгар. Я не собираюсь предъявлять свои права на Гронвуд. Думаю, меня устроит любая другая откупная, скажем, вы отпишете мне доход с трех мельниц за несколько лет, и это окупит мою вдовью часть. Я же вскоре уеду.

Какое-то время мы молчали и она по-прежнему двигала челнок по нитям, натянутым на раму станка.

– Тебе будет горько потерять Гронвуд? – спросил я немного погодя.

– Было бы горько, если бы я не увидела... не поняла, что вы хотите сделать то, что и Этельстан. Замок был целью его жизни. Это было как исполнение обета. Признаюсь – я даже ревновала мужа к Гронвуду. Но и умирая, мой муж без конца сокрушался, что сделал так мало.

– Он сделал очень много, Риган.

– Да. Но сам он так не считал. А сегодня, когда вы были там... Я ведь видела в вас тот же огонь, то же желание, что и в моем бедном супруге – упокой, Господи, его душу. И я хочу, чтобы Гронвуд остался у вас, в семье Армстронгов.

Я ошутил потаенный стыд. Эта женщина была даже более член семьи, чем я – пришелец со своими честолюбивыми устремлениями.

– Я построю этот замок, Риган. Такой замок, какого еще не видели в здешних краях. И он будет достоин памяти Этельстана Армстронга.

Она чуть улыбнулась.

– Только вот я его уже не увижу.

– Но обязательно ли тебе уезжать? Какие у тебя планы?

– Я поеду домой, в Шропшир. Там я поступлю в обитель Девы Марии Шруйсберийской, как когда-то решила, еще до замужества. У меня в Шропшире три больших поместья – Тависток, Круэл и Орнейль. Доходы с них станут моим вкладом при поступлении в монастырь.

Название своих земель она произнесла с гордостью, сделав особое ударение на последнем, видимо, самом значительном. Я тоже невольно обратил внимание на звучание этого названия – Орнейль. Оно мне было словно бы знакомо. Но тогда я не придавал этому значения.

– Почему ты хочешь уйти от мира, Риган? Ты ведь не старая, сильная женщина, и ты еще можешь выйти замуж, завести семью.

Она негромко засмеялась.

– Я уже исчерпала отведенный мне запас любви и счастья и на меньшее не польщусь никогда. Что же до монашества... Я никогда не была красавицей и всегда знала, что однажды приму постриг. Это было обдуманное решение. Я не хотела замуж, зная, что муж не будет нежен с такой дурнушкой, как я. А у меня достаточно гордости, чтобы не отдавать всю себя тому, для кого я буду обязательным, но неприятным дополнением к моему приданому. Поэтому, хоть я и выросла при королевском дворе и люблю мир с его роскошью, страстями и грехами, я знала свою дальнейшую судьбу – однажды я покину все это и стану монахиней. И видит Бог, я не считаю это для себя жертвой. Я ведь очень честолюбивая женщина, сэра, и монашій клобук виделся мне лишь первой ступенью к дальнейшему возвышению. Я расчетлива и знаю, что такой вклад, как доход с моих маноров²³, моя нормандская кровь и мое знакомство и дружба с Матильдой Английской – хорошее подспорье, чтобы однажды стать аббатисой. А аббатисой я хотела стать всегда. Ведь это единственная возможная карьера для женщины благородного происхождения. Аббатиса по силе и могуществу – это тот же лорд-земледелец. Она управляет землями, поместьями, деревнями, рыцарями; она по своему усмотрению взимает арендную плату и заключает торговые сделки, судит своих подданных и отдает приказы. Она имеет неограниченную власть, живет в богатстве и никому, кроме епископа, не подчиняется.

– А как же мысли о божественном? – иронично спросил я.

Риган серьезно поглядела на меня.

²³ Манор – феодальная вотчина в средневековой Англии.

– Если я смогу править и делать добро людям – это ли не наивысшее служение Господу здесь, на земле?

Да, она была права в выборе своей стези. А не прав был я, когда подозревал в ней расчет заменить мной Этельстана. Она мудрая женщина и понимает, что если брак и сделка, то скорее для мужчины, который ищет в супружестве удобства и выгоды. Женщине же в семье нужны любовь и нежность. А Риган уже получила это, живя с моим братом.

Я встал и подбросил дров в очаг.

– У меня есть к тебе просьба, сестрица, – я впервые назвал ее так, и она улыбнулась.

Я обеими руками откинул за плечи свои отросшие волосы – они выгорели едва не до белизны и уже покрывали лопатки.

– Я не могу являться перед знатью с рескриптом о моем назначении шерифом, продолжая носить эту гриву крестonosца. Окажи мне любезность – остриги ее.

Только очень близкой женщине мужчина мог позволить остричь себе волосы. И Риган смутилась.

– Ты сакс, а они не стригутся по-нормандски. Многие из твоих соплеменников не одобряют этого.

Я пожал плечами.

– Я не сакс и не норманн, я – англичанин, ибо сам себя считаю таковым. Все, чего я хочу, – чтобы саксы и норманны уважали друг друга, живя в мире.

– Дай-то Бог, – вздохнула Риган, вставая.

Она сходила за ножницами, велела подсесть поближе к огню и накинула мне холстину на плечи. У нее были нежные руки, а ножницы слегка щекотали мне волосы, и я поеживался и смеялся, когда они касались затылка. Риган тоже смеялась. Воистину брат с сестрой – ничего не скажешь.

Покончив со стрижкой, славная женщина принесла мне бадейку с водой, чтобы я мог поглядеть на свое отражение. И когда вода в бадье успокоилась, я смог разглядеть себя.

– Клянусь могилой Святого Петра – я помолодел лет на десять.

Я видел в воде смуглое удлиненное лицо, какое и узнавал, и не узнавал. Лишь кое-где в волосах, словно преждевременная седина, оставались светлые пряди. Надо лбом волосы лежали естественной плавной волной, а за ушами и сзади были коротко обрезаны. От этого шея выглядела мощнее, резче обозначились линии подбородка и скул. Теперь я выглядел как настоящий норманн.

Оглянувшись, я увидел, как Риган, тщательно собрав остриженные волосы, стряхивает их с холстины в огонь. Вид у нее был довольный и такой домашний. Я ощутил нежность к ней. Она – единственная моя родня, единственный человек, который ждал меня дома.

– Сестрица, – обратился я к ней. – Пожалуй, тебе не следует так спешить с отъездом. Ты нужна мне.

Большой глупости и сказать было нельзя. Леди Риган выронила холст и подалась назад. Я вскочил.

– О нет! Я совсем не то имел в виду.

Она глядела на меня как-то странно, и я поспешил пояснить.

– Видишь ли... Леди Бэртрада не приедет ко мне целый год, даже полтора года. Я все это время буду занят делами графства, а здесь... Я бы хотел, чтобы ты осталась в Незерби, чтобы я чувствовал, что у меня есть семья, дом, куда я могу приехать. Мне это очень важно, Риган. И я прошу тебя остаться как сестру, как друга.

Риган подняла выпавшую холстину, и я с облегчением увидел, что она улыбается.

– Я еще ни одному мужчине не была другом. Что ж, это даже интересно. К тому же я хочу видеть, как растет Гронвуд. Но я останусь с одним условием.

Она перестала улыбаться.

– Ты отпустишь меня, Эдгар, как только Бэртрада Нормандская войдет хозяйкой в твой дом.

* * *

По пути из Святой земли я порой думал, что дома мне будет тоскливо. Скука – вот чего я никогда не мог переносить. Однако я не мог и предположить, что с прибытием в Англию меня так захлестнут дела.

Во-первых, я вступил в должность шерифа, и уже одно это стало отнимать у меня львиную долю времени. Мне пришлось разобраться в судебных исках, коих накопилось немало. Хорошо уже, что не было убийств и разбойных нападений, и мне не пришлось начинать свое правление с казней. Мелкие же правонарушения в основном были связаны с земельными вопросами или имуществом: то йомены пытались передвинуть границу участка, чтобы расширить свою территорию за счет соседей, то мельник обманывал доверчивых крестьян, то какой-то работник украл мешок зерна у хозяина – за все это я наказывал штрафами. Случались и ссоры между соседями, от кого-то сбежала жена, и прочее, прочее... Занимался я и делами купеческих гильдий, вводил новые постановления, назначал новых смотрителей в королевские заповедники, налаживал связи с заносчивым местным духовенством. Приходилось немало сил и средств из казны графства выделять на ремонт старых дамб на побережье, дабы воды Северного моря не хлынули на низинные земли.

К Пасхе я отправил в Лондон свой первый отчет о положении в графстве и приступил к подготовке рыцарского ополчения. Необходимо было определить число рыцарей в Норфолке, сколько своих людей они могут поставить в строй, в каком состоянии их вооружение. Дела затягивали, но я никогда не пренебрегал возможностью заехать на стройку в Гронвуд.

Строительная площадка всегда выглядела гудящим ульем. Завершив основание донжона, мастеровые приступили к рытью ям для фундаментов угловых башен. Саймон соорудил несколько механизмов, что позволяло уменьшить количество наемных работников. Берег реки Уисси был весь завален бревнами, которые сплавляли лесорубы, и глыбами известняка, доставляемого сюда из каменоломен Нортгемптона.

Моя собственная казна несла ощутимые расходы, однако подспорьем мне служила торговля восточными товарами, а должность шерифа давала достаточно средств, чтобы я мог позволить покупать себе лучшие материалы. Недешево обходились и перевозки, в особенности после того как выяснилось, что многие землевладельцы завидуют моему богатству и не дают разрешения везти грузы прямым путем через свои владения. Окольные пути намного увеличивали затраты.

Особой алчностью отличались монастыри, но даже среди них выделялось аббатство Бери-Сент-Эдмундс. Расположенное в Саффолке, оно имело ряд владений в западном Норфолке. И теперь аббат Ансельм норовил содрать с меня три шкуры за проезд по своей земле, а содрав, удовлетворенно потирал руки, подсчитывая мои убытки.

Но было в этих поездках кружным путем нечто, примирявшее меня с жадностью танов и священнослужителей. Сопровождая караваны с камнем, я всегда мог свернуть в крохотный монастырь Святой Хильды, где покоилась моя матушка. Я подолгу простаивал на коленях у ее могилы и всегда оставлял пожертвования, чтобы сестры-бenedиктинки почаще молились за упокой ее души.

После монастырской тишины всегда приятно окунуться в кипучую деятельность. Вдобавок я открыл, что мне нравится ощущение власти. И странное дело – я стал испытывать какую-то особую нежность к той, что дала мне эту власть, – к Бэртраде Нормандской. Я даже затосковал о ней, слал ей куртуазные послания и богатые подарки. Конечно, несмотря на мою возраставшую нежность к невесте, я не ограничивал себя в общении с женщинами. У меня случилось

несколько легких романов, и я завел пару постоянных любовниц, с которыми коротал время, когда позволяли дела. Причем я только диву давался, до чего же не приучены наши женщины к ласке. Я словно открывал для них мир постельных утех. То искусство нежной страсти, которое я познал на Востоке, оставалось тут неведомо, и мне было отрадно будить страсть в холодных телах северянок. Однако все это была лишь игра в любовь, – я не требовал от этих женщин ответного чувства, я любил их тела, но не желал затрагивать душ. Ибо я ждал Бэртраду. Я хотел быть достойным ее, хотел стать графом. Его милость Эдгар граф Норфолк – это звучало великолепно!

Но дела снова звали меня, и я отправлялся в путь. Эти земли только начинали оживать после мятежей и войн. Норманнов тут встретили сурово, и саксы жестоко поплатились за это. До сих пор тут и там виднелись развалины старых саксонских бургов, наполовину заросшие травой и ежевикой. Однажды я издали видел знаменитую кремневую башню вождя саксов Хэрварда Вейка. Саксы гордились его памятью, но я дал себе слово, что, пока я у власти, не позволю раздорам вновь принести смерть и разруху в Норфолк.

Как я вскоре понял, это совсем не просто.

Самые упрямые из саксов продолжали воспитывать сыновей в старых традициях. Они не признавали никаких нововведений, гордились былой славой и мечтали возродить прежние обычаи и свободы. И на меня, как на оказавшегося у власти сакса, они имели определенные виды.

Кое-кто из старой саксонской знати навещал меня во время моих наездов в Незерби. Смотрелись они живописно, однако мне, побывавшему при многих дворах Европы, казались дикими: в меховых накидках, с множеством золотых украшений, в еще дедовских длинных туниках с вышитыми полуязыческими символами. Часто они ходили голоногими, в грубых башмаках, с оплетавшими голени крест-накрест ремнями. Они носили длинные бороды и гривы волос, стянутых вокруг чела чеканными обручами наподобие корон. Я, в своей нормандской одежде, казался иноземцем среди них. Но я соблюдал старые обычаи и принимал их, как и положено высокородному эрлу²⁴. Подавал им чашу дружбы, первым делал глоток, дабы гости удостоверились, что вино не отравлено, а потом ее пускали по кругу, отпивали по глотку, клянясь друг другу в вечной дружбе.

Риган всегда знала, что делать. Стол накрывали обильно, но без затей, никаких изысканных блюд, а все по старинке – огромные обжаренные телячьи ноги, норфолкская кровяная колбаса, свиные отбивные. Все это была грубая, плохо перевариваемая еда, тяжелая для меня, принесшего с Востока привычку к небольшим порциям мяса со значительным добавлением овощей. Но мои гости были довольны, хвалили меня за то, что я почитаю старые обычаи, хотя и попрекнули тем, что я стал шерифом у норманнов – герефой, как они называли меня на саксонский лад. И ворчали, что выслуживаюсь перед завоевателями.

– Но ведь меня назначил сам король, – возражал я. – А даже вы не можете отрицать, что Генрих Боклерк является помазанником Божьим.

Да, мои гости были саксами старой закалки – из тех, кто и спустя годы не смирился с поражением Гарольда Годвинсона, а только и ждет случая схватиться за меч и сразиться с врагом – даже без надежды на победу. Возможно, в глубине души я и уважал их мужество, но куда сильнее меня раздражало их упрямство. Это были закоренелые смутьяны, но все же люди одного со мной племени. Они словно нарочно выставляли напоказ свою грубость, громко чавкали, пили так, что быстро пьянели, бросали кости под стол или в прислуживающих рабов, шумно рыгали и выпускали газы. Я знал их старые привычки – наесться до отвала и напиться до помутнения рассудка.

²⁴ Эрл – крупный магнат при саксах, по сути граф.

Главным и наиболее почитаемым из них считался Бранд сын Орма. Он был богаче остальных, и здравомыслия у него имелось побольше. Огромного роста, с буйной светлой шевелюрой и тучный до изумления. Его маленькие уши едва виднелись из-за толстых, всегда красных щек, а брюхо мешало пройти, когда все садились за стол. Говорил он глухим важным басом и очень гордился, что ведет род от данов, которые правили в Дэнло еще во времена короля Альфреда Великого.

– Мы испокон... веков владели... этой землей, – гордо произносил он, хотя его речь порой и прерывалась самой вульгарной икотой. – Ты, Эдгар Армстронг, ученый человек и наверняка знаешь... какими великими были англы... при старых королях. Так выпьем же за них!..

Рядом с Брандом сидел молодой Альрик из Ньюторпа. Толкая в бок своего деда Торкиля, сражавшегося еще в битве при Гастингсе, он уговаривал его поведать «о той славной битве».

С какой стати он называл ее славной, если саксы потерпели в ней поражение? Но я вежливо слушал: и о том, как саксы под командой Гарольда Годвинсона окопались на холме, и о том, как Вильгельм Ублюдок обманом выманил их оттуда, а нормандская конница обрушилась на героев, неся смерть и разрушение, и как пал в своей последней сече король Гарольд, когда вражеское копьё пронзило ему глазницу. Все это я знал наизусть, но почтительно внимал речам седого, как лунь, патриарха и вместе со всеми бил кубком о стол и выкрикивал славу Гарольду Годвинсону. А почему бы и нет? Гарольд был моим дедом по матери, да к тому же действительно одним из лучших саксонских королей.

Молодой Альрик указывал в мою сторону.

– Смотри, дедушка, вот сидит внук славного Гарольда Годвинсона.

Старый Торкиль ошеломленно таращил на меня выцветшие голубые глаза. Он был очень стар и порой плохо понимал, что творится вокруг. Но для саксов он служил живой реликвией, соратником Гарольда. Старик отлично помнил все, что происходило в дни его молодости, но новые вести забывал тотчас, как услышит. Поэтому он никак не мог взять в толк, отчего это Альрик величает меня внуком короля Гарольда, если я ни дать ни взять нормандский барон.

Сам Альрик мне нравился. Я знал его как рачительного хозяина, приветливого соседа и любящего мужа. В свои девятнадцать он уже шесть лет как был обвенчан с маленькой резвущей Элдрой. Жили они в дружбе и согласии, хотя детей Бог им не дал. Но люди говорили, что супруги еще достаточно молоды и успеют обзавестись целым выводком сыновей. Глядя сейчас на Альрика, я не понимал, что втянуло его в эту буйную компанию. По натуре он был мягок, да и внешность имел по-женски нежную – невысокого росточка, с золотистыми кудрявыми волосами, красивыми чертами лица, но весь в веснушках, выше всякой меры.

Но самым дерзким и опасным среди саксов был, конечно, Хорса из Фелинга. Хорса оказался моим ровесником, и мне трудно передать, что я почувствовал, когда увидел его впервые. Он поразительно походил на моего отца. Этот хищный ястребиный нос, эта манера чуть крикнуть рот в усмешке, эти залысины на высоком лбу. Я гнал от себя подобные мысли, зная, что мать Хорсы, леди Гунхильд, слывет очень достойной и почтенной женщиной, но со сходством ничего поделать нельзя. И выходило, что нас зачали почти в одно время.

Оттого-то Хорса и привлекал мое внимание. Сильный, плечистый, но жилистый и подвижный, он казался настоящим хищником. Даже в его чуть раскосых рыжих глазах проглядывало что-то от опасного животного.

Хорса был неплохо образован, а наши старые песни и сказания знал назубок. Он поднялся за столом, сжимал в руке окованный серебром рог и начинал декламировать:

Славный! Припомни,
наследник Хальфдана,
теперь, даритель,

когда я в битву
иду, о всемудрый,
что мне обещано:
коль скоро, конунг,
я жизнь утрачу,
тебя спасая,
ты не откажешься
от славы чести,
от долга, отчего
и будешь защитой
моим сподвижникам,
дружине верной,
коль скоро я сгину...²⁵

При этом Хорса выразительно глядел на меня. Да и не только он. Все они смотрели на меня горящими взорами, решив, что я должен стать новым Беовульфом²⁶, вести их в бой против нечисти – норманнов, и тогда они будут готовы отдать за меня жизнь. Что ж, это их мнение. Я не разубеждал их, но и не поддерживал. Просто слушал Хорсу, попивал эль, видел, как на глазах этих суровых заостренных варваров наворачиваются слезы.

– Ах, какие люди правили в старину! – вздыхал тучный Бранд, вытирая глаза огромными, похожими на клешни руками. – Беовульф и...

Я вмешивался, говорил, что в «Беовульфе» речь идет не об англичанах, что Гармунд, Оффа и Эормер – единственные саксы в поэме. Но Бранд только махал на меня руками. Хорса же не унимался.

– Белый дракон!²⁷ Постоим за старую добрую Англию! Помянем ее великих королей!

Я пил вместе со всеми. В голове у меня шумело, и я становился злым – верный признак, что пьян. Пока я хоть что-то соображал, я воздерживался от споров с этими помешанными на старине саксами. Но от эля, вин, меда словно сам черт тянул меня за язык.

– Помянем, помянем! – вскакивал я. – Клянусь кровью Господней, нам есть на кого равняться из прошлого: царствования Эгберта, Альфреда Великого и Этельстана и впрямь были славными. Но уж как разворовал Англию, валяясь в ногах у викингов, Этельред Неспособный! А Эдвард, прозванный Исповедником...

– Молчи, пес! – взрывался Хорса. – Наш Эдвард Исповедник был святой!

– И полнейшее ничтожество, замечу. Если бы он помнил о своем долге дать стране наследника, а не обещал трон то Вильгельму Нормандскому, то Гарольду Годвинсону – стала бы Англия яблоком раздора между саксами и норманнами?

Тут я коснулся запретного. Осквернил их главную святыню – память о прошлом величии. Но я был пьян, все вокруг плыло, хотя я и заметил, как сидевший у порога мой верный Пенда медленно положил руку на рукоять меча. Но саксы – не нормандские рыцари. Те за малейшее оскорбление готовы вызвать на поединок, хватаются за мечи. Саксы же в этом отношении не так скоры. В своем роде. Ибо если их гнев выплескивается через край, действуют по старинке. Иначе говоря, лезут в драку.

Так и вышло. Начал потасовку Хорса. Схватив кубок, он запустил им в меня, но промахнулся и угодил в благородного Бранда. Тут же сосед Хорсы заехал ему по уху за такое оскорб-

²⁵ Перевод В. Тихомирова.

²⁶ «Беовульф» – англосаксонская поэма, написанная в VIII в. Беовульф – главный герой поэмы, сражающийся с чудовищами и нечистью и правивший как король 50 лет – это время считалось периодом благоденствия и процветания.

²⁷ «Белый дракон!» – старинный боевой клич англосаксов, сохранившийся в XII веке как пережиток язычества.

ление их главы. И началось – крики, беготня, удары, проклятия, треск и стук ломаемой и опрокидываемой мебели. Кто-то повалил мое кресло. И мне стоило немалого труда даже встать на четвереньки.

– Белый дракон! Саксы! Белый дракон! – орали вокруг.

Последнее, что я помнил, глядя из своего убежища под столом, – мельтешение ног и то, как молодой Альрик тянет в сторону своего деда Торкиля, воинственно размахивающего полуобглоданной костью. Потом все померкло и я заснул. Даже не почувствовал, как Пенда, словно заботливая нянька, вынес меня из зала на руках.

Пробуждения после подобных пирушек – сущий ад. Жажда, головная боль, жжение в желудке, словно глотнул уксуса. Одно хорошо – весть, что беспокойные гости уже разъехались. До следующего раза. Ибо саксы настолько же вспыльчивы, насколько и отходчивы. Я сам такой же, ведь происхожу из их племени. Поэтому приму их, как хозяин, едва они вновь посетят меня.

Великий Боже, как приятно нестись легкой рысью навстречу встающему в тумане солнцу! Этим мягким золотистым восходом можно было любоваться лишь на таких вот равнинах, где на много миль не видно ни единого холмика. А вокруг колосилось жнивье: ячменные нивы, рожь, даже пшеница, которую я посеял на своих угодьях. На север от них начинались заливные луга фэнов, где крестьяне пасли свой скот. Слышалось бляение овец, им отвечали ягнята. В голубоватой туманной дымке я видел их тени. Разведение овец оказалось очень прибыльным делом в Англии, приезжие фламандские купцы хорошо платили за шерсть, и, как я узнал, цены на нее возрастали из года в год. Но кроме овец у меня были и другие планы. Насчет моих лошадок.

Привезенные из Палестины, легконогие, с атласной шерстью и стелющимися по ветру хвостами, они благоденствовали на тучных лугах Норфолка. Я заехал поглядеть на них по пути и был просто восхищен. Что в мире есть прекраснее, чем хорошие кони – эти совершенные создания Божьи? Впрочем, ехал я сюда не любоваться, а выслушать отчет старшего конюха. Все мои кобылы оказались жеребыми, и следующей весной ожидается приплод. Так же обстояло дело и с теми лошадьми местной породы, которых случали с арабскими жеребцами.

Поистине для меня этот год обещал быть удачным во всех отношениях.

Но позже, уже в ноябре, я получил от короля тайное послание. В нем мне предписывалось выследить и задержать человека, которого, по некоторым сведениям, видели в Норфолке и которого я хорошо знаю. Этот человек являлся личным врагом короля, и за его голову была назначена неслыханная награда – триста фунтов добрым английским серебром. Имя этого человека – Гай Круэльский.

Только дочитав до этого места, я понял, что этот человек – мой родственник.

* * *

Сырым и промозглым ноябрьским вечером я приближался к Незерби. От боков моего разгоряченного скачкой коня шел пар. Я ехал без охраны. Небесный свод раскинулся над дорогой, как перевернутая чаша – темная посередине и бледно-голубая ближе к горизонту.

Бург Незерби возник впереди темной призрачной массой. Я видел дым над ним, слышал лай собак. В этот час люди уже окончили трапезу и укладываются спать. Но я знал, что Риган обычно ложится позже всех.

Она удивилась моему позднему визиту.

– Эдгар? Я немедленно велю подать тебе закусить с дороги.

Я покачал головой и сказал, что не голоден, а приехал поговорить с глазу на глаз. Она улыбалась, пока по моему мрачному виду не поняла, что что-то случилось. Я протянул ей свиток, с которого на шнуре свисала королевская печать.

– Имя Ги это ведь по-английски Гай? – спросил я. – Здесь перечислены все его имена: Ги де Шампер, Гай Круэльский, сэр Гай из Тавистока или Ги д’Орнейль.

Пробежав глазами послание, она положила его на скамью подле себя. Казалась спокойной, только руки ее чуть дрожали.

– Да, это мой брат. Я не имела о нем известий лет десять. И не ведаю, что он натворил.

– Он личный враг короля Генриха Английского.

Она пожала плечами.

– Слишком громко для простого рыцаря. Хотя... Что ж, Гай всегда был, как говорится, *latro famosus*²⁸.

– И все же он твой брат! Единая плоть и кровь!

Что-то заплескалось в ее темных глазах. Уголки губ задрожали.

– Эдгар, я понимаю, что если ты объявишь розыск этого человека... моего брата... ты только исполнишь свой долг. И говорю тебе – делай, что считаешь нужным. Мы с Гаем расстались, когда я была очень молода, а он совсем мальчишкой. Ему тогда было тринадцать, самое время, чтобы поступить на службу и обучение к знатной особе. И Гай в качестве пажа был отправлен ко двору старого Фулька Анжуйского. Более мы с ним не общались. И, помоги мне Боже, я не очень тосковала по нему. Ведь мы никогда не ладили с младшим братом, он дразнил и обижал меня. Почему я ему прощала? Это трудно объяснить. Было в нем нечто... некое дьявольское обаяние... и дьявольское беспутство. И хотя с тех пор, как он покинул Анжу, я не имела о нем вестей, я всегда подозревала, что если ему и суждено как-то проявить себя – это будет недобрая слава.

– Зря ты такого мнения о нем, – жестко ответил я.

Подожел к огню, поставил ногу на край очага и, упершись в колено ладонями, долго стоял так, не сводя взгляда с языков пламени на сосновых поленьях.

– Риган, я приехал сегодня в Незерби не для того, чтобы спросить, даешь ли ты добро на поимку сэра Гая. Я приехал сказать, что рад, что ты его сестра. Грешник он или святой, бандит или неудачник, но то, что я до сих пор жив и свободен – это благодаря ему. Гай Круэльский. Я же знал его под другим именем. Помнишь, ты упоминала, что среди ваших имений одно называется Орнейль? Еще тогда это название показалось мне знакомым. Ги д’Орнейль звался твой брат в Святой земле. И это был лучший рыцарь в свите короля Иерусалимского Бодуэна II. Потом его прозвали Черный Сокол. Но расскажу все по порядку.

Я сел подле нее и начал свое повествование.

Еще когда я только прибыл в Палестину, там много говорили о молодом рыцаре Ги д’Орнейле, которого сам король Бодуэн приблизил к своей особе и которым неизменно восхищался. Он входил в штат личных телохранителей короля, и говорили, что нет лучшего мастера боя на мечах. Рыцарь Ги ведь не просто рубил, когда сражался, он разработал сложные приемы защиты и нападения, особой тактики боя, и люди думали, что его клинок словно чувствует душу хозяина, зная, как вести атаку. Раньше в поединке на мечах побеждал тот, кто сильнее физически, а теперь воины, учившиеся у Ги д’Орнейля, говорили, что побеждает более искусный и ловкий.

Я в то время очень увлекался воинскими искусствами. Мой Пенда научил меня старому саксонскому бою с секирой, воин-араб тренировал меня в метании ножей, а конной атаке с копьем я обучался у самого Великого магистра Гуго де Пайена – командора ордена Храма. С мечом я также упражнялся немало, но то и дело слышал: чтобы познать истинную красоту схватки на мечах, необходимо взять урок у этого отчаянного юнца Ги.

Мне не терпелось с ним встретиться, однако судьба все время разводила нас. Ведь в Святой земле рыцарь не ведет оседлую жизнь – приходится то и дело мчаться на север или на юг,

²⁸ Сущий разбойник (*лат.*).

нести сторожевую службу в глухих местах, вступать в стычки с неверными. Когда я возвращался в Иерусалим, Ги д'Орнейль оказывался на порубежье, если же я уезжал по делам ордена, Ги возвращался ко двору или сопровождал его величество в поездках.

А потом случилось несчастье. Бодуэн Иерусалимский гостил у графа Моавского, и с ним находился верный Ги д'Орнейль. Граф Моавский устроил охоту для Бодуэна, но во время лова король в пылу травли пересек границу графства и попал в плен к турецкому эмиру Балоку. Это был огромный позор для всего христианского мира. Позор несколько уменьшало лишь то, что на месте, где схватили короля, произошло настоящее побоище. Охранники его величества стояли за своего сеньора насмерть, и земля была просто усеяна их трупами. Как и трупами турок. Однако следов Ги д'Орнейля не обнаружили. Он исчез. Поэтому все решили, что именно он и был тем Иудой, который навел людей Балока на короля.

В том равновесии сил в Палестине, когда миры христиан и сарацин столь тесно переплетены, предательство – вещь не самая удивительная. И никто не сомневался, что д'Орнейль предатель. Его заклеями позором и, прокляв, занялись более насущным делом – надо было собирать деньги на выкуп короля и охранять границы его владений.

Почти два года мы ничего не знали о Ги д'Орнейле. Потом король совершил побег из плена и был радостно встречен своими подданными – как христианами, так и мусульманами. Тогда Бодуэн упомянул, что Ги отчаянно сражался за него, убил немало воинов-сарацин, но в конце концов на него набросили аркан и эмир Балок велел живым доставить к нему столь искусного воина. Позже стало известно, что Ги принял ислам и живет в почете у эмира. В любом случае имя его осталось проклятым и презираемым.

Минул еще год. И до нас дошла весть, что на землях атабега Алеппо появилась банда, которая совершает отчаянные набеги на караваны. Атабег был в мире с королем Иерусалима и обратился к Бодуэну, прося помочь ему истребить злодеев, наносящих его торговле такой урон. Особо он назначил награду за голову предводителя – Черного Сокола, как именовали его местные жители. Работа по поимке бандитов всегда выпадала на долю тамплиеров. И магистр ордена Храма поручил это задание мне.

Я не стал рассказывать, как долго мы охотились за людьми Черного Сокола, сколь они были неуловимы и как исчезали, словно растворяясь среди выжженных камней Сирии, когда нам казалось, что они уже окружены. Но невольно мы прониклись уважением к предводителю банды, восхищались его тактикой, ловкостью, отвагой. К тому же люди Черного Сокола грабили только купцов-арабов, но ни разу не обидели паломников-христиан. Для нас, рыцарей Храма, это много значило. И хотя мы обязаны были охранять караваны союзников-мусульман, но в душе сочувствовали Черному Соколу.

– Но однажды, – продолжал я, – мы все же столкнулись с бандой и вступили в схватку. Отряд разбойников оказался куда многочисленнее, чем мы ожидали, и они лучше знали местность. Мы попали в западню, оказались окружены. Я видел, как один за другим гибли мои соратники, пока сам не был ранен и упал с коня.

Очнулся в какой-то пещере. Слабость от потери крови была так велика, что я еле мог пошевелиться. Оставалось неподвижно наблюдать, как пируют разбойники, шумно деля оружие, добытое в схватке.

Только один из них не принимал участия в общем ликовании. Одетый, как кочевники-бедуины – покрывало, схваченное на лбу войлочным кольцом, широкие шаровары, – он сидел в стороне с отсутствующим видом, и я сразу догадался, что это – предводитель. Он был молод, смугл и черноглаз, но что-то в его чертах подсказало мне, что он не араб, а европеец. Предводитель вскоре почувствовал, что я смотрю на него, и взгляды наши встретились. В его глазах не было ничего, кроме тоски.

Приблизившись, он заговорил со мной на прекрасном нормандском. Суть его речи сводилась к тому, что он знает, кто я. Поэтому мне и была дарована жизнь – ведь за рыцаря-тамплиера заплатят хороший выкуп.

Я ответил, что тому, кто сошелся с неверными и вдобавок с грабителями, наверняка придется гореть в аду. Мои слова не задели его. Усмехнувшись, предводитель заметил, что ему это ведомо и без меня, и в голосе его звучала горечь.

Тогда я не знал, что это Ги д'Орнейль. Когда же разбойники привели ко мне лекаря-араба, тот сболтнул, что Черный Сокол некогда служил у христиан, а затем жил на попечении эмира Балока, пока не ступил на стезю разбоя. Тут-то меня и осенила догадка.

Спустя несколько дней воины ордена снова выследили отряд Черного Сокола и нанесли ему жестокое поражение. Лишь считанные разбойники вернулись в свое логово в пещере, горя желанием выместить на мне злобу.

Вот тогда-то изгой Ги и встал на мою защиту – один против всех. И крест честной! – я не мог сдержатъ восхищения. Он был словно бог войны, словно целый рой разъяренных демонов! Никогда не видел, чтобы смертный человек так сражался.

Он отстоял меня, а ночью тайно вывел из пещеры, дав лошадь, воды и указав путь. Я спросил – что скажут его сотоварищи, обнаружив мое бегство, но в ответ он беспечно махнул рукой.

И тогда я назвал его по имени.

Ги вздрогнул и помрачнел.

– Не стоило показывать, что вы узнали меня.

В его голосе даже прозвучала угроза, но я его не боялся. Не погубит же он меня теперь, когда сам спас.

– Я сохранию в тайне, что узнал вас, клянусь своей рыцарской цепью. И отныне я буду молиться за вас, чтобы вы порвали со своим теперешним положением и вновь стали гордостью христиан.

Он расхохотался.

– Напрасные усилия! Я так опорочен, что не все ли равно, как я встречу свой конец. Среди собратьев по вере меня считают предателем. Вдобавок меня принудили принять ислам, а христиане подобного не прощают.

– Что бы вам ни пришлось пережить, сударь, вы не нарушили главной заповеди – любить ближнего, как самого себя. И, спасая меня, доказали это.

Он долго смотрел на меня.

– Вы думаете, у меня еще есть шанс?

– Отчего нет? Вспомните притчу о заблудшей овце и слова Спасителя: «...На небесах более радости об одном раскаявшемся грешнике, чем о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии». Поэтому оставьте свое пагубное занятие, вернитесь в лоно Святой Матери Церкви и...

– Кто мне поверит? Здесь, в Святой земле, я слишком известен и осквернен.

– Что с того? Мир велик. Там, где о вас ничего не знают, можно начать все сначала. И вновь стать достойным рыцарем.

– Аминь, – тихо сказал он и ушел в ночь.

Больше я его не видел. Но вскоре узнал, что банда Черного Сокола перестала быть ужасом караванных путей. Более того, как-то один из побывавших в Иерусалиме паломников поведал, что некий Ги из Святой земли побывал в Риме и сам Папа принял у него исповедь, дав отпущение грехов. Мне очень хотелось верить, что это и был мой спаситель.

Я умолк, глядя на Риган. Огонь в очаге почти угас, она сидела, кутаясь в шаль, и я не видел ее лица.

Я продолжил:

– Одного я не понимаю – как этот человек, с таким трудом получивший прощение, мог вновь нарушить закон, да так, что сам Генрих Боклерк объявил его своим врагом?

И тут Риган всхлипнула, громко, с дрожью.

– Когда Гай родился... В тот день умерла наша мать, дав ему жизнь. Для отца это был удар. Он был словно не в себе. А в доме было несколько нищих, решивших, что если у хозяина родится сын, их щедро угостят. Отец это понимал и разозлился. Он выгнал их всех вон, хотя была зима и на улице завывала метель. И все они погибли. Все, кроме одной старухи. Она стояла за частоколом усадьбы и проклинала отца... и его сына. Как потом рассказывала моя нянька-валлийка, у Гая тогда на груди появилась отметина – опущенный углом вниз треугольник. А там, в Уэльсе, говорят, что это знак изгнанника. Вот мой брат и изгнанник... на всю жизнь.

Я сел рядом с ней.

– Клянись тебе, Риган, что я не поступлю с ним подло. Я сделаю все, чтобы он понял, что я его друг... его родич. И сделаю все, чтобы он не попал в руки людей короля.

Женщина нашла в темноте мою руку и поднесла к губам.

Глава 3

Гита

Декабрь 1131 года

Я помню и более холодные зимы, но так, как в эту, я еще не мерзла никогда. Может, оттого, что при жизни прежней настоятельницы, матушки Марианны, дела в монастыре Святой Хильды шли лучше и в запасе у нас всегда имелись дрова и торф.

Но теперь, когда матушка настоятельница отошла в лучший мир – да пребудет с ней вечный покой, – ее место заняла мать Бриджит, которая так запустила дела, что нам приходилось туго. Мать Бриджит, хоть и является образцом благочестия, в хозяйстве ничего не смыслит, и все обитатели монастыря с наступлением холодов почувствовали это на себе.

По наказу настоятельницы я проверяла ее счета, сверяла списки доходов и расходов. И несмотря на все уважение к новой аббатисе, мне порой хотелось затопать ногами, закричать, а при встречах с ней так и тянуло спросить, как же она намеревается провести доверенных ее попечению сестер Христовых через все ненастья и голод зимних месяцев?

– О, Святая Хильда, как же я замерзла!

Не выдержав, я поднесла ладони к пламени свечи, надеясь хоть немного отогреть, ибо они так озябли, что едва держали перо.

Мы находились в скриптории²⁹ монастыря – я и Отилия. И хотя на улице была зима, а к вечеру сырость окончательно проникла в это маленькое помещение, никто не позаботился, чтобы нам дали торфа для печи, и мы сидели в холоде еще с обеда.

Отилия подняла на меня свои близорукие голубые глаза. В серой одежде послушницы и плотно облегающей шапочке, из-под которой на ее плечи спадали тонкие русые косички, она казалась особенно хрупкой и трогательной. Отилия ласково улыбнулась мне.

– Не думай о холоде, Гита. Тогда и не будешь так его ощущать.

– Как же – не думай? Тебе хорошо, ты святая. Я же... Знаешь что, давай разведем костер из обрывков пергамента и погреемся немного. А то недолго и слечь, как бедняжка сестра Стефания.

Но Отилия покачала головой и вновь заскрипела пером.

Переписыванием рукописей в скриптории монастыря мы обычно занимались втроем – сестра Стефания, Отилия и я. Это занятие давало монастырю неплохой доход, так как книги стоили немало. Женщина-каллиграф – большая редкость, и то, что в обители Святой Хильды водились такие, – несомненная заслуга покойной настоятельницы Марианны. А для меня – несомненное удовольствие и возможность проявить себя. Ведь я считалась лучшим каллиграфом в монастыре.

В монастырь я попала, когда мне и семи не было. И здесь я, круглая сирота, нашла себе тихое пристанище. Сначала воспитанница, потом послушница, скоро я приму постриг, и монастырь навсегда защитит меня от всех бед и волнений мира. Я привыкла здесь жить и понимала, что нигде больше не могла бы проводить столько времени за книгами. И все же... Внешний мир, яркий и тревожный, врывается в мое тихое существование, пугал, но еще больше интересовал. И хотя мне полагалось принять постриг уже год назад, на свое шестнадцатилетие, я отказалась. При этом я сослалась на то, что готова еще год прожить в послушницах, чтобы затем постричься вместе с Отилией. Отилия была на год младше меня, и мы с ней дружили. Так что не было ничего удивительного в моем желании подождать ее. И все же какой переполох поднялся тогда из-за моего отказа. Даже приезжал аббат Ансельм из Бери-Сент-Эдмундса, патрон

²⁹ Скрипторий – мастерская, в которой работают над книгами и рукописями.

нашего монастыря³⁰. И как зло смотрел на меня своими маленькими, заплывшими жиром глазами.

– Дитя мое, я очень хочу верить, что твое упорство – всего лишь недоразумение. Запомни, в тебе течет дурная, порочная кровь смутьяна Хэрварда, и твой долг учиться смирению, а не будить в себе беса неповиновения, какой владел душой твоего деда.

Да, я была внучкой Хэрварда Вейка, гордого сакса, великого мятежника – что бы там ни говорил этот поп-норманн. Я гордилась этим. Знала, что люди порой заезжают в обитель Святой Хильды, только чтобы взглянуть на меня, последнюю из его потомков. Могла ли я стыдиться подобного родства? Абсурд. Я внучка Хэрварда! Но к тому же я и богатая наследница. Аббат Ансельм, как мой опекун, давно наложил руки на мои земли, уверенный, что я приму постриг и тогда он беспрепятственно сможет называть их своими. Поэтому он так и всполошился, когда я вдруг отсрочила вступление в сонм невест Христовых.

Меня отвлекло шуршание сворачиваемого Отилией свитка.

– О чем задумалась, мое Лунное Серебро?

Она часто так меня называла. А за ней и другие. Дело в том, что у меня очень светлые волосы. Длинные, прямые и густые. Я люблю заплетать их в косу и перебрасывать через плечо. И хотя это и суетно, но мне будет жаль обрезать их, когда я стану бенедиктинкой.

Я вздохнула.

– Прочти, что ты написала.

Еще месяц назад нам было поручено переписать старую саксонскую поэму «Беовульф». С тех пор как наш король Генрих первым браком женился на саксонке, у англичан поэма стала популярной. И аббат Ансельм заказал нашему монастырю ее рукопись для одного из своих знатных покровителей. Мы работали споро, но потом сестра Стефания слегла с простудой, а мне поручили к Рождеству привести в порядок счета монастырского хозяйства. Теперь над рукописью работала только Отилия. И делала это с присущими ей аккуратностью и старанием.

– Прочти! – просила я, согревая дыханием озябшие пальцы.

Голос у Отилии был мягкий и мелодичный. Она происходила из нормандского рода, но саксонский знала, как родной.

Не слышно арфы,
не вьется сокол
в высокой зале,
и на дворе
не топчут кони, —
всех похитила,
всех истребила
смерть пагуба!..³¹

Она умолкла и как-то смущенно поглядела на меня. Словно опасалась задеть меня намеком на поражение моих соплеменников. Но все это происходило так давно... А Отилия была здесь, и была моей подругой.

И я заговорила о другом:

– Слушай, Отил, знаешь, что попросили переписать для одного лорда? Мать Бриджит как глянула, так и закрыла это под замок. Но я заметила, как сестра Стефания тихонько почи-

³⁰ По обычаю аббат мужского монастыря был исповедником монахинь и опекуном принадлежащего женскому монастырю имущества.

³¹ Перевод В. Тихомирова.

тывает. И я видела, как она открывает ларец. Хочешь и мы почитаем? Это отрывки из «Искусства любви» Овидия.

Я тут же схватила ножичек для заточки перьев и, пользуясь тем, что Отилия не удерживает меня, стала возиться с замочком на ларце, который стоял в нише стены. Отилия нерешительно приблизилась. Она-то, конечно, святая, но еще слишком молода и любопытна.

Несколько листов пергамента были исписаны красивым почерком по-латыни. Таким четким, словно тот, кто их писал, не испытывал волнения. Меня же в жар бросало, когда я читала.

Любовь – это война, и в ней нет места трусам.
Когда ее знамена взмывают вверх, герои готовятся к бою.
Приятен ли этот поход? Героев ждут переходы, непогода,
Ночь, зима и бури, горе и изнурение...
...Но если вы уж попались, нет смысла таиться,
Ибо все ясно, как день, и ложны все ваши клятвы.
Изнуряйте себя, насколько хватит сил на ложе любви...³²

– Ну как? Разве не великолепно?

Наверное, у меня горели глаза.

У Отилии тоже разругались щеки, но она быстро совладала с собой. Отошла, стала перебирать четки.

– Нам не следует этого знать, Гита. Это мирское. Мы же решили посвятить себя Богу. Не думай только, что я ханжа, но есть вещи, от которых мы должны отречься. А любовь и все эти чувства... Поверь, все это не так уж и возвышенно.

Я знала, о чем она говорит. Ей было десять, когда ее изнасиловал отчим, и она пришла в монастырь, спасаясь от мира, как от боли и грязи. Я же... Меня отдали в монастырь ребенком, я еще не могла разобраться, чего хочу, просто подчинилась воле матери, которая, овдовев, считала, что только тихая монастырская жизнь может уберечь ее дитя от недоброй судьбы.

Я села на прежнее место, но почему-то никак не могла сосредоточиться на счетах. Обычно я находила это занятие интересным, даже втайне гордилась, что разбираюсь в этом лучше настоятельницы. Слышала, как иные говорили, что с такими способностями я сама однажды стану аббатисой. Я ведь из хорошего рода, при поступлении за меня сделали щедрый вклад, я прекрасная ученица, и со мной советуются. Да, моя дальнейшая судьба была predetermined, и, наверное, это хорошо. Однако сейчас... То ли строки из Овидия так повлияли на меня, то ли уже давно душа моя утратила покой, но вместо работы я размечталась.

Тот, о ком я мечтала, даже не знал о моем существовании. Я его видела неоднократно, когда он наезжал в нашу обитель помолиться в часовне, где покоился прах его матери. Звали его Эдгар Армстронг, в нем текла кровь прежних королей Англии, и он был крестоносцем. Об этом не раз шептались мы, молоденькие послушницы, но в посетителе нас прельщали не столько его слава и положение, сколько привлекательная наружность. Эдгар Армстронг был высокий, сильный, гибкий. В нем было нечто от благородного оленя – этакое гордое достоинство и грация.

Мне нравилась его смуглая кожа – говорят, такая бывает у всех, кто провел в Святой земле несколько лет, золотисто-каштановые, красиво вьющиеся волосы и удивительные синие глаза. Я так хорошо его рассмотрела, потому что, едва он приезжал, ни о чем больше не могла думать, только бы увидеть его. Можете смеяться, но все мое существо – мое сердце, моя душа, моя кровь – все звенело, едва я украдкой бросала на него взгляд. Он же и не подозревал обо мне. Если и слышал, что в женском монастыре Святой Хильды живет внучка Хэрварда, то

³² Перевод С. Шервинского.

не проявлял никакого интереса. Конечно, он ведь такой могущественный и занятой человек, шериф Норфолка. Эдгар Армстронг – прекрасный, отчужденный, далекий... Для меня он был как солнце после дождя. Я никому не говорила об этом, даже на исповеди. Это был мой грех, но какой сладкий грех! Не возбраняется смотреть на прекрасное, дабы ошутить удовольствие. Эдгар – в этом имени мне слышался рокот струн, лязг стали и мурлыканье кошки.

В последний его приезд я и еще несколько послушниц взобрались на стремянки за оградой гербарiums³³ и смотрели, как он разговаривает с матерью Бриджит у ворот обители. Позже говорили, что настоятельница просто лебезила перед ним – он ведь очень богат и всегда делал щедрые вклады монастырю, – но я тогда ничего этого не заметила, потому что видела только Эдгара. А потом, уже сев на коня, он вдруг повернулся и поглядел на нас. И мы замерли, как голубки перед горностаем. Он смотрел на нас, но как! – так игриво и ласково, чуть иронично и, может, чуть-чуть печально. А потом приложил руку к губам и сделал жест, словно посылая поцелуй.

Нас потом наказали. Но мне было в сладость даже наказание. И со мной такое творилось! У меня ныла, словно наливаясь, грудь, болел низ живота, холодели руки. Я мечтала, чтобы шериф увидел меня, обратил внимание, нашел красивой. Ведь все говорили, что я красива. И я теперь сама желала убедиться в этом, когда склонялась над своим отражением в бадье с водой или рассматривала себя в заводи у монастырской мельницы.

У меня очень светлая, гладкая кожа и румянец на скулах. Овал лица... Мать Бриджит меня недолюбливает, но даже она говорит, что оно красиво – нежная линия щек и подбородка, гладкий лоб. Брови у меня каштановые, выгнутые, как у королевны. Они значительно темнее волос, а ресницы еще темнее бровей и такие густые. Когда смотришь на отражение, кажется, что они очерчивают глаза темной линией, и от этого глаза выглядят выразительнее. Если глаза светло-серого, как металл, цвета вообще могут быть выразительными. А вот рот... Мне говорили, что это не английский рот, а французский – слишком пухлый и яркий. И неудивительно – моя мать родом с юга Нормандии, и от нее я унаследовала изогнутую, как лук, верхнюю губу и припухлую нижнюю. Как однажды лукаво заметила сестра Стефания, мужчины при взгляде на такие губы начинают думать о поцелуе. Несмотря на нескромность этого замечания, я осталась довольна.

А еще болтушка Стефания как-то обмолвилась, что мужчин ничто так не интересует, как женское тело. Но что в нем такого привлекательного? Грудь у меня не большая и не маленькая, но такая круглая. Вообще-то я слишком тоненькая и не очень высокая, однако у меня длинные стройные ноги. Так какая же я? Понравилась бы я Эдгару? И кому он послал тот воздушный поцелуй? Мне или всем нам?

От размышлений меня отвлек стук клепала³⁴. Я даже вздрогнула.

– Что с тобой? – спросила Отилия. – Ты словно спишь с открытыми глазами.

Мы спустились во двор. Было время вечерней службы, на дворе давно стемнело. Сгустился туман, и в его белесой дымке монахини попарно двигались в церковь, неся в руках зажженные светильники. Сырость пробирала до костей. Через три дня сочельник, а никакого праздничного настроения. Наверное, я плохая христианка, если душа моя не ликует в преддверии светлого праздника Рождества.

В церкви на нас пахло холодом камней и ароматом курений. В этот сырой вечер на службе было всего несколько прихожан. Они стояли на коленях и, пока священник читал молитву, повторяли за ним слова, так что пар от дыхания клубами шел у них изо рта.

³³ Гербариум – сад в монастыре, где выращивают лекарственные травы.

³⁴ Клепало – деревянная или металлическая доска, ударами по которой созывали на молитву. Широко использовалась в Средние века вместо колокола.

Монахини попарно прошли в боковой придел, где их от прихожан отделяла решетка. Они заняли свои места на хорах – впереди монахини, позади послушницы. Настоятельница Бриджит и приоресса³⁵ стояли по обе стороны хоров, а регентша повернулась к нам лицом, сделала знак, и мы запели Angelus³⁶.

Мы стояли, молитвенно сложив ладони, опустив глаза под складками головных покрывал, закрывающих чело. Однако, как я ни старалась сосредоточиться на молитве, вскоре почувствовала на себе чей-то взгляд. Не выдержав, я посмотрела туда, где стояли прихожане.

Утрэд. Это был мой человек. Вернее, его родители были моими крепостными, а сам он давно освободился и стал воином. Его грубая куртка с металлическими бляхами и тяжелая рукоять меча у пояса тотчас выделили Утрэда среди окрестных крестьян, одетых в серые и коричневые плащи. Именно он пристально смотрел на меня.

Я заволновалась. Если Утрэд здесь, значит, что-то случилось. Бывало и раньше, что мои люди навещали меня в обители Святой Хильды. Так повелось со времен моего детства, когда я осталась круглой сиротой. Крепостные саксы везли своей маленькой госпоже гостинцы – мед с наших пасек, теплые шерстяные носочки, запеченных в тесте угрей. Прежняя настоятельница не препятствовала этому, понимая, что осиротевшему ребенку приятно видеть знакомые лица. Но по мере того как я выросла, крестьяне стали рассказывать мне и о своих нуждах, даже просить совета. И я поняла, что им несладко живет под властью жадного Ансельма. Люди постоянно жаловались на поборы, на жестокость слуг аббатства, на притеснения и унижения, чинимые ими. И так уж вышло, что их приезды со временем переросли для меня в повод для беспокойства.

Повзрослев, я начала, как могла, помогать им. Если кто-то хворал, я отсылала мази и снадобья; когда крестьяне заподозрили, что назначенный аббатом мельник обманывает их, я сама ездила на мельницу, чтобы проверить их подозрения и сосчитать мешки. А этой осенью из-за непогоды не удалось собрать урожай, но сборщик оброка не пожелал отложить уплату, и обозленные крестьянки избили его прялками.

И снова мне пришлось вмешаться. Я хотела отправиться в Бери-Сент-Эдмундс, чтобы во всем разобраться, но меня не пустили, и я объявила голодовку. Тогда мать Бриджит была вынуждена написать об этом Ансельму. Ко мне прибыл его представитель, вел долгие беседы, но я стояла на своем.

Могу представить, что бы произошло, если бы разнесся слух, что внучку Хэрварда Вейка уморили голодом. Могли бы вспыхнуть волнения – ведь здесь, в Восточной Англии, крестьяне более независимы и решительны, чем где-либо. Восстание моего деда еще не было забыто, и крестьян побаивались. В конце концов мы сошлись на том, что аббатство отложит срок внесения платежей.

Но теперь – Утрэд. А значит, жди беды.

Наконец служба подошла к концу. Все встали, двинулись к выходу. Только Утрэд неожиданно кинулся к решетке.

– Леди Гита! Умоляю, выслушайте меня!

Я тотчас подошла. Он схватил мою руку.

– Миледи, нам нужна ваша помощь. Случилось несчастье...

Но уже рядом оказалась настоятельница Бриджит.

– Изыди, сатана! Отпусти немедленно сию девицу. Она находится в обители невест Христовых, а ты...

– Матушка, это мой человек. И я прошу соизволения переговорить с ним.

³⁵ Приоресса – помощница настоятельницы.

³⁶ Angelus – «Ангел (Божий возвестил Марии)» – латинская католическая молитва.

Но мать Бриджит – не добрая настоятельница Марианна. Она не допускала и боялась моих встреч с крестьянами. Да и аббат Ансельм запретил ей это, а она всегда была ему послушна.

– Это еще что такое, Гита? Ты перечишь мне? Немедленно удались.

За ее спиной уже стояли две крупные монахини, и я поняла, что меня потащат силой, если заупрямлюсь.

И я лишь успела шепнуть Утрэду, чтобы ждал меня на обычном месте.

За трапезой я еле заставила себя поесть. И мысли всякие лезли в голову, да и еда была далеко не лучшей – немного вареной репы и ложка ячменной каши. В этом году мы по сути голодали, но никто не смел высказаться, так как это значило уличить мать Бриджит в плохом ведении хозяйства. А сама она, строгая и суровая, восседала во главе стола, чуть кивала, слушая, как одна из сестер читает жития святых.

После трапезы я подошла к Отилии.

– Скажи настоятельнице, что мы пойдем помолиться в часовню Святой Хильды.

Отилия с укором посмотрела на меня. Сама-то она часто простаивала всю ночь в часовне, молилась до зари. Она находила в этом удовольствие – она была святой. Я же... Пару раз и я оставалась с ней, но не для молитвы, а чтобы под предлогом бдения незаметно исчезнуть, когда мне не позволяли свидания. К утру я всегда возвращалась, а Отилия все молилась, пребывая словно в трансе. Меня восхищал ее религиозный пыл, ее искреннее служение. Да и не только меня. Когда Отилия молилась, никто не смел ее беспокоить. Я этим пользовалась. Она же не предавала меня, но опасалась этих моих отлучек. Вот и сейчас я увидела волнение на ее лице.

– Гита, это грешно.

– Грешно не оказать помощь.

– Но эти люди... Они просто используют тебя.

– Им не к кому более обратиться.

– Но если откроется... Тебя накажут.

– Ничего не откроется. Я скоренько вернусь. Так ведь всегда было.

И она, конечно, уступила.

Мать Бриджит была даже довольна, что я решила молиться с Отилией. Она дала каждой из нас по зажженной свече, а мне велела обратить свои помыслы на мир духовный и просить у Господа и Святой Хильды прощения за свою суетность и непокорность. Знала бы она!..

Часовня Святой Хильды была небольшой. В нише стены стояло изваяние святой, выполненное из дерева, раскрашенное и позолоченное. Здесь царил полумрак, лишь на небольшом алтаре поблескивал золотой ковчег с мощами.

Я прикрепила свою свечу и хотела опуститься на колени, когда Отилия неожиданно подошла.

– Гита, мое милое Лунное Серебро, не делай того, что задумала.

Я молчала, даже почувствовала легкое раздражение. Она же продолжала:

– Если ты сегодня уйдешь, то уже не будешь одной из нас. Ты больше не вернешься.

Я нервно улыбнулась, скрывая, что от ее слов мне стало несколько не по себе. Ведь уже не раз случалось, что слова Отилии оказывались верны. Она говорила о разных вещах, словно зная все наперед, и, как я заметила, ее саму порой пугало это. Поэтому я постаралась ответить ей даже с напускной бравадой:

– Ты говоришь, как пророчица, Отил. А ведь на деле ты всего-навсего молоденькая девочка шестнадцати лет. Поэтому лучше помолись, чтобы меня не выследили и моя отлучка, как и ранее, осталась известной только нам.

Я постаралась отвлечься, глядела на огонек свечи, тихо читая «Pater noster»³⁷, и мне стало казаться, что сияние огонька словно окутало и согрело меня... зачаровало. Мне стало даже хорошо, и не хотелось никуда идти. Было такое ощущение, будто что-то удерживает меня здесь.

Но все же я встала и вышла. Ночь пронзила меня холодом и мраком. Здесь, с западной стороны монастырских построек, располагался сад-гербарий, за которым в ограде была небольшая калитка. От нее тропинка вела к лесу, где мы обычно собирали хворост. А там, через пару миль, стоял старый каменный крест, установленный много лет назад. И возле креста меня ждал сын моего крестьянского старосты Цедрика, Утрэд, ставший солдатом, так как не смог полюбить работу на земле. Последнее время он служил у некой леди Риган из Незерби и был вполне доволен своим местом. И если он оставил все, чтобы предупредить меня, значит, в моих владениях и впрямь не все ладно.

Я торопилась, почти бежала через ночной лес, поскользываясь на мокрых листьях и еле находя тропинку в тумане. Однако я хорошо знала округу и вскоре увидела проступающие сквозь туман очертания креста. Рядом стоял Утрэд, кормил с ладони мохнатую низкорослую лошадку. Увидев меня, он шагнул навстречу, набросил на мои плечи свой широкий шерстяной плащ.

– Вы пришли! Да благословит вас Пречистая Дева.

– Я промочила ноги, – проворчала я. – Давай, выкладывай, что случилось, да только быстро.

– Быстро? Тогда просто скажу: люди аббата из Бери-Сент-Эдмундса напали на деревню. Они жгли, насиловали, убивали.

Я только и смогла выдохнуть:

– Не может быть!..

Тогда он мне все рассказал. Оказалось, что аббат Ансельм отложил выплату положенного оброка только до Рождества. Это казалось абсурдным – где люди могли найти деньги, особенно зимой? Но Ансельм был слишком разгневан тем, что женщины избили его поверенного, и не желал проявлять снисхождения. Он только заменил натуральный оброк денежной выплатой, зная, что в фэнах люди промышляют рыбой и могут ее продавать. Забыв при этом, что во времена неурожая все добытое идет исключительно на пропитание. К тому же Ансельму донесли, что люди занялись охотой на птиц, а это уже считалось браконьерством.

– Вы не должны были поступать противозаконно, – заметила я.

– А законно ли заставлять людей добывать деньги разбоем?

Я понимала, что он имел в виду. В голодное время люди часто выходят на большую дорогу, а это ли не способ внести оброк деньгами.

– Ты что-то путаешь, Утрэд. Тот, кто уплачивает аббату подати, сам находится под его покровительством. И аббат Ансельм не мог быть к вам столь несправедлив. Если бы дела и впрямь обстояли так плохо, он бы не стал обдирать вас, как липку, ведь землевладелец не заинтересован в разорении своих людей. Они основа его богатства.

– Да ну? – хмыкнул Утрэд. – Клянусь Святым Дунстаном, ты попросту ничего не понимаешь, девушка.

И принялся пояснять. Впереди еще два долгих зимних месяца, а крестьяне голодают уже сейчас. В фэнах, конечно, они могли прокормиться угрями и рыбой. Улов можно продавать на рынках, но нехватка зерновых привела к дороговизне и на рыбу, поэтому ее могут покупать лишь те, кто побогаче. Кроме того, желудки, привыкшие к хорошему ломтю хлеба, никак не насытить болотной живностью. Люди голодают и болеют, а старики и дети стали умирать уже сейчас. Что же ожидает крестьян, когда настанут еще более голодные времена?

³⁷ «Отче наш» (лат.).

В темноте я еле различала лицо Утрэда. Он говорил глухо и печально, но вот в его голосе слышались рычащие интонации. Он поведал, как управляющий аббата в моих землях, некий Уло, пообещал отложить выплату, если ему отдадут Эйвоту. Эйвота была сестрой Утрэда и слыла первой красоткой в фэнленде. Прошлой весной она вышла замуж за моего пасечника Хродерава, но это не помешало Уло заглядываться на нее. И он нашел способ заполучить красавицу, забыв при этом, что Эйвота – свободная женщина и жена йомена. Поэтому требование Уло сочли неслышанным и никак на него не отреагировали. Тогда управляющий решил забрать Эйвоту силой и напал со своими людьми на возвращающихся из церкви женщин. И хотя сама Эйвота смогла вырваться и убежать, но другие не успели. Они попали в руки людей Уло, а те, распаленные вседозволенностью, набросились на них, издевались, насильовали. Среди женщин была и совсем молоденькая девушка Ида, к которой, как я знала, собирался посвататься Утрэд. После издевательств она сильно захворала и умерла. Все это было две недели назад. Тогда люди из фэнов отомстили, поймав и жестоко избив Уло. Но этот аббатский управитель скоро оправился, навел своих воинов на деревню, и ее почти уничтожили.

– И вот мы решили обратиться к вам, миледи. Ибо если вы не добьетесь от Ансельма справедливости... Люди ведь еще не забыли мятежа вашего деда, не забыли, что могут постоять за себя.

Больше он ничего не сказал, но и так было ясно. Это мятеж, кровь, война. И я вдруг пожалела, что пришла сюда. Лучше бы мне было ничего не ведать, отсидеться в сторонке. Но нет, я внучка Хэрварда, а это ко многому обязывает.

– Где сейчас все? – спросила я.

Оказалось, что большинство ушло в фэны. Но несколько человек укрылись в башне Хэрварда – Тауэр-Вейк, как называли ее в округе. Там и мой рив³⁸ Цедрик, еще несколько человек и Эйвота с мужем. Хродерава ранили, и его нельзя было нести в болота.

– Мне бы вернуться, взять мази из лазарета, – как-то жалобно начала я. Подумала: вот сейчас я уйду, и пусть они разбираются, не втягивая в это меня.

Утрэд это понял. Молчал, возвышаясь во мраке надо мной.

– Вы всего лишь девочка, миледи. Наверное, и впрямь не стоило мне приезжать. Лучше уж было обратиться к герефе Эдгару, но он сейчас уехал на каменоломни в Нортгемптоншир и вернется не ранее Рождества. Только... Никто не знает, что случится за это время.

В его голосе была печаль, а мне даже стало стыдно. Что ж, постараюсь как-то разобраться во всем. И я сказала Утрэду, что нам надо поспешить, чтобы я успела в монастырь к рассвету.

Утрэд тотчас воодушевился.

– Конечно, миледи, мы успеем. Не зря я одолжил пони у отца Мартина. Наш священник хоть и божий человек, но и его возмутило преступление Уло.

И солдат помог мне взобраться в седло.

* * *

За час мы с Утрэдом проделали около семи миль.

Неутомимый сакс все это время бежал, держась за повод лошади, да еще и подшучивал, как я, словно куль с мукой, подпрыгиваю в седле. Мол, так недолго и спину ободрать лохматой лошаденке священника, а отец Мартин за такое может и по уху свистнуть. Ну и юмор же был у этого сакса. И тем не менее я даже порой улыбалась его грубым шуткам.

Наконец впереди замаячил силуэт церкви Святого Дунстана – длинное бревенчатое строение с почерневшей тростниковой крышей, похожей на меховую шапку. Над зданием возвышалась башенка колокольни, столь древняя и ветхая, что на нее было опасно подниматься. Со

³⁸ Рив – крестьянский староста в Норфолке.

всей округи из фэнов сюда сходились по запутанным тропам жители болот. Были они дики, немногословны и себе на уме, так что сколько бы отец Мартин ни бился, не мог собрать с них пожертвования на ремонт церкви.

Когда мы подъехали, священник поспешил нам навстречу, держа в руке зажженный факел.

– Этот разбойник все же уговорил тебя, Гита?

Говоря это, он поцеловал меня в лоб и благословил двумя перстами. Отец Мартин давно нес здесь службу, я помнила его еще со времен своего детства, и за эти годы он почти не изменился. Такой же рослый, крепкий, в темной одежде, на которую спадала его длинная, соломенного цвета борода.

Я слышала, как он выговаривал Утрэду.

– Гита ведь еще совсем дитя. Вы должны были сами проучить этого прохвоста Уло, а не вмешивать девочку.

Я молчала. Что ж, возможно, мои саксы и впрямь не должны были обращаться ко мне. Но как-то само собой вышло, что я всегда вмешивалась в их жизнь, даже живя в отдалении. По старым саксонским законам женщина могла быть хозяйкой наследственных владений, а по новым, нормандским, – нет. Я могла только передать наследство мужу или опекуну, который будет править и защищать землю. Но моим опекуном был Ансельм, а от него мои саксы не видели ничего хорошего и по старинке искали поддержку у госпожи.

Я видела, как Утрэд стал готовить лодку. Ведь дальше начинался край фэнов, и нам предстояло продолжать путь по воде.

– Отвяжись, поп, – наконец огрызнулся он. – Ты только задерживаешь нас, а леди Гите надо успеть вернуться в обитель еще затемно.

Все еще ворча, священник помог мне сесть в небольшую плоскодонку и оттолкнул ее от берега. Утрэд зажег факел и, прикрепив его на носу плоскодонки, стал править, отталкиваясь шестом. Мы поплыли в тумане, среди отраженных в воде мутных отблесков факельного света.

Фэны обширны и мелководны. На небольших возвышенностях среди тростника и мхов растут березы и ольха, корежится кривой ельник. Редкие деревеньки и хутора расположены на островках, и дома там стоят на сваях. Через заболоченные пустоши фэнов ведут старые тропы и гати, известные только местным жителям. Но есть и хорошие дороги, постоянно ремонтируемые дамбы, за которыми нужен неустанный уход, так как по ним пролегает кратчайший путь на запад. Есть в фэнах трясины – зеленые, как изумруд, они тихо поджидают неосторожных путников, и, говорят, всадник с конем может исчезнуть в них, как ложка в каше. Но такие места всегда как-то обозначены, а в основном пустоши фэнов представляют собой открытые заливные луга. По весне там гнездится много птиц, а травы вырастают такие сочные, что жители фэнов пользуются этими прекрасными пастбищами для разведения скота, преимущественно овец.

Мы с Утрэдом плыли по одной из многочисленных протоков, воды которой казались стоячими. То слева, то справа от нас из тумана появлялись заросли нависших над водой кустарников, хлопала вода. Я сидела в лодке, поджав под себя ноги, до самого носа закутавшись в плащ солдата. Утрэд в тумане выглядел нереальным: такой длинный темный силуэт, отталкивающийся шестом, раскачиваясь при этом, точно птица на ветке. Мы оба молчали. И постепенно мне в голову стали лезть всякие страхи. Люди рассказывали, что здесь, среди тростника и осоки, водятся призраки тех, кого затянуло в трясины. Порой мне казалось, что я вижу в тумане их глаза – блуждающие болотные огни. Мне стало не по себе, и, когда неподалеку что-то булькнуло и шлепнулось в воду, я испуганно вскрикнула.

– Это выдра, – пояснил Утрэд.

Приятно было слышать в этой тишине человеческий голос, и я попросила солдата поговорить со мной. Ох, лучше бы я этого не делала! Ибо Утрэд стал рассказывать мне о всяких

болотных тварях, о змеях с головами утопленников, о кикиморах, огромных страшных женщинах с зелеными зубами и длинными волосатыми руками, которые высовываются из вод и переворачивают лодки.

Я рассердилась, стала кричать на него. Но он только рассмеялся, сказав, что теперь я хоть очнулась, стала похожей на себя.

Русло ручья расширилось, в него вливались все новые и новые потоки. Я стала даже узнавать местность, да и туман немного рассеялся, а в вышине небо взблескивало звездами, точно невод серебряной рыбкой.

И вдруг я увидела ее – знаменитую кремневую башню Хэрварда, Тауэр-Вейк, мой дом! Величавой громадой она плыла среди прядей тумана, стелившихся над гладью озера, которое со всех сторон окружало остров, где стояла башня. Протока беззвучно влилась в него, глубина возросла, и Утрэд отложил шест, взялся за весла.

Мы двинулись вдоль берега озера, и я ужаснулась. Прежде здесь было большое селение, стояли хижины арендаторов, слышался лай собак, скрип мельничного колеса. Теперь же сквозь туман проступали только обугленные столбы, груды камней – основания очагов, пепелище на месте мельницы.

Мы проплыли вдоль длинной дамбы, по которой только и можно было попасть на остров Тауэр-Вейк сухим путем. И там, у стен черной башни, я увидела огни, людей. Они стояли небольшой группой, размахивали факелами.

Не знаю, может, оттого, что эти люди так любили меня, но в мои редкие визиты сюда я чувствовала, что мой дом именно здесь. И сейчас они обступили меня, радостно приветствовали, пытались поцеловать руки. Они пережили беду, но были счастливы, словно одно мое присутствие могло решить все их проблемы. У меня даже слезы на глаза навернулись: я всегда так чутко ощущала доброту, участие, внимание.

Вскоре я сидела в башне деда, пила теплый травяной отвар и слушала местного рива Цедрика. Этот крепкий коренастый старик был здесь старшим, привык решать многие проблемы и, как я поняла, искал способ уладить дело миром. Поэтому и сердито шикал на своего воинственного сына, когда тот пытался встревать.

– Когда ваш отец, миледи, умирал, – с важностью человека, знающего себе цену, говорил Цедрик, – он допустил большую глупость, поручив вас, да и нас вместе с вами, заботам этого нормандского попа Ансельма. Но его можно понять – кому и быть опекуном, если не главе самой почитаемой в Дэнло обители. Знал бы ваш батюшка, насколько тот властолюбив, жесток и алчен. Но когда аббат прислал к нам своего бешеного пса Уло...

– Чтоб его чума взяла! – не удержался Утрэд.

Старый рив сердито глянул на перебившего его сына, а также покосился туда, где в нише узкого окна всхлипывала его дочь Эйвота. Эйвота, на два года старше меня – ладная и пухленькая, как сдобная булочка, с золотыми как солнце кудрями и огромными синими глазами, невинными, как у ребенка. Но невинностью-то она не отличалась, и поговаривали, что во всем Дэнло не найти второй такой кокетки. Эйвота всегда относилась к мужчинам так мягко и игриво, что, возможно, своей приветливостью и дала этому человеку Ансельма некий повод. Но сейчас, когда наверху стонал ее раненый муж Хродерав, она казалась испуганной и по-настоящему раскаявшейся.

– Что вы думаете предпринять, госпожа? – спросил Цедрик.

Видит Бог, я понятия не имела. Но меня пугала воинственность Утрэда и других мужчин, и я не ведала, как их усмирить. Я надеялась, что мудрый рив сам предложит мне, как лучше уладить дело. И он предложил:

– Миледи, я думаю, вам, как наследнице родовых земель, имеет смысл обратиться с жалобой к самому королю.

Тут я перестала теревить косу и в упор поглядела на него. И так, зря я надеялась на рива. По сути он был диким человеком и все еще мечтал о старых саксонских вольностях. Неужели же он не понимает, что Генрих Боклерк скорее прислушается к словам всеми уважаемого ученого Ансельма, нежели к лепету несовершеннолетней послушницы, да еще и подопечной аббата? Да и где это видано, чтобы женщина поднимала голос в защиту своих прав?

– А нам говорили, что Генрих Нормандский не жалуется церковников, – уныло заметил Цедрик.

Я тоже это слышала. Настоятельница Бриджит не раз сокрушалась по этому поводу. Но все одно – король в последнее время почти не навещает Англию, живет за морем, а без защитника, который бы проводил меня к его величеству и взялся отстаивать мои права, не имеет смысла и пытаться.

– Вот-вот, – вдруг оживился Цедрик. – Вам нужен такой сильный мужчина в качестве покровителя. И разве в Дэнло не найдется ни одного доброго саксонского тана, чтобы замолвить слово за внучку славного Хэрварда?

Они все оживились, загалдели. Я не могла понять, что их так воодушевило, пока Цедрик не пояснил. Они хотят, чтобы я пошла к какому-нибудь благородному саксу и попросила у него защиты. И мне пришлось объяснять им, что эта защита будет законной, только если мой новый опекун выкупит право на меня у короля. А кто сможет тягаться с таким богачом, как Ансельм?

– Что, если вы обратитесь к благородному Бранду сыну Орма? – заметил кто-то. – Он элдерман³⁹ среди саксов и очень состоятельный человек.

Мы с Цедриком переглянулись. Пусть Бранд и богат, но он в свое время слишком часто восставал против короля и его вряд ли захотят слушать. Если же попросить защиты у нормандских вельмож...

– Ну это все равно что отдать нашу красавицу, как ягненка волкам, – проворчала старая Труда, жена Цедрика, и рив кивнул.

– Да уж... Это как из огня да в полымя. Но что вы, леди Гита, красавица – тут Труда права. Он хитро прищурился.

– Красавица, хозяйка земель, да еще и внучка славного Хэрварда. Разве это плохое приданое? Что, если вам, миледи, выйти замуж? Тут уж и у Ансельма руки до вас не дотянутся.

Я испугалась. Сказала лишь, что пока опекунские права на меня остаются у Ансельма, подобный брак признают недействительным и, в лучшем случае, муж получит только меня, но не мои владения.

– Это как посмотреть, – не унимался Цедрик. – Есть ведь в наших краях сильные таны, которые смогут отстоять и вас, и ваше приданое с оружием в руках. Хорса из Фелинга, например. Норманны боятся его, и он смеет ставить на место самого Ансельма.

И опять они одобрительно загалдели. Меня же вдруг обуяла злость. Что о себе возомнили эти простолюдины? Довели до пролития крови и считают, что я отдам себя в жертву, только бы их избавили от оброка и позволили отстроить свои хижинки?

Но тут неожиданно подала голос Эйвота.

– О нет, нет, только не Хорса. Он злой и похотливый человек. С женщинами он груб. И леди Гита не для него.

Она выглядела столь возмущенной, что у меня возникло ощущение, будто красотке Эйвоте уже доводилось иметь дело с этим Хорсой. Но Цедрик только разгневался на дочь за вмешательство, стал ворчать, что будь его дочь поскромнее да поумнее...

– Отец, Эйвота права, – вмешался Утрэд. – Хорса – хищник, и не ему владеть нашей феей из фэнленда. К тому же всем известно, что в его доме уже живут три жены по датскому старому закону. Все три несчастны, и ни с одной он не обвенчан. И отдать ему четвертой нашу Гиту?..

³⁹ Элдерман – глава местной знати.

– Молчи! – сухо оборвал его отец. – Я знаю, чего бы ты хотел. Тебе бы только сцепиться с этим Уло.

– Ну я не прочь, клянусь Святым Дунстаном. Однако...

Он вышел вперед и присел передо мной на корточки. Небритый, с заплетенными в косицу волосами, весь в металлических бляхах. Воин. Но глаза участливые, потеплевшие.

– Видит Бог, миледи, кто бы вам подошел как муж и защитник, так только наш эрл Эдгар Армстронг.

Я вцепилась обеими руками в скамейку. У меня закружилась голова. И стало жарко – прямо как святому Лаврентию на раскаленной решетке.

– Что ты говоришь, Утрэд? – расслышала я голос рива. – Ведь Эдгар Армстронг уже женат. Леди Риган, вдова его брата, стала его хозяйкой.

Я закрыла глаза. Почему-то ранее я никогда не думала, что у шерифа уже есть жена. А ведь это так естественно. Однако Эдгар всегда приезжал один, и я надеялась... почти внушила себе, что у него нет возлюбленной... жены.

– Леди Риган? – услышала я удивленный голос солдата. – Она не жена эрла. Конечно, она все еще живет в усадьбе Незерби, и, как я знаю, они весьма ладят. Но меж ними ничего нет, я служу леди Риган и могу поручиться в этом.

Я наконец перевела дыхание.

– Вы все слишком много на себя берете. Или забыли, что я никогда не собиралась быть ничьей невестой, кроме нашего Господа?

Они примолкли, выглядели обескураженными, расстроенными. Только не Утрэд.

– Миледи, вы просто не поняли. Вас отдали в обитель Святой Хильды, когда вы были еще несмышленищем. Теперь же вы выросли, стали женщиной и красавицей. Сам Бог бы велел вам выйти замуж и рожать детей, дабы продлить род славного Хэрварда. А Эдгар Армстронг... Лучшего супруга вам не сыскать. Я-то его знаю и, простите, частенько подумывал – вот была бы славная пара, он и наша хозяйка. И он в милости у короля, он правит графством и очень богат. Уж он-то сумел бы поставить толстобрюхого Ансельма на место.

У меня душа пела от его слов. И в то же время я ощущала страх. А они все развеселились, зашумели, стали лестно отзываться об Эдгаре – вот это герцога, вот это рыцарь, истинный потомок Гарольда Годвинсона.

Так продолжалось, пока я не вскочила с места.

– Вы все с ума сошли! Надышались туманом в болотах! Неужели же вы думаете, что если на то будет ваша воля, я сразу пойду к Эдгару Армстронгу и скажу – хочу стать вашей женой. Только разделайтесь с Ансельмом – и я ваша.

– А почему бы и нет? – удивился Цедрик. – Клянусь всеми духами фэнов – это была бы славная сделка!

И он начал перечислять, загибая пальцы, – рив неплохо умел считать. Итак: Эдгара устроит брак со мной, во-первых, потому, что на севере его земли почти граничат с моими и это сулит ему расширение владений; во-вторых, у нас добывают кремь, есть строительный лес, а он возводит замок и ему все это пригодилось бы; в-третьих, через мои земли идет прямой путь в Нортгемптоншир, откуда он возит камень, но у него значительные расходы по перевозке, так как Ансельм не позволяет ему ездить через фэны. В-четвертых, доход с моих земель – с рыбной ловли, солеварен, с пашен и заливных пастбищ составляет...

– Замолчи, Цедрик!

Я повернулась к Утрэду.

– Ты сказал, что шериф Эдгар будет в Незерби только к Рождеству?

– Это уже скоро, – заметил он, улыбаясь. – Таны соберутся в Незерби, чтобы по старинке отметить йоль⁴⁰, как и положено в Дэнло. А Эдгар не отменял старый обычай.

– Что ж, тогда я поеду к нему, когда пройдут праздники, – сказала я, вставая. – Но не унижаться и не предлагать себя в жены. Я поеду к нему как к представителю королевской власти в Норфолке, как к благородному человеку и саксу, в конце концов. Я поведаю ему о вашей беде, буду на коленях умолять помочь. Вы же пока должны затаиться, чтобы – Боже упаси! – не вступить в стычку с людьми Уло, дабы и помысла не могло возникнуть, что вы готовите мятеж. Иначе шериф Эдгар вместо того, чтобы помочь, вынужден будет усмирять вас. Если же вы взбунтуетесь... Есть старая пословица: не будите спящую собаку. Последуйте же ей. Думаю, на период рождественских празднеств Уло сам не осмелится напасть на вас, ибо нет большего греха, чем обагрить кровью оружие во время Божьего перемирия. Он должен это понимать, если не глупец, и сообразит, что иначе он сам настроит против себя и закон, и Церковь.

– А если глупец? – спросил Утрэд, глядя на меня исподлобья.

Но я не думала об Уло. Я думала об Эдгаре. Почему я так воспротивилась тому, что предлагали мои люди? О Пречистая Матерь! – да потому, что это было постыдно! И потому, что я испугалась того, как сильно сама хочу этого. У меня даже вспотели ладони, такое смятение было в душе.

Все же я постаралась взять себя в руки.

– Я все сказала. Вы не можете обвинить меня в том, что я вела себя не как добрая госпожа. А теперь мне пора возвращаться в обитель. Идем, Утрэд.

Я вышла из дымной башни, стояла, ожидая, пока Утрэд простится. Он задерживался, я слышала его рычащий голос, что-то втолковывающий моим людям. Кажется, он говорил, что следует подчиниться, раз уж они почитают меня как госпожу. Я все слышала, ибо Ансельм позаботился забрать из башни все. Даже двери снимали, и вход был сейчас попросту занавешен шкурами. Стараниями аббата и подъемный мост не работал. И сейчас я стояла на этом мосту, держась за цепь неисправного механизма. Забытая, заброшенная башня славного Хэрварда...

Вокруг по-прежнему было темно. Я еле различала воды озера, а противоположный берег и вовсе пропал в тумане. Какой-то звук привлек мое внимание, словно бы где-то заржала лошадь. Я прислушалась. Нет, все тихо. Я плотнее укуталась в плащ Утрэда, он был из толстой шерсти с ворсом и такой длинный, что его полы волочились по земле.

Я стояла как раз на том месте, где деревянные брусья моста ложились на насыпь дамбы. Когда-то по этой дамбе к башне прискакали воины, которые убили моего деда. До сих пор люди гадали: сделано это было по воле нормандских баронов, решивших раз и навсегда покончить со знаменитым бунтовщиком, или на то был приказ короля. Ведь Хэрвард тогда уже несколько лет жил в мире, занимался хозяйством, женился, родил моего отца. Да и не молод он был уже. И все же песня гласит: когда на него напали псы– норманны, Хэрвард сражался так, что уложил пятнадцать вооруженных воинов. Он бился копьем, пока оно не сломалось, сражался мечом, пока и его не перерубили, потом отбивался рукоятью меча... пока в него не вонзилось четыре дротика. Хэрвард упал на колени, но успел схватить брошенный щит, ударом в лицо убил им норманна и только затем испустил дух. Во мне текла кровь этого человека.

Неожиданно меня вновь отвлекли от размышления звуки в тумане. Странно, я ничего не видела, лишь какие-то колебания... и вдруг... Я не поверила своим глазам. Они появлялись, как тени, как призраки – воины в шлемах и с обнаженными мечами. Словно события, о которых я только что вспоминала, повторялись – норманны крались в Тауэр-Вейк!

⁴⁰ Йоль – празднование зимнего солнцестояния у потомков скандинавов. Корни этого праздника восходят к языческим временам, и по сроку йоль совпадает с христианским Рождеством.

Их было много – все новые силуэты выплывали из тумана. А впереди шел предводитель в длинной кольчуге. И я поняла – это Уло и его приспешники, люди аббата Ансельма. Они явились докончить начатое, уничтожить мятежников в их башне. Еще пришла мысль, что они хотят сделать это прямо сейчас, до рождественского перемирия, чтобы их не в чем было упрекнуть, а для всех это будет выглядеть как кара восставшим.

Наверное, я испугалась. Но еще более ощутила гнев. Шагнула вперед.

– Как вы посмели?!

Мой громкий голос неожиданно разрезал тишину ночи.

– Как посмели?! Немедленно убирайтесь с моей земли!

Они ожидали чего угодно, но только не этого. Я видела, как Уло даже попятился в первый миг. И это придало мне сил.

– Я здесь хозяйка и повелеваю – во имя Бога и Его Пречистой Матери вложите мечи в ножны и удалитесь. Иначе, клянусь памятью Хэрварда, весть о вашем разбое распространится на все земли Дэнло!

Они постепенно пришли в себя.

– Кто она? – спросил кто-то.

И другой голос ответил:

– Это хозяйка. Гита из обители Святой Хильды.

– Монахиня?

Я видела, как Уло перехватил поудобнее меч. Даже различила его улыбку под наносником шлема, когда он, не сводя с меня взгляда, обращался к своим людям:

– Чего вы оробели? Эта девчонка несовершеннолетняя и подопечная Ансельма. Он же велел навести тут порядок до празднеств. Так что смелее. А эта госпожа... Ха! Она всего лишь отродье бандита Хэрварда.

– Сам ты отродье сатаны! – услышала я за собой рычащий голос Утрэда.

Я оглянулась. Они все были здесь. С тесаками, лезвиями от вил, топорами. Я услышала, как Цедрик сказал дочери:

– Беги наверх, Эйвота, поспеши зажечь огонь на башне.

Я знала – это сигнал. Жители фэнов увидят свет на Тауэр-Вейк, кинутся на подмогу, и тогда пришельцам не избежать мести. Они окажутся в ловушке, их убьют. А потом явятся карательные войска, чтобы отомстить восставшим за пролитие крови.

Этот же глупец Уло только распалаял своих людей:

– Чего попятитесь? Эта девка и ее смерды – мятежники. Псы, болотные саксонские свиньи, которые посмели воспротивиться воле преподобного Ансельма и...

– Ах ты, нормандский пес! – разозлился Цедрик, наступая и перехватывая поудобнее топор.

Я остановила его.

– Назад!

Я сама была в гневе, но старалась сдерживаться.

– С чего вы, воины, решили, что имеете право тявкать на моих людей, словно собаки на овец? Вы пришли с оружием – и это в самый канун рождественского мира. Даже Ансельм отречется от вас, если вы нарушите закон, и сам поспешит отдать вас в руки шерифа Эдгара, когда станет ведомо, что вы спровоцировали резню.

Уло расхохотался. Теперь он стоял прямо передо мной.

– А кто узнает, что здесь было? Фэны хорошо хранят свои тайны. Мы утопим ваши изрезанные тела в болотной жиже. И ваше, красотка. Но сперва я узнаю, такая же дыра меж ног госпожи, как у ее саксонских рабынь...

Дальнейшее произошло мгновенно. Рык – и, словно темный дух, мимо пронесся Утрэд. Уло только что стоял с мечом, а вот он уже на коленях, и мой солдат занес над ним нож.

– Иду помнишь, убийца?

Взмах ножа – и я вижу, как неестественно откинулась голова норманна и темная кровь брызнула на меня из отверстой раны на его шее.

Я закричала.

А потом... Меня оттолкнули. Лязг железа, запах крови, крики, мелькание тел в тумане. Кто-то упал с дамбы в воду. А из мрака, из темноты фэнов слышались крики, мелькали огни. Бойня, трупы, кто-то побежал, и меня опять толкнули. Старый Цедрик потащил меня назад в башню, обхватив поперек туловища. Я и не знала, как силен старый рив.

– Побудьте здесь, госпожа.

Он почти бросил меня на пол и кинулся назад, в гущу схватки на дамбе.

Меня трясло. Надо было это остановить. Как? Я не знала. Хотела выскочить, но Труда удержала меня.

– Не вмешивайтесь, леди Гита. Мужчины знают, что делают. Так было всегда. На йоль и в старину приносили жертвы.

Я даже различила в полумраке ее торжествующую улыбку.

– Ты не понимаешь! – кричала я. – Это безбожно...

– Все я понимаю. И молодец Утрэд, отомстил за свою девушку.

Гул снаружи все усиливался. И отовсюду, со всех сторон, долетал старый саксонский клич:

– Белый дракон! Белый дракон за старую Англию!

Сверху по огибавшей стену лестнице спускалась Эйвота. В руке пылающий факел, а вид торжественный, словно у языческой жрицы. И она улыбалась.

– Фэны поднялись!

* * *

На Рождество в монастыре Святой Хильды всегда бывало весело. Стены украшались ветками омелы и вечнозеленого остролиста с красными ягодами. Приходили дети и пели кэролы⁴¹, а монахини готовили все необходимое для постановки рождественского миракля⁴². Потом являлись ряженые и начиналось Рождество – праздник, когда весь мир ликует и люди ждут перемен к лучшему, строят планы, гадают. И конечно, веселятся.

Я же сидела у огня в старой башне Хэрварда, глядела, как пробегают язычки пламени по святочному полену, ощущала голод, тоску... и страх. Вся моя жизнь, так заботливо устроенная родителями, спокойное и безбедное существование в обители – все исчезло в тот единый миг, когда я вышла из монастыря, шагнула в туман и тьму зимней ночи.

В семнадцать лет многие мечтают о переменах. Но в моей жизни все изменилось так круто, что теперь я страстно желала одного – вновь оказаться под защитой стен обители. Ведь я любила книги, любила размеренный уклад монастыря, уверенность, что у меня, слабой женщины, всегда будет стол и кров и забота сестер-бенедиктинок. Ранее я так ясно видела свой жизненный путь: я стану ученой, мудрой и уважаемой монахиней, буду молиться о грешниках, лечить больных, вникать в дела монастырского хозяйства. И однажды сделаюсь аббатисой. И вот теперь все рухнуло.

– *Alea jacta est*⁴³, – порой повторяла я обреченно.

Рив Цедрик спрашивал, что означает эта фраза, но я молчала. Понимала, что судьба моя решилась без моей воли, и была растерянна.

⁴¹ Кэролы – рождественские песнопения, исполняются в церквях и на улицах для сбора пожертвований.

⁴² Пьесы религиозного содержания о чудесах, совершенных Девой Марией и святыми.

⁴³ Жребий брошен (*лат.*).

После бойни у башни Хэрварда не могло быть и речи о моем возвращении в монастырь. Я уже не успевала, да и была слишком потрясена случившимся. А потом настало светлое Рождество, и на меня опустилась тоска. Я не могла вернуться к прежнему укладу жизни, так как понимала, что, вернувшись в обитель, вряд ли отделаюсь розгами или отсидкой в карцере. Порой я думала об Отилии, гадала, как она объяснила сестрам мое исчезновение и чем это для нее обернулось. И еще я понимала, что весть о мятеже уже дошла до обители и всем стало ясно, что я примкнула к восставшим. Поэтому, надумай я вернуться, меня тут же отправили бы к опекуну, аббату Ансельму. А об этом мне и подумать было страшно. Вот и выходило – жребий брошен.

Когда прошла эйфория победы над людьми Уло, моих крестьян тоже охватила растерянность. У нас было двенадцать дней Божьего перемирия, но все понимали, что потом снова будет пролита кровь. Ведь через фэны уже дошла весть, что аббат Ансельм послал отряды в наш край. Они пока не идут в наступление, но занимают все соседние городки и крепости, подкупают проводников из местных жителей. Цедрик, правда, хорохорился, говорил, что фэны всегда служили надежным убежищем саксам. Но со времен последнего мятежа прошло немало лет, и тропы на болотах стали известны и норманнам. Рано или поздно люди Ансельма нагрянут в Тауэр-Вейк.

Мне было страшно. Но, вместе с тем, я понимала, что аббат был не прав, обрекая людей на голод и тем самым толкая к мятежу. А за эти несколько дней я узнала, в какой нищете жили мои крестьяне. Мы ели только угрей, а когда похолодало и болота промерзли, и их не стало. Луковицы и сырая вода, да еще лепешки из грубой муки – вот все, чем мы могли попить на это Рождество. И каждое утро я просыпалась от скрежета каменного пестика, которым старая Труда толкла в ступе горсть зерна. И это были единственные звуки в тиши холодных фэнов, если не считать отдаленных ударов молота в кузнице – мой кузнец Абба ковал оружие для повстанцев.

Возвращаясь после обхода округи, старый рив становился словоохотлив. По его словам, не случилось ничего особенного. Крестьяне защитили свою молодую госпожу от домогательств похотливого мерзавца – вот и все. Да за это сам опекун девушки должен их наградить!

Воистину, наивность этих людей была потрясающая! И однажды я не выдержала.

– Я поеду к шерифу Эдгару!

Все вокруг оживились. Утрэд тут же собрался в дорогу.

– Вернусь через два дня.

Он улыбался.

– Самое время будет, если мы попадем к герцефу в конце йоля. Ведь йоль – грубый мужской праздник. Лучше бы вам это не видеть.

И он уехал предупредить шерифа. Я же... Подумать страшно! – я еду предлагать руку и сердце мужчине, которого совсем не знаю. Что, если он попросту рассмеется мне в лицо? Или велит схватить меня – мятежницу из фэнов? Ну а если все получится и он решит, что я подходящая невеста?..

Все вокруг не сомневались, что так и будет. Постепенно и во мне появилась надежда. Чем я не подхожу Эдгару? Я молода, хорошего рода, богата. Последнее имело наиважнейшее значение. Ведь я еду, по сути, заключать брачную сделку, а совершать сделки я научилась еще в монастыре. И я внимательно выслушивала отчеты Цедрика о своих землях, а сама все спрашивала об Эдгаре Армстронге. Мне нужно было знать этого человека, знать, что его интересует. Да и когда еще я могла дать волю своему любопытству, получить ответы на вопросы, которые носила в душе.

Но рив Цедрик видел только деловые стороны нашего союза. И уточнял, о чем мне надо говорить с герцефом: о прекрасных лугах и выгонах в моих владениях, о стадах овец, о дороге, которая ведет через фэны.

Но помимо разговоров с Цедриком меня кое в чем просвещала и Эйвота. Эта яблочносдобная златокудрая красотка знала толк в мужчинах... и в том, как их прельщать. И вот, когда мы перед сном жевали сухие лепешки, она доверительно рассказывала мне, как вести себя с женихом, как глянуть, как отвести глаза, когда улыбнуться.

– И не пугайтесь, госпожа, если он захочет пощупать вас руками. Конечно, в обители вам внушали, что это грех. Но Господь создал женщину, чтобы дать усладу мужчине. А ласки мужчин... – она протяжно вздыхала, улыбалась. – Вы не должны этого бояться. Дайте подержаться за себя. А он это непременно захочет. Вы ведь что фея, только во плоти. И пусть уж он ощутит, что ему предлагают. Худенькая вы только, право... Но грудь у вас округлая, красивая. О, миледи, вы не сердитесь на меня за эти речи?

Я старалась сдерживать себя. Уж если я решилась... К тому же мне самой было так интересно, у меня даже в горле пересыхало. Эдгар коснется меня... У меня красивая грудь...

– Продолжай, – спокойно кивала я.

– Вас в Святой Хильде этому не учили, – с деловым видом говорила Эйвота. – Так вот что я скажу – женщине счастье, когда ее хотят. Только, упаси Боже, не вырывайтесь. Иначе он решит, что вы строптивница, а мужчины не любят таких. Будьте с ним покорной, ласковой.

– Но если он... – я начинала запинаться, – ...если он захочет обесчестить меня?

– Обесчестить? – фыркала Эйвота. – Что такое честь? Нечто у нас в лоне? И если он захочет опробовать вас... обесчестить, как вы это называете, то скажу, что это даже к лучшему. Ведь не посмеет же он бросить вас потом! Вы ведь не его дворовая рабыня, вы – внучка Хэрварда и самая настоящая леди. А уж как он ласков...

– Откуда ты знаешь?

Я даже сердилась. Неужели эта девка и мой будущий муж...

Эйвота смеялась, уходила от ответа. Вновь начинала поучать меня. Порой я спрашивала себя – следует ли мне ее слушать? Но мне это нравилось. Да и у кого еще я могла спросить об этом? Не у Цедрика же.

«Любовь – это война, в ней нет места трусам.

Когда ее знамена взмывают вверх, герои готовятся к бою».

Как же теперь я понимала эти строки из Овидия! Ибо как бы ни рассчитывали на меня мои люди, им никогда не удалось бы уговорить меня пойти с подобным предложением к Эдгару, если бы я сама не захотела этого, не захотела использовать свой шанс добиться его. Оказывается, я любила его, только страшилась признаться себе в этом. Но теперь я словно прозрела. Мое чувство удивляло и радовало меня. И я стану женой того, кого люблю. Сама судьба подвела меня к этому.

К вечеру второго дня Утрэд вернулся.

– Мы можем ехать, – сказал он. – И чем скорее, тем лучше. В округе идет движение, в Даунхем прибыли вооруженные люди Ансельма, поговаривают, что и сам он прибудет, когда закончатся празднества. А эрл Эдгар сейчас пирует у себя в усадьбе. Хорошо пирует, – усмехнулся Утрэд. – Но я переговорил с леди Риган, объяснил, что у нас важное дело к шерифу.

В этот вечер Эйвота нагрела воды, и хотя в башне было холодно, я тщательно выкупалась и как следует вымыла голову. Старая Труда долго расчесывала мои волосы.

– Чисто серебряная пряжа, клянусь былой невинностью. Наверняка эрл Эдгар попадет в ваши волосы, словно в силки.

Мне были приятны подобные речи. И я уже не сомневалась, что добьюсь своего.

На другой день мы тронулись в путь. На мне было мое монастырское одеяние, которое старательно выстирали и выгладили. Местный кузнец Абба подарил мне пряжку для ворота, а вдова, изготовлявшая плащи из шкур, подбила мою пелерину полосками меха выдры. Я ехала к Эдгару, как невеста, и меня провожала целая свита. Однако выходить за пределы фэнленда они не решились. Остались у границы моей земли близ церкви Святого Дунстана, махали руками,

благословляли. Отец Мартин уже знал, в чем дело, и тоже благословил меня. Мы вновь одолжили у него бурую кобылку, а Утрэд ехал на гнедой лошади одного из убитых людей Уло. По дороге он рассказывал мне о замке, какой строил шериф, – Гронвуд-Кастле, о том, что новый замок будет чем-то невиданным в наших краях, что там трудятся сотни людей и даже мои сервы порой подрабатывают там.

К Гронвуду мы подъехали далеко за полдень. Здесь решили сделать остановку. По правде сказать, я в ней очень нуждалась. Я не была такой наездницей, как Утрэд, и спина, ноги и сиделище у меня отчаянно ныли.

Кое-как выбравшись из седла, я устроилась на обрубке бревна и принялась жевать свою лепешку. Утрэд раздобыл где-то миску каши, которую я проглотила с жадностью – ведь в последнее время я отчаянно голодала. Настоящей сытости не наступило, но голод уже не так донимал меня, и я стала слушать рассказы моего спутника о том, что работников на строительстве неплохо содержат, и те, кто остался тут на зиму, живут припеваючи. Да и работы еще непочатый край – вон с каким размахом взялся за дело шериф.

Прямо передо мной высилась начатая башня – главное строение будущего замка. По местной традиции она возводилась шестиугольной, стояла на мощном фундаменте с подвальными помещениями, а ввысь футов на тридцать уже поднимались гладкие стены из известняка. Уже была завершена арка главного входа, украшенная узорчатым архивольтом⁴⁴ с резными колоннами по обе стороны, но, если судить по количеству штабелей заготовленных материалов – камня, бревен, досок и извести, – до окончания работ еще далеко. Вокруг серели громады возводимых стен с выступающими по углам боевыми башнями. Их верхний срез, как и у главной башни, был покрыт сеном и навозом, чтобы уберечь от мороза еще свежий раствор.

К нам приблизился хорошо одетый молодой мужчина, угостил меня круглыми рождественскими пряниками.

– Где ты отыскал такое чудо, Утрэд? – говорил он, улыбаясь, и в его речи слышался легкий иноземный акцент. – Настоящая серебристая фея из тумана.

Я смутилась, хотя и говорила себе, что следует научиться не бояться мужчин. Да и Утрэд держался с ним приветливо, представил мне его как Саймона Француза – главного мастера на стройке. Я стала расспрашивать его о работах. Он удивился.

– А вас это интересует?

Конечно, раз я собираюсь стать тут госпожой. Но ему-то я этого не сказала. Польщенный моим вниманием, мастер охотно стал объяснять. Строительные работы всегда замирают за месяц до Рождества, ибо построенные зимой стены обычно разваливаются. Дело даже не в холодах, а в том, что перерыв на несколько месяцев дает раствору возможность осесть. Иначе нижние ряды кладки, в которых раствор еще не затвердел, не выдержат огромного веса верхних и деформируются. Все, что можно сделать зимой, – это заготовить лес и тесаные блоки известняка к следующему сезону.

Этот парень знал свое дело, и я невольно заслушалась. К тому же на стройке и вокруг царил такая добрая, праздничная атмосфера. Я видела домики строителей, украшенные рождественским плющом, видела весело играющих ребятишек, слышала запахи стряпни. Здесь царил самое что ни на есть рождественские настроения, и никто из этих людей не знал, что севернее, в фэнах, назревает мятеж, а я, по сути, являюсь его главой. Даже мое имя им ничего не говорило, они просто поздравили меня с Рождеством и пожелали счастливого пути.

Если от Гронвуда я уехала умиротворенная, то с каждой милей, приближавшей нас к Незерби, меня все более охватывал страх. Я то и дело просила помощи у всех святых, жизнеописания которых учила все эти годы.

Утрэд тоже волновался, но пытался бодриться.

⁴⁴ Архивольт – каменный резной бордюр, обрамляющий арку двери или окон.

– Взгляните вокруг, миледи. Какие тут тучные нивы, какие густые рощи. Если малость повезет... – он тут же поправился: – Если Господь поможет, то все это вскоре станет вашим!

Солнце уже висело над горизонтом – морозное, багряное, разливавшее яркие полосы света среди лиловых облаков. Вокруг лежали бескрайние, припорошенные выпавшим после Рождества снегом чистые поля. То тут, то там светились огоньки жилищ, к небу тянулись струйки фиолетового дыма. В другое время мне бы понравилась эта картина, но сейчас этот ничем не нарушаемый покой только раздражал. Будь сейчас буря, ветер, снег – это бы больше соответствовало тому, что я испытывала. И когда Утрэд указал кнутовищем на деревянные частоколы у реки и заявил, что это Незерби, я даже заколебалась – не повернуть ли назад?

«Любовь – это война, и в ней нет места трусам».

А я ехала бороться за свою любовь. И гордо вскинула голову.

Во дворе бурга Незерби горели огни, суетились слуги. Утрэд спешил и помог мне слезть с седла. Я пошатнулась – от долгой езды верхом все тело онемело. И еще я услышала ароматы кухни и поняла, что вновь голодна.

Расспросив у челяди о леди Риган, Утрэд повел меня в сторону от главных построек, туда, где возвышалась кухня. Над ее пирамидальной кровлей поднимался густой дым.

– Погоди, Утрэд. Зачем нам леди Риган? Мне нужно увидеться с шерифом.

Утрэд замялся, почесал щеку концом кнутовища.

– Дело в том... В общем, йоль принято отмечать одним мужчинам. Если же там появится женщина, могут подумать... Э-э...

Он мялся, а я начала сердиться.

– Говори, во имя всего святого! Если что-то не так, то я вообще не понимаю, зачем мы приехали.

– Ладно, – он махнул рукой. – Все равно иного выхода у нас нет. Но сначала я сведу вас с леди Риган, а уж она разберется, как быть. Ведь я говорил ей о вас.

Леди Риган – женщина, которая живет в доме эрла Эдгара как его хозяйка. Почему? Ведь она всего-навсего вдова его брата. Бесплодная вдова, а значит, не заслуживающая уважения женщина, не исполнившая своего основного долга, не родившая мужу наследника. Но Утрэд говорил о ней с почтением, и получалось, что моя судьба зависела от нее. Я уже испытывала неприязнь к этой женщине, даже тайно ревновала. Что нашел в ней Эдгар, раз оставил при себе и дал все права хозяйки?

Однако, увидев леди Риган, я успокоилась. Эта женщина оказалась стара и некрасива. Но это была настоящая дама. Даже настоятельница Бриджит не умела держаться с таким достоинством. Леди Риган же стояла среди кухонной суеты, как королева. Крепкая, надменная, властно отдававшая распоряжения. Вокруг чадили огни, что-то готовилось, повара проносили на вертелах огромные туши, тут же разделявали мясо, толкли в ступах, громыхали котлами и сковородами. И всем тут управляла эта некрасивая толстуха. Но как она была одета! В платье из самого дорогого синего сукна с серебряной вышивкой по подолу. Голову ее украшал обруч, обтянутый синим бархатом и расшитый речным жемчугом, а на плечи ниспадало легкое шелковое покрывало. Клянусь небом, мне еще ни разу не доводилось видеть столь нарядной женщины – и это на кухне!

Я заметила, как Утрэд приблизился к ней, стал что-то говорить. Слуги проносили мимо огромное, как щит, блюдо с залитой соусом свининой – на меня прикрикнули, оттолкнули к стене. Я испугалась, почувствовав себя здесь не к месту. И наверное, такой вот – растерявшейся, затравленно озирающейся, ничтожной – предстала я перед леди Риган. Ее темные глаза осмотрели меня с ног до головы.

– Это и есть твоя хозяйка, Утрэд?

Нас тут же окружили любопытные, но леди Риган сердито на них прикрикнула:

– Разве вам нечем заняться? Я слышу, что-то пригорает.

Она повернулась к Утрэду, велев ему остаться здесь и перекусить с дороги, а меня жестом пригласила следовать за собой.

Мы пересекли просторный двор, поднялись по наружной лестнице в стороне от главного входа и оказались в помещении с бревенчатыми стенами. Повсюду висели связки сухих трав. На столе возле очага были расставлены блюда и кувшины, к которым, похоже, еще никто не притрагивался.

Леди Риган указала мне на лавку у стола.

– Думаю, вам будет неплохо подкрепиться с дороги.

Я села, но не стала есть. Из-за двери в соседний покой доносился шум, крики, смех, брэнчание струн. Но леди Риган не спешила представить меня хозяину. Вместо этого она придвинула мне тарелку с отбивными, пюре из горошка и горку пирожков.

Я была очень голодна, но под изучающим взглядом хозяйки не могла проглотить ни кусочка. К тому же она подала мне белоснежную салфетку, столовый нож и еще какой-то предмет, наподобие маленьких вилок – это чтобы не испачкать руки, как она сказала. Нас в монастыре учили красиво и благопристойно есть, но что делать с этими вилами, я просто не знала. Она это поняла и объяснила. Однако от этого я почувствовала себя грубой мужичкой и лишь надменно поглядела на нее.

– Благодарю, но я не голодна.

– Разве? А мне показалось, что вид у вас совсем изможденный. Выпейте хоть вина – оно вернет краску вашим щекам.

Вино было темное, густое и сладкое, как ягоды. Но когда я опорожнила кубок, леди Риган глянула на меня с удивлением.

– Ого, девушка. Разве вам не говорили, что южные вина не пьют, как родниковую воду? Да еще и на голодный желудок.

Я поняла, что опять делаю что-то не так. И сердито сказала – разве не она сама предложила мне выпить? По нашим традициям, я бы проявила неуважение к хозяйке, не приняв чашу. Она отвела взгляд, пробормотав только, что совсем не то имела в виду, но теперь мне непременно следует поесть, иначе я опьянею.

– Миледи, – начала я, – мне не совсем ясно, отчего вы тут потчуете меня, а не проводите к лорду шерифу?

Тут она сказала, что еще не имела возможности переговорить о случившемся с Эдгаром. Да и сейчас время не самое подходящее, а вот через пару дней она непременно все сообщит и постарается представить меня. Я слушала ее, но в голове у меня зашумело, приятное тепло разливалось по телу, и вместе с тем появилось раздражение.

И тогда я стала объяснять, как мне нужно, чтобы Эдгар вступился за моих людей, чтобы заставил Ансельма понять, что крестьяне бедствуют и их стычка с Уло – лишь ответ на его беззакония.

Она печально глядела на меня.

– Боюсь, леди, что вы просто несмышленищ, который впервые столкнулся с тяготами жизни.

– Нет, не впервые. Я и раньше защищала своих людей. Просто я последняя в роду, и, кроме меня, больше некому за них вступить.

– Это благородно. Но разве вы прибыли только за этим?

Я возмутилась. Эта женщина явно не глупа, но по какому праву?.. И почему решила, что выполнение столь важного для меня вопроса должно откладываться по ее воле?

– Миледи, у меня каждый час на счету, я не могу ждать.

– И все же придется.

– Вы не желаете свести меня с шерифом? Тогда я пойду к нему сама.

Я попыталась встать, но она удержала меня за руку. Стала объяснять про старые обычаи на йоль, говорила, что женщинам лучше не появляться на пиру, пока мужчины не отдадут дань традициям. Я смотрела на нее, но плохо понимала. Из внутренних покоев по-прежнему долетали взрывы хохота, выкрики, хриплое пение. Этот шум мешал мне сосредоточиться на словах леди Риган. Почему-то у меня появилось ощущение, что эта женщина, имеющая на непонятных правах такую власть в усадьбе, просто не хочет, чтобы я встретила с Эдгаром. Наверное, она, старая и некрасивая, не желает, чтобы я, бог весть откуда появившаяся девчонка, встала меж ней и красавцем Эдгаром. А ведь она даже не догадывается, что я приехала, по сути, свататься. И все твердит что-то про йоль.

Я надменно поглядела на нее.

– При чем тут йоль? Нас в монастыре учили, что это старый богомерзкий обычай, сохранившийся со времен язычества.

Она странно поглядела на меня.

– Ах да, я и забыла, что вас вырастили в монастыре. И на вас монашеское одеяние. Но почему-то вы не выглядите монахиней.

И опять этот ее оценивающий, чуть насмешливый взгляд, который так меня раздражал. Я сказала:

– Я и не монахиня, миледи. И не хочу выглядеть монахиней. Конечно, у меня нет таких красивых одеяний, как у вас, но я рассчитываю понравиться эрлу Эдгару.

Ее брови изумленно взметнулись. В глазах насмешка. У меня путались мысли, но я поняла, что сказала что-то не то. По крайней мере, ранее я не собиралась ей это говорить.

– Во имя Господа! – улыбнулась Риган. – Итак, вы, птенчик, рассчитываете пленить Эдгара Армстронга? Для того чтобы он взял вашу сторону в мятеже?

– А вы были бы против?

– Воистину так. Незачем ему впутываться в это дело. Он и так не в ладах с аббатом из Бери-Сент-Эдмундса. Я даже не знаю теперь – имеет ли мне смысл устраивать вашу встречу. Вы мятежница, девушка, и то, во что вы хотите его вовлечь...

– Так вы против? О, я поняла это сразу! А если я скажу, что прибыла составить с Эдгаром договор о браке меж нами? У меня нет ни отца, ни иного старшего родственника, чтобы сделать это за меня, а мой опекун Ансельм – мой враг, и только Эдгар сможет защитить меня...

Кажется, я опьянела. Говорила то, что и не намеревалась. И говорила несвязно, путано объясняя зачем-то ей, как Эдгару будет выгоден брак со мной. Но леди Риган меня перебила.

– Вот что, дитя, у тебя ничего из этого не получится.

– Отчего же? Из-за вас? Вы сами решили женить его на себе?

Ее лицо побледнело. Она встала.

– Вижу, либо вы пьяны, либо вас в монастыре не научили хорошим манерам. Что же до меня и Эдгара... Скажу только, что есть немало дам и девиц, какие хотели бы видеть его своим супругом, но у них нет на это шансов. Как нет ни у меня, ни у вас.

– Мне надо встретиться с ним! – почти кричала я.

Резко встала и шагнула к двери во внутренние покои. Но леди Риган опередила меня, загородила дверь.

– Ради Бога, не надо туда входить. Это для вашего же блага. Вспомните, в вас течет кровь великого Хэрварда, и вы не должны себя вести, как беспутная девка.

– Слышите? – прервала я ее.

Там за дверью, куда она не желала меня впускать, раздавалось пение. И пели о моем деде Хэрварде.

Я вдруг ощутила прилив какой-то безрассудной отваги.

– Вы не посмеете помешать мне, леди Риган. Там мои собратья саксы. И они славят Хэрварда. Так что пропустите меня, если не желаете, чтобы я учинила скандал.

Что бы я учинила, уж не знаю. Но, кажется, готова была на что угодно. И поняла ли это Риган или ей просто надоело бороться с опьяневшей послушницей, но она неожиданно отошла.

– Черт с тобой, девушка. Иди. Попробуй сама среди пьяных мужчин добиться своей частицы славы... или позора.

И я оказалась на галерее, идущей вдоль обширной саксонской залы. Замерла. Меня обдало теплом, дымом, запахами жаркого, вин и разгоряченных тел. Я вцепилась в перила, смотрела.

В двух очагах пылало высокое пламя, его отблески освещали резные столбы залы, заваленные снедью столы и людей за ними. Бородатых, пирующих, поющих, смеющихся. Сквозь завитки дыма я смотрела на них и постепенно поняла, что здесь одни мужчины и мужчины эти изрядно навеселе. Более того – сильно пьяны. Я видела, как они опорожняют огромные кубки, что-то кричат, едят. Кто-то боролся, кто-то пытался плясать. Иные спали, уронив головы в тарелки с объедками.

Я испугалась, у меня даже появилось желание вернуться, убежать... Но тут я увидела Эдгара. Он сидел во главе длинного стола и смеялся. Я не смогла отвести от него взгляд – таким красивым показался он мне, словно окутанным золотым сиянием. Пламя очага бросало золотые отблески на его волосы, отросшие и небрежными завитками обрамлявшие лицо и шею, на его свободную рубаху, сшитую из какого-то необычного переливчатого материала. И его лучезарная, сияющая улыбка.

Я прижала руку к груди, где бешено колотилось сердце. Разум подсказывал, что лучше уйти, но душа моя пела, и я вдруг поняла, что должна подойти к нему... прямо сейчас. Я ведь так долго мечтала, как предстану перед ним и он наконец увидит меня... узнает, что я есть на свете и что я люблю его.

Внезапно кто-то цепко обхватил меня сзади, пьяно смеясь мне в волосы. Какой-то мальчишка. Я оттолкнула его и побежала по галерее туда, где вниз вела лестница. Теперь путь к отступлению был отрезан.

Внизу в дверь вносили блюдо с жареным кабаном.

– Тор! Тор!⁴⁵ Сейчас мы отведаем мясо твоего вепря! – кричали вокруг.

Я проскочила под блюдом, но кто-то схватил меня за руку, сорвал накидку.

– Смотрите – женщина! Тор послал нам красавицу на йоль.

– Женщина! Девка! – закричали вокруг.

Меня хватили со всех сторон. Толкали, подняли на руки, почти кидали друг другу и хохотали. Я была словно беспомощная кукла, ощущала их руки на своем теле, меня щипали, кто-то облизывал мне губы.

Я стала визжать, вырываться. Увидела перед собой чье-то худое бородатое лицо и отчаянно вцепилась в него ногтями. Незнакомец разразился проклятиями, стал заваливать меня на стол. Но рядом толпились другие, толкались, мешали ему.

Они были как черти из ада. Этого я не ожидала. Под руку мне попалась обглоданная кость, и я стала бить ею по головам.

– Пустите! Вы не смеете. Я внучка Хэрварда!

Я как-то вырвалась от них. Увертываясь, вскочила на стол и прямо по столешнице побежала, перепрыгивая через кувшины и груды снеди, туда, где сидел Эдгар. Он смеялся, будто не замечая, как они хватили меня. Похоже, он обратил на меня внимание, только когда я оказалась перед ним.

– Вот так-так, – только и молвил он, увидев меня перед собой на столе.

⁴⁵ Праздник йоль посвящен языческому богу Тору; считается, что в эти дни он скачет по небу в колеснице, запряженной кабаном с золотой щетиной, и основным ритуальным блюдом в этот период является свинина.

Я же соскочила вниз, оступилась и вмиг оказалась сидящей у него на коленях. Обняла его, прижалась. Вокруг кричали. Я же молила, едва не плача:

– Не отдавайте меня им. Ради Пречистой Девы – не отдавайте. Я ведь пришла к вам.

И вдруг почувствовала, что он поднимает меня и несет. Расталкивает их и несет меня на руках, как ребенка. Я и ощущала себя ребенком, испуганным и беззащитным. Но он уже держал меня у своей груди и мог спасти от целого света.

Он легко взбежал со мной по лестнице, мы оказались на галерее, противоположной той, откуда я вошла. Он нес меня, а внизу что-то кричали, смеялись. Но никто нас не преследовал. А потом Эдгар ударом ноги открыл дверь и мы оказались в комнате – самой роскошной комнате, какую я только могла себе представить: огонь в очаге освещал тканые драпировки на стенах, кровать на возвышении в складках вышитого полога, чан с водой, над которым поднимался пар с ароматом душистых трав. Здесь было тихо. Стало тихо после того, как Эдгар плечом захлопнул дверь и, не выпуская меня из рук, сел на шкуру, покрывавшую широкое ложе.

Он смотрел на меня восхищенно и удивленно. Убрал разметавшиеся волосы с моих щек.

– Святые угодники! Да какая же ты красавица, девочка.

Я вдруг улыбнулась счастливой глупой улыбкой. Но почему-то отметила, что он сказал это на нормандском. И сама перешла на этот язык.

– Так я нравлюсь вам?

– Ты лучшее, что я мог получить на йоль.

И тут он как-то нежно приблизил свое лицо к моему. Я так и не поняла ничего в первый миг. Только что его глаза были так близко-близко, заслоняли весь мир, потом его ресницы опустились, дыхание слилось с моим, уста сомкнулись... И я поняла, что это поцелуй. Мои губы затрепетали и разомкнулись, я ощутила вкус губ Эдгара, жар его дыхания. Мы стали едины... но меня больше не было. Я растаяла, исчезла, а весь мир превратился в жар и упоительную слабость. И где-то, словно музыка, прозвучал стон – и я с удивлением поняла, что это мой стон.

Задыхаясь, дрожа, я отскочила. Боже, как это вышло, что я так сразу сдалась? Это недопустимо... Где мой разум?

– Да ты никак девственница, моя прекрасная фея?

Как он это понял? И как мне стыдно!.. Я еле нашла силы поднять на него глаза.

– Не будьте со мной грубы, сэр. Да, я девственница.

А он вдруг расхохотался. Откинулся на ложе и смеялся, смеялся, смеялся. Это разозлило меня, но и заставило собраться.

– Мое имя Гита Вейк, – проговорила я, стараясь перекрыть его хохот. – Вы слышите, я Гита из монастыря Святой Хильды!

Все еще смеясь, он приподнялся.

– Из монастыря?

Казалось, это развеселило его еще больше.

– Я Гита, внучка Хэрварда! – почти кричала я. – Да выслушайте меня! Мне необходимо, чтобы вы женились на мне.

– Я именно это и собираюсь сделать, – вдруг сказал он. – Мы поженимся прямо сейчас.

Ничегошеньки я не понимала. Смотрела, как он поднимается. И вдруг пошатнулся, едва не упал, удержавшись за столбик полога.

– Что с вами, сэр? Вам плохо?

– Что ты, детка. Мне очень, очень хорошо. Иди ко мне.

Но я решительно затрясла головой.

– Нет, сначала выслушайте меня.

И я заговорила так поспешно, словно от того, успею ли я выложить все до конца, зависела моя жизнь. Говорила, что у меня владение в восемнадцать наделов земли⁴⁶ и хоть большая их часть находится в фэнах, но летом фэны превращаются в прекрасные пастбища и мои люди разводят там ценных тонкорунных овец. К тому же на сухих участках крестьяне накашивают столько сена, что его хватает до марта. Твердила я и о строительном лесе, о кремневых шахтах. И еще, что через мои владения проходит дорога в Нортгемптон. Ему ведь нужна эта дорога?

Внезапно я осеклась, когда Эдгар принялся стягивать через голову рубаху. Багровые блики скользили по его плечам и груди, подчеркивали мощь рук, рельефную лепку мускулов и тонкую талию.

– Что вы делаете, сэр?

– Я жду тебя, моя красавица, – он протянул ко мне руку. – Черт возьми, девочка, говорили ли тебе, какая ты красавица!

У меня голова закружилась от его слов. И еще я ощутила смущение, однако это смущение было необычным – эдакое восхитительное бесстыдство.

– Тогда, если я вам нравлюсь... Я ведь внучка Хэрварда. Вы не можете просто так обесчестить меня. Вам, сэр, придется жениться.

– Конечно, конечно.

Он прищелкнул пальцами.

– И сейчас мы выпьем за это.

У стены рядом с ложем стоял сундук с плоской крышкой, покрытый сукном. На нем я увидела блюдо с красными зимними яблоками и кувшин с вином. Эдгар, чуть пошатываясь, подошел к нему и налил в кубок, причем и пролил изрядно.

– Иди, выпьем, девочка. За твою девственность и нашу брачную ночь!

Я подошла. Боялась ли я его? Он смотрел на меня восхищенно, ласково, и меня от этого бросало то в жар, то в холод. Что со мной происходит? И почему я сама рассматриваю его, не опуская глаз? Где мой стыд? И все же его тихий хриплый голос, его сильное мускулистое тело притягивали... Мне даже хотелось дотронуться до него. И ведь он пообещал сделать меня своей женой.

Я взяла у него кубок, и он чокнулся со мной кувшином. Я собралась с духом.

– За нашу свадьбу, милорд.

– За свадьбу так за свадьбу.

Это было не то вино, каким угощала меня Риган. Оно было светлым, чуть кисловатым, но приятным. От испуга или от жара в камине, но меня мучила жажда, и я с удовольствием опорожнила кубок. Видела, как Эдгар поставил кувшин на место, смотрит на меня. И стоит так близко...

– Swete⁴⁷, – шепнул он уже по-саксонски. – Какая ты милая.

Это был мой родной язык. И от его звука все стало проще. Голова кружилась. Стены покоя словно раздвинулись, и все труднее удавалось собраться с мыслями. Я хотела только одного – чтобы Эдгар обнимал меня и чтобы это длилось вечно!

И все же я должна была сказать ему все.

– Выслушайте меня, сэр. Я не просто так пришла к вам. Аббат Ансельм мой опекун, но он разоряет моих крестьян, и они были вынуждены взяться за оружие. Вы должны помочь им, понимаете?

– Конечно, конечно. Все, что пожелаешь, моя красавица.

– Тогда вы должны запретить ему вводить войска в фэны. Должны предотвратить кровопролитие. Когда я буду вашей женой, вы будете иметь на это право.

⁴⁶ Надел – 120 акров.

⁴⁷ Милая (сакс.).

Я торопливо объясняла ему это и все время пятилась от него, так как он наступал на меня, и мы кружили вокруг лохани с водой. И как он смотрел на меня! Меня пронизывал жар от одного его взгляда. Я слабела. И в конечном итоге оказалась у стены, а он упирался в нее обеими руками, склонился, не сводя с меня особенного, покоряющего взгляда своих синих туманных глаз. И я сдалась. Со мной творилось что-то странное. Он был так близко, удерживал меня, но не касался, лишь смотрел... И смотрел так, что я почувствовала себя глубоко потрясенной. У меня слабели колени, стучало сердце, губы мои пересохли.

– Сэр, я буду вашей. Я не строптивница... Но и вы пообещайте, что защитите моих людей.

Я дрожала. Он был серьезен и не сводил глаз с моих губ. И наконец привлек меня к себе.

– Не бойся, малышка. Я буду терпелив и очень нежен с тобой...

Он снова меня поцеловал. И снова мир исчез, и я сама обняла его, робко, покорно, но уже через миг мои пальцы сплелись на его спине и я прильнула к нему. Поцелуй... Мы словно вращались в звездной ночной пустоте, где не было никого, кроме нас, кроме прикосновения губ и рук, звуков дыхания, пульсации крови...

Я и не знала, как это... как это восхитительно! Мною овладело какое-то сладкое безумие. Я касалась его волос, плеч, груди, упругих мышц живота. Я смотрела на него... И он позволял мне смотреть. Я слышала его тяжелое дыхание.

А потом я вновь оказалась у него на руках, и он бережно уложил меня на мех покрывала.

– Лунное сияние... – прошептал он, пропуская сквозь пальцы мои волосы.

Я и не знала, что способна на такие ощущения, я точно заново училась познавать свое тело. Тело... грешная плоть – так нас учили в монастыре. Но теперь я знала, зачем человеку дана эта плоть. Это было как прилив... Вал за валом поднимались во мне. Я дрожала и горела одновременно. И со мной был Эдгар! Он целовал, ласкал меня, и ему это нравилось.

Я и не заметила, когда он раздел меня. Наверное, мне должно было стать стыдно, но я не испытывала стыда. Я видела восхищение в его глазах, и мне хотелось, чтобы он смотрел на меня. И дотрагивался... Дотрагивался то почти невесомо, то сильно, так что я стонала. Теперь я сама отвечала на его поцелуи, сама целовала его, словно бросая вызов. Словно требуя... сама не зная чего. Его прикосновения, его поцелуи... на груди, бедрах, даже там, где я и представить не могла. Но почему-то я все ему позволяла. Боже, я бы умерла, если бы он этого не делал.

– Пожалуйста... – шептала я, и будто какая-то необъяснимая сила выгибала меня. – О, пожалуйста.

Его тяжесть... Он и я так близко... В каком-то сиянии я вижу его улыбающееся лицо над собой. И с удивлением ощущаю боль.

– Мне больно.

Я скорее удивилась, чем пожаловалась.

– Скоро это пройдет. Потерпи немного, мой ангел.

Боль утихла. Я поняла, что отныне принадлежу ему. Он во мне. Но он не двигался, лишь по-прежнему были нежны его губы. И еще я ощущала тепло в глубине себя, и когда Эдгар чуть подался от меня и тепло стало уходить, я не смогла сдержать невольный всхлип. Но он не ушел, вернулся в меня, и я блаженно вздохнула, обнимая его и не замечая, как стала двигаться с ним в унисон.

– Самая прекрасная, чудесная моя, радость моя... Я люблю тебя.

Я плакала от счастья. В его тесных объятиях я совершенно потеряла голову, по телу словно прокатывались сжигающие волны, нас потрясал слившийся в единый порыв ритм тел, ритм сердец, стучавших так близко... Это был вихрь, вторжение, исступление, и наслаждение росло, пока я не вскрикнула, ослепленная водопадом из звезд и негой тумана...

Я слабо различила его лицо над собой, нежное, покрытое бисеринками пота, с волнистыми, прилипшими ко лбу прядями. Он улыбался.

– Откуда ты такая, мое лунное чудо?

Я прикрыла глаза и уткнулась в его плечо. Мне было так хорошо, так спокойно... Я согрелась. Кажется, заснула. Но в какой-то миг открыла глаза. Эдгар спал рядом, обнимая меня. Он укрыл меня мехом, и я вся была в тепле его рук, его тела. А вот мои рука и плечо несколько озябли. Я оглянулась. Огонь в очаге догорел, и лишь багряно рдела куча углей. Как сладко пахло шишками. Наверное, я долго проспала.

Я повернулась к Эдгару, и меня затопило счастье. Мой мужчина, мой возлюбленный супруг. Рот у Эдгара нежный, с мягким изгибом, словно у ребенка. Изгиб шеи еще нежнее, мягче, а тени от длинных ресниц веером лежали на смуглых щеках. Была в нем некая, почти девичья красота, но тело он имел сильное и крупное, тело настоящего мужчины, с большими плечами и мощными ногами. И этот контраст тронул меня невыразимо. И еще меня приятно удивил его запах – он пах цветами, далекими экзотическими цветами чужих краев. Я знала об этих восточных притираниях – амбра, мускус, алоэ. Но так трогательно и приятно, когда от мужчины исходит аромат цветов. И так волнительно.

В покое становилось холодно. Я осторожно разняла обнимавшие меня руки и на цыпочках подошла к очагу, стала накладывать на уголья поленья. Мне было холодно, но и мучила жажда. И очень хотелось есть. Я взяла с блюда на ларе одно из яблок и с удовольствием съела. Потом еще одно. Постепенно мысли мои стали проясняться. Я заметила, что в доме стоит тишина и, предвещая новый день, где-то горланит петух. Утро нового, самого необычного для меня дня. Дня, когда я стану супругой мужчины, который первым меня поцеловал, овладел мной. Того самого, о котором я столько мечтала!

Но почему-то мне вдруг стало тревожно. Состоится ли наше венчание? Но ведь Эдгар же мне обещал! Как-то странно, бездумно обещал, словно это его совсем не касалось. О, Пречистая Дева! Он не может отказаться от меня теперь, после того, что было меж нами!

Эдгар спал, а мне в голову лезли самые странные мысли. Этот дикий йоль по сути вакханалия и пьянка. Насколько был во хмелю шериф? Я же сама видела, что он пьян. Но я не знала, насколько опьянен может быть мужчина. До сих пор я имела дело лишь с подвыпившими крестьянами, когда их по праздникам угощали в монастыре. Но здесь... Я вспомнила пьяных саксов в зале усадьбы. Нет, мой Эдгар совсем не таков. И все же это его непонятное веселье, беспечность...

Наконец я решила, что глупо сидеть нагишом перед огнем. Вернуться к Эдгару, ведь я уже принадлежала ему? Нет – между нами больше не будет близости, пока мы не обвенчаны.

Глупо? Возможно. Но сегодня я вообще мыслила иначе. Я отдалась ему, чтобы он захотел жениться на мне. И потому, что сама хотела этого. Так хотела!

На меня вдруг обрушился стыд. А когда я заметила у себя на внутренней стороне бедер следы крови, стало еще хуже. Поразмыслив немного, я залезла в лохань. Вода была почти остывшей, и, стуча зубами, я поспешила поскорее выбраться оттуда и одеться.

За ставнями все громче кричали петухи. Утро. И что теперь? Этой ночью я стала женщиной Эдгара, и если он хоть немного чтит наши обычаи, то должен будет жениться на мне. Я же должна вести себя как его жена и хозяйка.

Собравшись с духом, я вышла из комнаты. В полутемном зале было тихо. Здесь все спали. Стараясь производить как можно меньше шума, я спустилась вниз, перешагивая через развалившихся кто где спящих, пошла к выходу. У дверей лежала большая собака, и она зарычала на меня. Я остановилась.

– Уйди. Ты хороший, но уйди.

Я говорила тихо, но замерла, заметив, что спавший на скамье под стеной мужчина стал подниматься. Сел, тупо уставившись на меня. Я увидела его исцарапанное лицо. Это был один из тех, кто вчера набросился на меня. Он поднял руку, тарачился, тыча в меня пальцем. Я живо вспомнила, что вчера мне грозило, и меня обуял страх. Что, если...

Я взбежала по лестнице на противоположную галерею. Где-то здесь была дверь, через которую я вошла. Не эта ли? На пороге я оглянулась. Заметивший меня мужчина спал, привалясь к стене и свесив голову.

Я перевела дыхание и толкнула створку двери.

В небольшом покое на скамье неподалеку от очага спала Риган, закутавшись в широкий плащ. Но едва скрипнули петли, как она поднялась и окинула меня пристальным взглядом.

– Вот и ты, девушка. Или уже не девушка?

Я ощутила стыд. Чувствовала себя как послушница, пойманная в опочивальне с лишним одеялом.

Помоги мне, Боже!

Напустив на себя невозмутимый вид, я проговорила:

– Миледи, мой супруг сэр Эдгар, когда проснется, наверняка пожелает перекусить. Я его жена и обязана предугадывать желания мужа. Но я пока слабо ориентируюсь в усадьбе. Не можете ли мне?

Она спокойно поправила волосы, темные, собранные сзади в пучок. На мое сообщение, что теперь я тут госпожа, никак не отреагировала. Накрыла волосы шалью.

– Пойдем.

В кухне тоже спали вповалку. В углу на соломе я заметила Утрэда в обнимку с какой-то служанкой.

Я нервничала, и, когда Риган накладывала мне на поднос снедь, руки у меня дрожали. Она даже предостерегла, чтобы я не обронила все по дороге. Вот уж нет. Я решила быть тут госпожой, а значит, мне и держаться надо, как госпоже.

Когда я вернулась, Эдгар по-прежнему спал. А что делать мне? Я решила вести себя так, словно все уже решено и остается только обсудить детали брачного договора. И да поможет мне Господь не сплеховать при заключении этой сделки!

По утрам я обычно молилась. Вот и теперь, опустившись на колени и молитвенно сложив ладони, я постаралась сосредоточиться на словах из Писания.

– Ego dormivi et soporatus sum et exsurrexi, quia Dominus suscipiet me, non timebo...⁴⁸

Когда сзади скрипнула кровать, я чуть не подскочила, однако заставила себя дочитать псалом до конца. Оглянулась. Эдгар, приподнявшись на локте и шурясь спросонья, смотрел на меня.

– Монахиня? Какого черта...

Он сделал жест рукой, словно отгоняя видение, и вновь рухнул на подушки. Кажется, собирался и далее спать.

Поколебавшись немного, я приблизилась.

– Милорд... Милорд, супруг мой.

Он никак не отреагировал. А я смотрела на него и вновь ощутила смятение. Его сильная грудь, небрежный поворот головы, завитки волос на шее... Мне вдруг захотелось, чтобы он, как этой ночью, обнимал меня, целовал, шептал нежные слова.

– Эдгар...

Я не удержалась и дотронулась до него, провела пальцами по его груди, плечу.

Он так резко и сильно схватил меня за запястье, что я вскрикнула. Он в упор глядел на меня, был настороже, словно зверь перед прыжком. Потом перевел дыхание и опустил мою руку.

– Так это не сон. Кто вы, во имя самого неба?

Я же не могла вымолвить ни слова. И где-то в глубине, у самого сердца ощутила, как разливается холод.

⁴⁸ Ложусь, сплю и встаю, ибо Господь защищает меня... Не убоюсь (*лат.*).

Он смотрел на меня сначала пристально, потом губы его чуть тронула улыбка.

– Кажется, я узнаю тебя по этой серебристой прядке, выбивающейся из-под покрывала.

Лунное сияние?..

Он сел, обхватил руками голову и глухо застонал.

– Уж эти мне старые обычаи... Этот йоль... Вот что, малышка, погляди, не осталось ли там вина в кувшине.

– Милорд, я тут принесла вам эля и немного паштета.

– Умница, девочка. Дай-ка сюда эль.

Он пил, поглядывая на меня поверх края кружки, а когда оторвался, даже улыбнулся.

– Теперь припоминаю! Ты та восхитительная сладкая девочка, доставившая мне вчера столько удовольствия. Как тебя зовут?

– Милорд, мое имя Гита.

– Гита? У тебя старое саксонское имя, голубушка. Хотя говоришь ты по-нормандски.

Он встал и, как был нагой, прошел к лохани, опустился в нее.

– Вода остыла, – как-то глупо сказала я. Сказала на нашем языке.

– Да, есть немного. О, да ты и саксонский знаешь?

Он прислонился спиной к краю лохани, прикрыл глаза.

– Ну, кто это догадался прислать тебя ко мне?

– Никто, милорд. Я сама пришла. Я Гита из обители Святой Хильды.

Меня даже подташнивало от страха. Что означают эти вопросы? Мы ведь уже все с ним обговорили.

Он повернулся ко мне.

– Из монастыря? Что ж, для монахини у тебя весьма странные привычки. Пришла сама, говоришь? Гм...

Я даже подскочила.

– Я не монахиня, сэръ! Я Гита Вейк, внучка Хэрварда Вейка. И вчера вы поклялись жениться на мне!

Он молча смотрел на меня. Нахмурился.

– Гита Вейк. Саксонка. Женщина из наиболее славного в Дэнло рода. Три тысячи щепок Святого Креста! Внучка самого Хэрварда. Тогда объясни, что заставляет вас вести себя, как девка? Так легкомысленно разбрасываться своей честью? Пообещал жениться? Да я был пьян вчера, как свинья Давида. Я бы мог пообещать луну с неба и корону Англии в придачу.

И тогда я вскочила. Я кричала, что он не был пьян, когда принес меня вчера сюда. Что я пришла к нему за помощью, что ко мне пристали его пьяные гости, а он подхватил меня на руки и принес в этот покой. И когда я сказала, что нуждаюсь в защите от своего опекуна аббата Ансельма, то он обещал жениться на мне. Сказал, дескать, свадьба состоится прямо сейчас. И мы даже выпили за это. Я решила принадлежать ему, только когда он сказал, что...

Я вдруг осеклась. Ведь, по сути, он ничего не обещал мне. Я услышала только то, что хотела. И я сама хотела его.

В какой-то миг я поняла, что плачу. Комната расплывалась в пелене слез. Огонь в очаге, лохань и мужчина, смотревший сейчас на меня... Мужчина, которому я отдалась этой ночью, с которым потеряла свою невинность, но который даже не запомнил моего имени. А я-то надеялась, что он по старой традиции подарит мне свадебные браслеты наутро.

Я закрыла лицо руками и разрыдалась. Где же все мои намерения оставаться твердой и серьезной? Дабы обсудить с ним все. Я перевела дыхание. Хотя почему бы и не обсудить? Ведь как невеста я еще могу устроить его.

Когда я посмотрела на него, он уже стоял рядом, одетый в халат из черной мягкой ткани, опущенный мехом, и протягивал мне кружку с элем. Взгляд его был добрым.

– Вот, немного выпейте и успокойтесь.

– Я спокойна, сэр. И я хочу говорить с вами.

Я начала все по порядку, с самого начала. С того, как после ранней смерти родителей меня еще ребенком отдали в монастырь, а преподобный Ансельм стал хозяйничать в моих землях, пока не разорил их полностью. Рассказывала, как мои крестьяне не раз обращались ко мне за помощью, как прислали гонца в последний раз и я ночью поехала в Тауэр-Вейк. И там стала свидетельницей схватки между своими людьми и наемниками некоего Уло, человека Ансельма. А теперь Ансельм готовит карательную экспедицию в фэнленд.

Эдгар внимательно слушал меня, порой прихлебывая эль из кружки, которую я так и не приняла. На меня он не смотрел, порой хмурился.

– Преподобный аббат Ансельм слишком много на себя берет. Как и вы, миледи. Вы его несовершеннолетняя питомица, вы в его руках, и только опекунский совет, только король может назначить для вас нового покровителя.

– Но если я стану... вашей женой? – Я почти выдохнула это, почувствовала, как огнем запылало мое лицо.

Он краем глаза поглядел на меня, но ничего не сказал. И тогда я решила продолжать. Старалась говорить спокойно, как и решила вначале, трезво взвешивая каждое слово. Опять говорила то же, что пыталась втолковать ему и вчера: мои земли, граничащие с его владениями, мои доходы, мое имя, наконец... Мое доброе имя, если он не откажется от меня после случившегося и моя честь не будет втопанной в грязь.

Эдгар стремительно поднялся, приблизился к двери и, осторожно приоткрыв ее, выглянул в зал.

– Пока еще все спят. Я велю Риган тихо выпроводить вас. Так никто не узнает... не узнает, что было меж нами. Я же буду молчать, и ваша репутация останется незапятнанной.

У меня вдруг появилось чувство, что я умерла – внутри все стало черным и пустым. Я еле смогла разлепить губы.

– Вы прогоняете меня?

Он смотрел на меня, и лицо его было печальным.

– Так будет лучше.

Я не сводила с него глаз, замерла. Он приблизился и... Мне показалось, что сейчас он обнимет меня. О, если бы только обнял!..

Но он отвел взгляд.

– Разрази меня гром! Все это... Все, что случилось... Вы ведь очень красивая девушка, леди Гита. Вы красивы и будите желание... Но лучше, если вы уйдете. Я не хочу с вами поступать подло. Не может быть и речи, чтобы я объявил вас своей невестой. Я уже помолвлен.

Помолвлен? Я удивленно смотрела на него и наконец все поняла. Значит, моя жертва была напрасной. И тут же стыд, гнев и горькая обида захлестнули меня. Еле нашла силы сказать:

– Я ничего не знала об этом.

– Об этом и так мало кто знает. И зря... как оказалось.

Он словно не мог стоять подле меня. Отошел, тряхнул головой.

– Значит, так...

Я почти не слушала, что он говорил. Что-то о том, что Ансельм слишком дерзок и, по сути, провоцирует мятеж. И он, Эдгар, немедленно пошлет об этом донесение ко двору. Больше он пока не может для меня сделать. Не может с оружием выступить против аббата и проливать кровь, что приведет к еще большей смуте в Норфолке. Ведь Церковь очень сильна в Восточной Англии, и воевать с духовными особами – значит навлекать на себя гнев короля и лишиться расположения людей, чьи молитвы еще могут пригодиться. Да, Эдгар думал только о своем положении, о мире в Дэнло, а мои люди, а я...

– А я?

Мне показалось, что я почти прокричала этот вопрос, но это был всего лишь какой-то сдавленный звук.

Он странно поглядел на меня.

– Гита... миледи... Я обещаю, что лично позабочусь о вас. Я не дам вас в обиду.

Я поднялась. Все вокруг плыло. Я покачнулась, и он тут же очутился рядом, поддержал меня. И опять мы оказались близко. Он смотрел на меня особым горящим взглядом, и от этого что-то шевельнулось во мне. Силы небесные! – меня так тянуло к нему!.. И когда он медленно и нежно привлек меня к себе, я не сопротивлялась.

Он целовал мои волосы, глаза, губы. Я стала задыхаться, слабеть. Но нашла в себе силы упереться в его грудь руками, отстраниться. Он дрожал, как крупное животное. Меня тоже охватила дрожь. И тогда я решилась.

– Эдгар... А эта помолвка? Ее нельзя расторгнуть?

Он даже отшатнулся. Несколько раз глубоко вздохнул, словно справляясь с охватившими его чувствами.

– Нет. Черт побери, нет!

Резким движением сгреб со лба волосы.

– Я получил письмо от короля. Он подтверждает... Он по-прежнему хочет этого. И она. Я судорожно вздохнула.

– Кто... Кто ваша невеста?

– Она дочь короля. Бэртрада Нормандская.

Я прижала кулак к губам и закусила костяшки пальцев. Дочь короля. А я... всего-то внучка мятежника.

Рыдания без слез разрывали мне грудь. И все же я держалась.

– Думаю, мне надо поскорее уйти, милорд.

– Да... надо уйти.

Я больше не взглянула на него. Не помню, как вышла. Мне непереносимо было чувствовать на себе взгляд Риган – участливый, печальный, но и немного снисходительный. Она где-то нашла мою накидку.

– Может, немного перекусите перед дорогой?

– Нет, нет. Я должна уехать.

– Что ж, тогда пойду скажу Утрэду, чтобы собирался.

Вопросы Утрэда причиняли мне боль. Нет, Эдгар Армстронг не может жениться на мне. Он уже обручен, и обручен с дочерью короля Генриха. Утрэд даже присвистнул.

– Ну тогда плохи наши дела. Как же теперь быть?

– Шериф Эдгар пообещал переговорить с Ансельмом.

– Пуп Вельзевула! Что нам его переговоры? Воистину люди не зря говорят, что он продался норманнам.

– Раньше ты его только хвалил.

Он сплюнул, но ничего не сказал. Я чувствовала, что он то и дело оглядывается на меня. Похоже, догадывался, что произошло меж мной и Эдгаром этой ночью, но не решается спросить.

– Пропади я пропадом, если еще стану служить этому волку!

Мы ехали навстречу морозному солнечному дню. На ветках деревьев искрился иней, долетел лай собак, где-то слышались рождественские песнопения, звонил колокол. Ничего этого я не осознавала. Все мои надежды рухнули, я была обманута и обесчещена. Внутри меня воцарились лишь мрак и пустота, а еще жгучий стыд. И где моя самоуверенность, моя наивная самоуверенность?.. Выходит, я ничем не лучше своих диких людей в фэнах.

Я заставила себя выпрямиться в седле.

Что бы ни случилось, я не должна забывать, что на мне лежит ответственность за моих людей. Теперь настало время все обдумать и принять решение. На Эдгара я больше не рассчитывала, я могла положиться только на себя.

– Едем скорее, Утрэд. У нас мало времени. Мы должны поднять фэны. Должны постоять за себя!

Глава 4

Хорса

Январь 1132 года

Я был рожден стать воином, героем, вождем... А вышло всю жизнь прозябать в мелочах усадебного хозяйства. Увы, мне не повезло, я родился спустя почти двадцать лет после того, как отшумели бои саксов за свою свободу. Мне пришлось жить в тоскливое мирное время.

Я скучал.

После бешеных веселых дней йюля я вернулся в свою усадьбу Фелинг и... Короче, делать мне было нечего, клянусь душой моего прародителя Хорсы⁴⁹ Сакса!

Зима была в самом разгаре. Сухой рождественский мороз сменился ледяными туманами и дождями. Поля превратились в сплошную грязь, дороги стали скользкими, ненадежными. Не было даже возможности размяться, выехав с соколом на охоту. Приходилось сидеть в дымном тепле помещения, пить эль да судачить.

В зале моего бурга было темно и дымно. Окна, заколоченные на зиму, не давали света, из-за ненастья пришлось прикрыть и дымовую отдушину, и дым чадным облаком скапливался под скатами тростниковой кровли. Все обитатели усадьбы собрались у огня. Кто чинил упряжь, кто резал по дереву, женщины чесали шерсть. Моя мать, благородная Гунхильд, восседала на высоком, похожем на трон кресле, а перед ней на подставке лежала большая книга с округлыми саксонскими литерами.

Мать громко, нараспев, читала старинную саксонскую поэму «Скиталец».

...Где же тот конь и где же конник?
Где исконный златодаритель?
Где веселье застолий?

Где все эти хоромы? —
Увы, золотая чаша,
Увы, кольчужный ратник,
Увы, войсководы слава...
То миновало время,
Скрылось, как ни бывало,
За покрывалом ночи⁵⁰.

Мне стало скверно. Да, исчезли, прошли времена славы моего народа. Да и где этот народ, где его гордая знать? Погублены, придавлены, смешали свою кровь с завоевателями. Эти проклятые норманны!.. Они теперь тоже величают себя англичанами, говорят, что эта земля столько же их, сколько и наша. Как бы не так! Никто не заставит меня уверовать, что однажды саксы не вскинут головы, не обнажат мечи, не начнут резать глотки завоевателям, и тогда повторится та великая кровавая ночь, когда саксы однажды уже сумели показать себя, напоив клинки кровью надменных данов⁵¹. И тогда вновь на трон взойдут потомки старой династии и к Англии вернется ее слава.

⁴⁹ Хорса – один из известных завоевателей-саксов, вторгшихся в Англию в V веке.

⁵⁰ Перевод В. Тихомирова.

⁵¹ Ночь на 13 ноября 1002 года – массовая резня, которую саксы устроили датчанам, жившим в Англии, когда были вырезаны целые семьи от мала до велика.

Почему-то, думая о потомках прежних государей, я невольно вспомнил Эдгара Армстронга. Ведь в его жилах тоже течет кровь великого Гарольда Годвинсона. Когда он вернулся из Палестины – какое воодушевление я почувствовал! Вот, думал я, появился наконец мужчина, воин, крестоносец, который пробудит саксов от спячки, сплотит их и поведет на борьбу с завоевателями – норманнами. А вышло... Этот красавчик, этот онорманившийся сакс, только о том и помышлял, как бы выслужиться перед их королем. Об объединении саксов он и слышать не желал. Он строил свой замок, разводил своих лошадей, кичился данной Генрихом властью. И напрасно Бранд и другие требовали, чтобы мы держались его, потому что он-де будет защищать наши права. Я уже понял, что ему не до борьбы, и не знаю, почему продолжаю ездить к нему.

Бесспорно, Эдгар гостеприимный хозяин и неплохо угощал нас на этот йоль. Обычаев-то он придерживается, но и только. Но он не вождь, не таков, каков был его отец Свейн – человек, которого я всегда почитал.

Я поглядел на мать. Она уже стара, глаза ее выщвели, лицо избороздили морщины. Но она по-прежнему стройна, как пламя свечи, и манеры у нее величественные. Люди говорили, что Свейн Армстронг уважал и почитал ее поболее иных, преклонялся перед ней. Сам он взял в жены робкую женщину, хотя и саксонскую принцессу. Но это был не тот брак, какой ему нужен, и люди говорили, что Свейн заглядывался на благородную Гунхильд. Мать всегда была величава и почитаема, хотя и стала женой такого слабого и бесцветного тана, как мой отец, Освин. Пусть это и грешно, но я не вспоминал об отце с почтением, а при его жизни даже стыдился его, маленького, робкого, вечно хлопотавшего над своими овцами, свиньями, коровами. Неудивительно, что когда в Фелинге появлялся воинственный Свейн, я так и кидался к нему. И если он обращал на меня внимание – у меня душа пела. И почему Свейн не увел мою мать из дома, не забрал с собой? Сделал бы ее хоть второй женой, на датский лад. Но нет, моя мать была слишком горда и никогда не пошла бы на это. Она глубоко убеждена, что только венчанная супруга может стать настоящей женой и госпожой в доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.